А С Пругавинъ.

РЕЛИГІОЗНЫЕ ОТЩЕПЕНЦЫ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО СЕКТАНТСТВА

2013

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Немоляки — „Вредныя секты“ — Штунда среди великороссовъ — Бѣлоризцы — Интеллигентная секта

ПЯТАЯ ТЫСЯЧА

№ 657

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“
МОСКВА — 1906

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Типо-литографія Т ва И Н КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул соб. д
МОСКВА—1906

Оглавленіе.

стр.

Отъ автора V

I Немоляки.

I. Казаки раціоналисты 3
II. Ученіе „О Христовѣ совершенствѣ“ . . 15
III Уставныя грамоты и секта немоляковъ . 23
IV. Упорщики 31
V. Немоляи въ Осинскомъ уѣздѣ 38
VI. Сибирскіе немоляки 44

2. Медальщики. 53

3. „Вредныя секты“.

I. Бѣгуны 63
II. Неплательщики 76
III Лучинковцы 93

4. Новая секта.

I. 105
II. 111
III. 119
IV. 124
V. 132

5. Штунда среди великороссовъ

I. Иконоборцы 141
II. Ученіе и жизнь 145
III. „Пашковскія брошюры“ и духовные стихи. 151
IV. Судъ. 158

стр

6. Бѣлоризцы.

I. Первая встрѣча. 171
II Донскіе и владимірскіе бѣлоризцы . . 173
III „Опрощеніе“. 184
IV. Основатель ученія симбирскихъ бѣлоризцевъ. 191
V. Послѣдователи Писцова. 19о
VI Мое знакомство съ Писцовымъ 205
VII. Любимыя темы 214
VIII. „Крѣпкіе“ и „слабые“ люди 217
IX. Отчего разбился нашъ карабль? 224

7. Интеллигентная секта.

I. Артиллерійскій капитанъ — основатель секты 238
II. Члены „Духовнаго Братства“. 245

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Отъ автора.

Въ нашей печати почти совсѣмъ не появляется статей и изслѣдованій, которыя объективно и всесторонне знакомили бы съ религіозной, духовной жизнью русскаго народа, съ ея современными проявленіями, съ новыми теченіями, съ новыми потребностями и запросами, которые возникаютъ въ народѣ въ этой области *). Между тѣмъ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, условій и событій текущей государственной и общественной жизни, со всѣми ея экономическими и соціальными факторами, а съ другой—вслѣдствіе постепеннаго распространенія въ народѣ грамотности, начальнаго образованія, чтенія книгъ и т. д. — новыя теченія религіозно-этическаго характера, новыя духовныя потребности постоянно нарождаются, постоянно

*) Едва ли не единственной попыткой освѣтить и выяснить характеръ главнѣйшихъ теченій религіозной жизни русскаго народа является въ послѣднее время извѣстный трудъ П. Н Милюкова, а именно вторая часть его „очерковъ по исторіи русской культуры. Но и этотъ трудъ почтеннаго автора имѣетъ въ виду главнымъ образомъ выясненіе исторической эволюціи религіозной мысли въ народѣ, причемъ лишь слегка, общими штрихами рисуется *современная* намъ духовная религіозная жизнь народа.

возникаютъ въ народной средѣ, иногда отливаясь въ ненормальныя, уродливыя формы.

Объ отсутствіи у насъ подробныхъ, спеціальныхъ изслѣдованій современнаго религіознаго состоянія народа нельзя не пожалѣть особенно въ виду той огромной роли, какую, безъ сомнѣнія, играютъ религіозныя воззрѣнія народа на весь складъ его нравственныхъ понятій и руководящихъ, жизненныхъ принциповъ, на всю его этику.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ и характерныхъ проявленій религіозной жизни русскаго народа, какъ извѣстно, признается наше сектантство, состоящее изъ цѣлой сѣти самыхъ различныхъ ученій, толковъ и сектъ, представляющихъ огромное разнообразіе какъ по ближайшимъ причинамъ и мотивамъ, вызывающимъ ихъ возникновеніе, такъ и по ихъ внутреннему содержанію и характеру. Хотя этому явленію удѣляется не мало вниманія въ нашей свѣтской и духовной печати, но, къ сожалѣнію, журнальныя статьи и изслѣдованія не всегда выясняютъ съ достаточной полнотою тѣ именно стороны сектантства, которыя представляютъ не малый интересъ для интеллигентнаго общества.

Разработывая преимущественно догматическую сторону сектантскихъ движеній, наша печать лишь изрѣдка и мимоходомъ останавливается на психологическихъ, общественныхъ, бытовыхъ, этнографическихъ и прочихъ факторахъ сектантскихъ движеній.

Впрочемъ необходимо признать что для изслѣдованій и работъ обобщающаго, синтетическаго характера мы не располагаемъ еще достаточнымъ количествомъ матеріала, такъ какъ исторія многихъ религіозныхъ движеній у насъ до сихъ поръ еще не выяснена въ должной степени; множество архивовъ, содержащихъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ по этому вопросу,—матеріалъ, который могъ бы пролить яркій свѣтъ на многія стороны этого замѣчательнаго явленія народной жизни,—до сихъ поръ еще остаются совершенно не разработанными. Да и современное состояніе сектантства и раскола представляется во многихъ отношеніяхъ неяснымъ, спорнымъ и загадочнымъ. Для примѣра достаточно указать хотя на статистику сектантства.

Извѣстно, что по даннымъ первой всеобщей переписи общее число всѣхъ старообрядцевъ и сектантовъ въ Россіи опредѣлено въ 2,137,738 душъ обоего пола. Между тѣмъ есть много основаній думать, что цифра эта совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и не даетъ никакого представленія о степени распространенія въ Россіи старообрядцевъ и сектантовъ. Основываясь на свѣдѣніяхъ, опубликованныхъ въ прежнее время и на данныхъ оффиціальнаго и полу-оффиціальнаго характера, нѣкоторые изслѣдователи раскола опредѣляютъ въ настоящее время число старообрядцевъ и сектантовъ въ Россіи до 20 милліоновъ.*) Та-

*) См. напримѣръ, статью А. Борецкаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ за прошлый 1902 г. „Два милліона или же 20 милліоновъ?“

кимъ образомъ невольно является вопросъ: кто-же правъ? На чьей сторонѣ истина?

Не менѣе спорными и невыясненными представляются вопросы о внутреннемъ характерѣ ученій многихъ сектъ, объ огранизаціи ихъ общинъ, объ ихъ отношеніи къ государственному строю, къ культурѣ и т. д.

Имѣя въ виду хотя сколько нибудь пополнить указанный нами выше пробѣлъ, мы и рѣшили издать написанные нами въ разное время очерки нѣкоторыхъ сектъ. Смѣемъ думать, что эти очерки могутъ послужить *матеріаломъ* для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя пожелали бы познакомиться съ происходящими у насъ въ послѣднія десятилѣтія религіозно-бытовыми движеніями русскаго народа.

Предлагаемые вниманію читателей очерки были первоначально напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а именно: очеркъ «Немоляки»—въ «Вѣстникѣ Европы» за 1883 годъ, «Медальщики»—въ «Недѣлѣ» за тотъ-же годъ, «Вредныя секты»—въ «Русской Старинѣ» 1884 г., «Новая секта» и «Интеллигентная секта»—въ «Русскомъ Курьерѣ» 1883 г. «Штунда среди великороссовъ»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1884 г. и «Бѣлоризцы»—въ журналѣ «Образованіе» 1903 года.

Немоляки.

Очеркъ изъ области народнаго сектантства.

НЕМОЛЯКИ

Очеркъ изъ области русскаго народнаго сектантства.

Настоящій очеркъ изъ области русскаго народнаго сектантства составленъ изъ свѣдѣній, частью собранныхъ авторомъ и сообщенныхъ ему разными лицами, частью извлеченныхъ имъ изъ мѣстныхъ архивовъ, и изъ литературы предмета. Эта литература немногочисленна. Свѣдѣнія о немоляка̀хъ Земли войска донского заключаются въ статьѣ В. С Толстого, помѣщенной въ «Чтеніяхъ» Московскаго Общества исторіи и древностей (1864, № 4). Статья эта, написанная, къ сожалѣнію, очень тяжелымъ, устарѣвшимъ языкомъ, является пока единственнымъ трудомъ, знакомящимъ съ сектою немоляковъ въ Землѣ донского войска. О сектахъ аналогичнаго характера, возникшихъ въ Тверской и Нижегородской губерніяхъ, можно найти свѣдѣнія въ статьяхъ мѣстныхъ изслѣдователей, главнымъ образомъ отца Беллюстина и А. С. Гацисскаго. Свѣдѣнія о современномъ состояніи этой секты въ Вятской губерніи получены нами при посредствѣ дѣйствительнаго члена императорскаго русскаго географическаго

общества протоіерея Н. Н. Блинова и секретаря вятскаго губернскаго статистическаго комитета Н А. Спасскаго, за что и свидѣтельствуемъ этимъ лицамъ свою искреннюю признательность. Данныя о немолякахъ Пермской губерніи извлечены нами изъ подлинныхъ дѣлъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ.

I.

Казаки-раціоналисты.

Секта «немоляковъ» первоначально возникла въ Землѣ войска донского. Это было въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, стало быть какъ разъ въ то время, когда разнаго рода преслѣдованія, стѣсненія и гоненія противъ уклонившихся изъ лона православной церкви были въ полномъ ходу и практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Основателемъ этой секты считается казакъ донского войска Гавріилъ Зиминъ, житель Ѳедосѣевской станицы. Въ молодыхъ годахъ Зиминъ участвовалъ въ походахъ противъ французовъ, откуда вернулся домой съ георгіевскимъ крестомъ. Нужно думать, однако, что война съ ея кровавыми сценами насилія произвела тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе на воспріимчивую душу молодого казака. Далѣе мы увидимъ, что безусловное отрицаніе войны сдѣлалось впослѣдствіи однимъ изъ видныхъ положеній ученія, созданнаго Зиминымъ.

Съ малолѣтства Зиминъ былъ старообрядцемъ и принадлежалъ къ поповщинской сектѣ; но затѣмъ онъ оставилъ эту секту и перешелъ въ безпопов-

щину, представляющую, какъ извѣстно, гораздо бо́льшій просторъ для пытливой, критической мысли. Къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ, къ какому именно толку безпоповщины примкнулъ Зиминъ. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что ученіе безпоповщины также не въ состояніи было дать ему того нравственнаго удовлетворенія, какого искала его пытливая, страстная натура. Тогда онъ отказывается и отъ безпоповщины и начинаетъ уже самъ изыскивать правую вѣру по старо-печатнымъ книгамъ и всевозможнымъ рукописямъ, которыя во множествѣ ходили на Дону среди старообрядческаго населенія.

Результатомъ этой усиленной работы явилось новое, «совершенно неслыханное ученіе, которое хотя и основано на священномъ писаніи, но такой секты еще нигдѣ не было». Выработавъ такимъ образомъ болѣе или менѣе цѣльное ученіе и разрѣшивъ себѣ всѣ мучившія его сомнѣнія, Зиминъ не могъ, разумѣется, не дѣлиться своими выводами съ окружавшими его людьми. Онъ началъ учить, началъ проповѣдывать; а это, конечно, не могло пройти для него безнаказанно.

«За странныя толкованія Зимина, мѣстное начальство, сочтя его безпоповцемъ». привлекло къ суду; это было въ 1837 году; Зиминъ былъ уже «старъ лѣтами». Явившись на судъ, онъ снялъ съ груди георгіевскій крестъ, пожалованный ему за французскую войну, и отдалъ его начальству. Приговоренный судомъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край, Зиминъ былъ поселенъ въ Шемахинской губерніи.

Между Землей войска донского и Кавказомъ постоянно существовали извѣстныя сношенія и связи; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что вскорѣ послѣ ссылки Зимина, донскіе казаки, посѣтивъ

Тифлисъ, увидались съ опальнымъ проповѣдникомъ новой вѣры. Зиминъ сумѣлъ воспользоваться этимъ свиданіемъ, чтобы убѣдить земляковъ въ правотѣ своего ученія. Вернувшись на родину, земляки, въ свою очередь, начали проповѣдывать, что только одна немоляцкая вѣра можетъ привести человѣка ко спасенію. Ихъ проповѣдь имѣла большой успѣхъ, вслѣдствіе чего «правительство, видя быстрое умноженіе, приняло мѣры: часть фанатиковъ была выслана за Кавказъ, часть вразумлена увѣщаніями»: остальные отданы были подъ надзоръ полиціи.

Въ чемъ же собственно состояло это новое ученіе, получившее среди православнаго населенія названіе секты немоляковъ?

Исходнымъ пунктомъ, основой всего міросозерцанія немоляковъ является понятіе «о временахъ вѣка». Такихъ «временъ вѣка» по ученію немоляковъ, четыре, а именно: отъ сотворенія міра до Моисея — *Весна* или вѣкъ праотческій; отъ Моисея до Рождества Христова — *Лѣто* или вѣкъ отеческій; отъ Рождества Христова до 1666 года—*Осень*, вѣкъ сыновній, а съ 1666 года — *Зима*, вѣкъ Святого Духа.

Истина погасла,—учатъ немоляки,—вѣра скрылась и такъ какъ уже насталъ вѣкъ Св. Духа, то поэтому «осталась только одна надежда на спасеніе души въ исполненіи тѣхъ предметовъ, кои приказано совершать въ духѣ, но ничуть не плотью или какими вещественными обрядами». Усвоивъ себѣ мысль, что они существуютъ въ вѣкѣ Духа, немоляки считаютъ долгомъ все священное писаніе, безъ исключенія, толковать и понимать не иначе какъ въ духовномъ смыслѣ; не даромъ, думаютъ они, сказано въ писаніи: «отверзу уста моя *въ притчахъ*».

Слѣдуя этому правилу, немоляки дошли, нако-

нецъ, до того, что «даже Рождество І. Христа, его страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе превратили въ духовный смыслъ, толкуя такъ: Дѣва Марія есть благое дѣло, отъ котораго родилось слово Божіе, т.-е. І. Христосъ, сынъ Божій»; тѣлеснаго же пришествія Христа они не признаютъ. Далѣе немоляки толкуютъ, что Богъ-Отецъ означаетъ отеческое правило, бывшее до Р. Христова, Богъ-Сынъ — сыновнее правило, имѣвшее силу отъ Р. Христова до 1666 года и, наконецъ, Св Духъ означаетъ существующее нынѣ правило на послѣднія нынѣшнія времена.

По ученію немоляковъ, со времени окончанія 7-ой тысячи лѣтъ духовныя власти и церковное богослуженіе съ разными наружными обрядами потеряли всякую силу и значеніе. Поэтому они отрицаютъ священство и церковную іерархію; самого патріарха они «считаютъ наравнѣ съ простолюдиномъ». Церкви и храмы православные немоляки признаютъ за простые дома.

Таинства церковныя, по ученію немоляковъ, совершались въ угодность Богу только до 7-ой тысячи лѣтъ; въ подтвержденіе такого взгляда они приводятъ изреченіе св. писанія: «премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седьмь», т.-е. что все утвержденное семью вселенскими соборами существовало въ надлежащей силѣ только до окончанія 7-ой тысячи лѣтъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, немоляки отрицаютъ таинства. Брачный союзъ, напримѣръ, у нихъ заключается «безъ всякихъ чиноположеній и молитвъ, а по одному только обоюдному согласію жениха съ невѣстою и родителями». Мужъ и жена «безъ явныхъ причинъ, нарушающихъ вѣрность супружества, не должны оставлять другъ друга».

Крещенія у немоляковъ нѣтъ, точно также нѣтъ и никакихъ обрядовъ, которые бы замѣнили собою крещеніе. По этому поводу немоляки говорятъ, что крещеніе водою существовало до 7-й тысячи лѣтъ, а теперь крещеніе должно совершаться духомъ. Имена дѣтямъ немоляки даютъ по общему обыкновенію, на восьмой день, по святцамъ.

Умершихъ немоляки погребаютъ «безъ всякихъ пѣній и молитвословій, но сколь возможно въ самомъ простѣйшемъ видѣ, толкуя, что трупъ есть земля и въ землю идетъ». На этомъ основаніи они отвергаютъ все совершаемое надъ умершими и никакого поминовенія объ нихъ не дѣлаютъ.

Точно также немоляки отвергаютъ и священство. У нихъ нѣтъ даже выборныхъ старѣйшинъ или пресвитеровъ какіе существуютъ, напримѣръ, у молоканъ, штундистовъ и т. п. Немоляки «уважаютъ только тѣхъ, которые искусно каждый текстъ священнаго писанія объясняютъ духовно, къ одной цѣли ихъ толка». При моленіи Богу немоляки не употребляютъ ни поклоновъ, ни молитвъ; они говорятъ, что Богу слѣдуетъ «возсылать не ту молитву, которая написана въ книгахъ, но исходящую отъ собственныхъ чувствъ, произносимую духомъ ума». При этомъ они ссылаются на тѣ мѣста священнаго писанія, въ которыхъ упоминается о «поклоненіи духомъ и истиною», а также перетолковываютъ по своему разныя евангельскія изреченія. Такъ, напримѣръ слова «вниди въ клѣть твою, затвори двери твоя и помолися въ тайнѣ» —немоляки объясняютъ слѣдующимъ образомъ: «войти въ клѣть», говорятъ они, значитъ умолкнуть, а «затворить дверь» значитъ закрыть уста.

Кромѣ евангелія, немоляки въ дѣлѣ отрицанія поклоновъ и молитвъ опираются также на книгу

«Альфа и Омега», а именно на слѣдующее мѣсто этой книги: «оную быти молитву разумѣемъ, яже не престающе отъ души весь день и нощь, яже не въ протяженіи рукъ и предстояніи тѣлеси и языкомъ гласѣ зрящимъ видится, но во умномъ поученьѣ и ума дѣланіи, Божіей памяти, прилежнымъ умиленіемъ видящимъ разумѣвается».

«Крестъ, который православные христіане носятъ на себѣ, немоляки совершенно отвергаютъ, толкуя, что видимое или вещественное — безполезно, особенно въ нынѣшнія времена духа».

По ученію немоляковъ, второе пришествіе Христа уже было; объ этомъ знаютъ только они, немоляки, вслѣдствіе особаго откровенія Божія. «Судный день они не признаютъ, а говорятъ, что писано есть: «Отецъ даде судъ свой Сынови», а Сынъ есть слово, и слово судъ свой произнесло уже въ свое время, т.-е. до окончанія 7-ой тысячи лѣтъ; далѣе же никакого пришествія Христова и суда его страшнаго не ожидаютъ».

Посты и праздники немоляки отвергаютъ, и «различія никакимъ днямъ не полагаютъ, вкушаютъ пищу произвольную во всякое время, хотя бы и скоромную, толкуя, что посты и праздники есть одно только прознаменованіе вѣка, дабы изъ онаго тѣ люди, кои поступятъ въ немоляцкую секту, извлекали одно разумѣніе и тѣмъ болѣе утверждались въ познаніи временъ, прошедшихъ и настоящихъ».

Что касается мощей, то немоляки признаютъ только тѣ изъ нихъ, которыя явились до 7-ой тысячи лѣтъ; мощи же болѣе поздняго періода самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаются ими. Немоляки толкуютъ, что съ наступленіемъ вѣка Духа не только не должны появляться мощи, но и прежнія

утратили уже всякую силу чудодѣйствія Божія, ибо «время плотское миновалось».

Наконецъ, немоляки учатъ, что все изложенное въ священномъ писаніи относится лишь до здѣшней, т.-е. земной жизни; что же касается до будущей, загробной жизни, то о ней немоляки толкуютъ такъ: «этого никто познать не въ силахъ, ибо это есть непостижимость».

Всѣ исправленія, сдѣланныя въ церковныхъ книгахъ патріархомъ Никономъ, немоляки признаютъ поврежденіемъ истины, а самого Никона считаютъ «предъуготовителемъ того пути развращенія (предъ наступленіемъ вѣка Духа), по которому почти всѣ россійскіе народы нынѣ шествуютъ».

Кромѣ книгъ ветхаго и новаго завѣтовъ немоляки признаютъ также книги, написанныя святыми отцами церкви; затѣмъ между ними пользуются уваженіемъ нѣкоторыя рукописи, составленныя старообрядцами, какъ напримѣръ, «Григоріево видѣніе» и друг. Но все это они перетолковываютъ по своему, «въ духовномъ смыслѣ» и сообразно съ основными началами своего ученія. Такъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ св. писанія, въ которыхъ говорится о «семи дняхъ», о «семи свѣтильникахъ», «о семи очесахъ» и т. п.— они видятъ указанія на ту седьмую тысячу лѣтъ, съ окончаніемъ которой духовныя власти и церковное богослуженіе потеряли, по ихъ мнѣнію, всякую силу и значеніе.

Относительно взгляда немоляковъ на политическое устройство Россіи извѣстно слѣдующее: «Государя императора и все правительство съ гражданскими законами немоляки, хотя по необходимости, уважаютъ, но въ самой сущности судятъ, что всѣ власти и учрежденія, какъ основанныя на незнаніи о временахъ вѣка, не могутъ быть дѣйствительными

и правосудными, почему и уклоняются отъ надлежащаго повиновенія. Будучи наполнены такимъ понятіемъ, немоляки и присягу, выполненную на какой-либо предметъ, отвергаютъ, въ особенности считая таковую не только безсильною, но даже и ничтожною, потому болѣе, что при приводѣ къ присягѣ участвуетъ духовное лицо».

Вслѣдствіе такихъ мнѣній, немоляки уклоняются отъ прямого исполненія правилъ православной церкви и гражданскихъ законовъ. По ихъ мнѣнію, «въ государственную службу, какого бы она рода ни была, можно поступать только при неизбѣжныхъ обстоятельствахъ», т.-е. лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда «правительство побудительными мѣрами къ тому опредѣлитъ».

Войну немоляки категорически отрицаютъ. Если бы даже случилось немоляку стать противъ непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ, то онъ отнюдь не долженъ сражаться, помня евангельскія слова: «всѣ, поднявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ» (Матѳ 26, 52). Христолюбивымъ же воинствомъ немоляки называютъ только тѣхъ, которые имѣютъ брань съ невѣрными, подразумѣвая подъ этимъ названіемъ всѣхъ тѣхъ, кои не вѣруютъ одинаково съ ними и не вѣдаютъ о наступившемъ уже вѣкѣ Духа. Но въ чемъ именно должна состоять эта «брань», — въ источникѣ, изъ котораго мы черпаемъ эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не выяснено.

Вотъ и все, что извѣстно о сектѣ немоляковъ возникшей въ Землѣ войска донского. Всѣ эти свѣдѣнія относятся лишь до ученія секты. Что же касается до вопросовъ о томъ, какъ именно вліяло это ученіе на жизнь его послѣдователей, на ихъ взаимныя отношенія, какъ отражалось оно на семейномъ бытѣ немоляковъ, на положеніи женщины въ ихъ

средѣ, насколько это ученіе вліяло на бытовыя и экономическія формы ихъ жизни, на ихъ отношенія къ православному населенію и т. п.,— обо всемъ этомъ мы не находимъ никакихъ свѣдѣній въ статьѣ В. С. Толстого, представляющей, какъ мы уже замѣтили выше, единственный трудъ по вопросу о состояніи этой секты въ Землѣ войска донского.

Во всей статьѣ мы встрѣчаемъ лишь одно указаніе на то, какъ относятся немоляки ко всѣмъ непринадлежащимъ къ ихъ сектѣ. По словамъ Толстого, немоляки, считая себя единственными носителями правды, смотрятъ на всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, какъ на погибшихъ, пропащихъ людей, обреченныхъ въ будущей жизни на вѣчную погибель. При встрѣчѣ со своими единовѣрцами немоляки, на вопросъ: «здоровъ ли?» отвѣчаютъ «слава Богу!» Всѣмъ же, не принадлежащимъ къ ихъ сектѣ, на тотъ же вопросъ говорятъ просто: «здоровъ!». Этотъ признакъ, который «содержится немоляками въ тайнѣ», можетъ указывать на стремленіе ихъ обособиться, выдѣлиться отъ остального населенія; но съ другой стороны, подобный пароль могъ быть усвоенъ ими просто съ цѣлью узнавать другъ друга при первой встрѣчѣ.

Достойно замѣчанія, что въ секту немоляковъ всего скорѣе и легче склонялись старообрядцы; православные же, хотя также совращались въ эту секту, но уже не въ такомъ числѣ, какъ старообрядцы. Къ сожалѣнію не имѣется даже приблизительныхъ данныхъ о числѣ послѣдователей немоляцкой секты. Точно также въ нашей печати намъ не встрѣчалось свѣдѣній о томъ, что сталось съ этой сектою послѣ мѣръ, принятыхъ противъ нея правительствомъ. Существуетъ ли, наконецъ, эта секта въ настоящее время въ мѣстахъ своего первоначальнаго появле-

нія — также остается неизвѣстнымъ. За то находимъ указаніе на появленіе немоляковъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ южной Россіи. Такъ, по словамъ Андреева, немоляки появились въ Одессѣ въ 1845 году и учили, что «устная молитва совершенно ненужна тому, кто молится въ мысляхъ» [1]).

На этомъ мы и покончимъ съ южно-русскимъ отдѣломъ секты и перейдемъ на сѣверъ, гдѣ встрѣтимся съ явленіями, представляющими аналогію съ фактомъ, только-что нами разсмотрѣннымъ.

---

[1]) „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи". Спб 1870 г. стр. 260

II.

Ученіе «о христовѣ совершенствѣ».

Значительную часть населенія калязинскаго и корчевскаго уѣздовъ Тверской губерніи составляютъ послѣдователи различныхъ согласій поповщины, имѣющей свой центръ въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ. Изъ этого центра, какъ прежде, такъ и теперь, разсылаются попы и другіе чины старообрядческой іерархіи во всѣ концы и углы Россіи, гдѣ только имѣются послѣдователи поповщинской секты.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по свидѣтельству извѣстнаго священника-писателя отца Беллюстина, въ средѣ часовниковъ (поповцевъ) названныхъ двухъ уѣздовъ Тверской губерніи царила сильная безурядица. Она вызывалась главнымъ образомъ дѣйствіями поповъ-старцевъ, присылаемыхъ туда изъ Москвы. Лица эти, по своему нравственному развитію, стояли на чрезвычайно низкомъ уровнѣ: пьянство, буйство, грубый развратъ, притязательность и тому подобные пороки составляли обычное явленіе въ ихъ средѣ.

Льстя населенію, потворствуя дурнымъ страстямъ его, эти старцы вносили деморализацію въ

народные нравы, прикрываясь при этомъ проповѣдью «о свободѣ чадъ Божіихъ». Въ сущности же эта свобода означала не что иное, какъ «разрѣшеніе на вся» и сводилась къ открытому, грубому разврату. Въ этой дѣятельности старцы нашли себѣ ревностныхъ помощницъ въ лицѣ разныхъ келейницъ и иныхъ деревенскихъ пропагандистокъ, которыя своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ давно уже вызывали неудовольствія среди разсудительной части крестьянства.

Прямымъ результатомъ этой безурядицы, этой нравственной распущенности въ средѣ часовниковъ «было появленіе между ними пропагандистовъ ученія, какого, сколько намъ извѣстно, — замѣчаетъ отецъ Беллюстинъ, — еще не было въ этой средѣ, которое, по крайней мѣрѣ, не разносилось прежде такъ быстро и не принималось такъ жадно крестьянами, даже тѣми, которые считались и считаются принадлежащими къ православной церкви».

Съ особенною силою ученіе это пошло въ ходъ съ 1862 г. Пропагандисты и исповѣдники этого ученія называли себя «Христовыми учениками вѣры Христовой каѳолической». Они, какъ и немоляки Земли войска донского, отрицали всю внѣшность религіи, считая эту внѣшность необходимою только для христіанъ «еще въ младенчествѣ сущихъ», и безусловно ненужною для христіанъ «совершенныхъ». Совершеннымъ же христіаниномъ долженъ стремиться сдѣлаться каждый, согласно словамъ Спасителя: «будете совершенны». Для такихъ совершенныхъ христіанъ нужны лишь: евангеліе, молитва духомъ и «удаленіе отъ всякой скверны житейской».

По этому поводу, отецъ Беллюстинъ говоритъ, что сначала онъ отнесся недовѣрчиво къ подобной

Библиотека Коммунистической Академии

проповѣди, зная хорошо, что старцы-развратители нерѣдко прикрываются подобными же фразами объ «удаленіи отъ скверны житейской». «Но когда,— пишетъ онъ,—о нѣкоторыхъ изъ этихъ пропагандистовъ было сдѣлано по нѣскольку полицейскихъ дознаній и слѣдствій, когда, кромѣ того, мы имѣли возможность на мѣстѣ провѣрить точность полицейскихъ изслѣдованій, тогда не могли не убѣдиться, что тутъ «удаленіе отъ всякой скверны житейской»—вовсе не та двусмысленная «свобода чадъ Божіихъ», на которую бьютъ пропагандистки «отъ старцевъ», а дѣйствительность, оправдываемая ихъ собственною жизнью».

Въ числѣ проповѣдниковъ новаго ученія видное мѣсто занималъ крестьянинъ деревни Затулы, Калязинскаго уѣзда, Алексѣй Артемьевъ. За усердіе свое въ дѣлѣ проповѣди онъ былъ арестованъ и заключенъ въ калязинскій тюремный замокъ, откуда впослѣдствіи былъ переведенъ въ тверской острогъ, гдѣ и умеръ. Приведемъ здѣсь тѣ немногія свѣдѣнія, какія сообщаетъ о немъ о. Беллюстинъ.

Исправный крестьянинъ, безукоризненнаго поведенія Артемьевъ, велъ жизнь совершенно аскетическую, къ чему убѣдилъ и жену и взятую на воспитаніе племянницу, дѣвушку 16 лѣтъ. «Сначала вся эта семья принадлежала къ православной церкви, но ее оттолкнули отъ нея какія-то *неловкости* священника».

Оставивъ церковь, Алексѣй Артемьевъ не примкнулъ, однако, ни къ одному изъ «согласій», но обратился къ учителямъ «о Христовомъ совершенствѣ». Прежде чѣмъ сдѣлаться адептомъ этого ученія, онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ продолженіе пяти лѣтъ, въ свободное отъ работъ время, ходилъ по монастырямъ, «ища духовнаго просвѣщенія»; но

эти хожденія привели къ тому, что онъ весь отдался ученію «о Христовѣ совершенствѣ», помимо всѣхъ формъ, обрядовъ и внѣшностей, не выходя, впрочемъ, изъ своей крестьянской колеи».

Рѣшающее значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ Алексѣя Артемьева имѣли жестокости помѣщика какъ съ нимъ, такъ и съ лицами, близкими ему; эти жестокости окончательно выбили его изъ крестьянской колеи. Онъ бросилъ все и началъ проповѣдывать ученіе о «Христовѣ совершенствѣ» съ твердою рѣшимостью ради этого «нести на семъ свѣтѣ всѣ мученія терпѣливо, не щадя своего тѣла, съ надеждою въ будущей жизни получить прощеніе во грѣхахъ и вѣнецъ небесный». Самыя подробныя и точныя свѣдѣнія, собранныя о немъ, «поставили внѣ сомнѣнія, что онъ, какъ говорилъ, такъ и жилъ».

Въ движеніи этомъ принимали участіе не одни мужчины, но также и женщины. «Мы могли бы указать,—говоритъ отецъ Беллюстинъ,—на семь пропагандистокъ этого ученія, заарестованныхъ въ прошломъ (1864) году калязинскимъ полицейскимъ управленіемъ, которыя не только повторяли слышанное нами отъ Алексѣя Артемьева и иныхъ, но шли еще дальше, развивая ту мысль, что «для всего народа требуется обновленіе по заповѣдямъ Христовымъ, что для этого настала самая пора» и т. п.; «но не имѣя еще подъ руками всѣхъ нужныхъ данныхъ о ихъ жизни, мы отлагаемъ подробнѣйшія свѣдѣнія о нихъ до другого времени» [1]).

По свидѣтельству автора цитируемой нами статьи къ ученію о «Христовѣ совершенствѣ» жадно прислушивается все, что есть толковаго, дѣльнаго и не

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, почтенный авторъ до сихъ поръ еще не исполнилъ своего обѣщанія, нельзя не пожалѣть объ этомъ.

развращеннаго въ конецъ «согласіями» въ крестьянствѣ: всегдашнія стремленія народа слышать «отъ божества» тутъ, какъ видно, удовлетворяются. Если есть селенія, въ которыхъ «старцы-развратители» съ своими послѣдовательницами находятъ всегда готовый пріютъ, то и для проповѣдниковъ «Христова совершенства» тамъ и здѣсь формируются надежныя пристанища, съ тѣмъ лишь существеннымъ различіемъ, что первые, забравшись въ данное мѣсто начинаютъ «отъ божества», а оканчиваютъ извѣстнымъ безобразіемъ, а вторые свою суровую и строгую проповѣдь непремѣнно заключаютъ какимъ-нибудь суровымъ и тяжкимъ трудомъ на пользу принявшаго ихъ.

Такъ въ селѣ Стоянцѣ, Корчевскаго уѣзда, отецъ Беллюстинъ зналъ старика, у котораго, по его собственнымъ словамъ, всѣ работы отбывали «ангелы небесные».

— Да что, старикъ, всѣ поубрались, а твоя полоса стоитъ не сжатая?

— А вотъ явятся ангелы небесные и пожнутъ.

И дѣйствительно, въ одну какую-нибудь ночь и пожнутъ и въ гумно уберутъ. А привитаютъ эти ангелы въ двухъ сторожкахъ, построенныхъ на пустоши у старика, и проповѣдуютъ, что «погибъ народъ, коли не оставитъ скверн житейскихъ и плотскихъ и не устремится по пути духовному, къ совершенству Христову».

Со времени появленія этого ученія прошло ровно двадцать лѣтъ; но каковы были дальнѣйшіе результаты этого ученія и что именно произошло съ нимъ за этотъ періодъ времени — остается неизвѣстно. Поэтому оставимъ Тверскую губернію и перейдемъ далѣе на востокъ, въ предѣлы Нижегородской губерніи.

Здѣсь, по словамъ извѣстнаго мѣстнаго изслѣдователя, Гацисскаго, около 1869—1870 года появилась новая секта, имѣющая большое сходство съ ученіемъ духовныхъ христіанъ или молоканъ. Замѣчательно, что секта эта, носящая несомнѣнно раціоналистическій характеръ, такъ же, какъ и первыя два ученія, разсмотрѣнныя нами, возникла среди населенія, издавна пропитаннаго идеями старообрядчества. Первые послѣдователи новой секты появились въ деревняхъ, расположенныхъ по р. Керженцу, гдѣ населеніе съ самыхъ давнихъ временъ «болѣе всего склонно къ стародавней обрядности».

Народъ прозвалъ послѣдователей новой секты «немоленными». Разница между «немоленными» и духовными христіанами (молоканами), по словамъ Гацисскаго, состоитъ въ томъ, что первые «признаютъ нѣкоторую обрядность[1]). Такъ, напримѣръ, при обращеніи въ ихъ вѣру новаго лица, «съ него торжественно снимаютъ крестъ, причемъ новообращенный обливается водою»... Идетъ сильный говоръ, что «кому хоть четверть часа удастся побыть въ вѣрѣ немоленныхъ, тому всѣ грѣхи простятся, тотъ прямо въ царствіе небесное угодитъ».

Гацисскому удалось однажды присутствовать при спорѣ о вѣрѣ, который вели немоленные съ православными и послѣдователями разныхъ старовѣрческихъ сектъ. Дѣло происходило на одномъ изъ сельскихъ праздниковъ, на Керженцѣ; диспутъ велся въ лѣсу, на открытомъ воздухѣ. Приведемъ здѣсь описаніе этого диспута, какъ оно изложено Гацисскимъ.

«Немоленный безпощадно громитъ своихъ про-

---

[1]) Подобное опредѣленіе страдаетъ, конечно, нѣкоторой неточностью, такъ какъ извѣстнаго рода обрядность существуетъ также и у „духовныхъ христіанъ“.

тивниковъ однимъ евангеліемъ. Становясь въ тупикъ, противники кидаются подъ защиту Златоустаго, а немоленный прямо имъ рѣжетъ:

— Не знаю, не мое дѣло... Книгъ много, всѣхъ не узнаешь. Я одну книгу знаю, больше мнѣ не надо..

— Да и вѣръ много! — вставляетъ кто-то некстати.

— Какъ много? — привязывается молодой парень изъ немоленныхъ.

— Вѣстимо много: истинная, никоніянская, лютерская, австрицкая, поморская...

— Врешь. Всего двѣ вѣры.

— Извѣстно двѣ, это онъ правильно: одна правая, отъ Бога, другая неправая, отъ дьявола.

— Да хрестъ-отъ на тебѣ есть али нѣту?—пристаетъ къ немоленному поморецъ.

— А на что онъ мнѣ? Гдѣ про него въ евангеліи писано?..

— И иконъ, значитъ, не признаешь?

— И доски ваши не признаемъ!..

«Во многихъ селеніяхъ, — замѣчаетъ Гацискій,—почва для новой вѣры совсѣмъ расчищена и люди сдерживаются только приросшей къ нимъ привычкой да разными случайными причинами. Такъ одно большое селеніе готово было сплошь расщепать свои иконы и пустить ихъ по Керженцу (первое дѣйствіе новообращеннаго), но случился въ селеніи пожаръ и горсточка, еще твердо стоявшихъ на старинѣ, пугнула этимъ остальныхъ и отклонила ихъ отъ немоленщиковъ... Болѣе твердые въ новомъ ученіи устояли и въ числѣ четырехъ дворовъ покончили съ иконами; пойдутъ за ними и другіе, конечно» [1]).

---

[1]) „Древняя и Новая Россія“ 1877 г., № 11

Но сбылось ли это предсказаніе и пошли ли другіе вслѣдъ за немоленными—мы не знаемъ, такъ какъ въ печати, сколько намъ извѣстно, за все послѣднее время не появлялось никакихъ извѣстій о дальнѣйшей судьбѣ этой секты въ Нижегородской губерніи. Есть, однако, основанія предполагать, что ученіе немоленныхъ не только не заглохло, но даже распространилось по другимъ мѣстамъ. Такъ имѣется указаніе о появленіи немоленныхъ въ Варнавинскомъ уѣздѣ Костромской губерніи.

Слѣдуетъ замѣтить, что населеніе Варнавинскаго уѣзда чуть не наполовину состоитъ изъ разнаго рода «раскольниковъ»; какъ было въ старину, такъ и теперь, уѣздъ этотъ «служитъ пристанищемъ расколо-учителей и сектантовъ». «Въ настоящее время, —писалъ изъ Варнавинскаго уѣзда въ 1879 году одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей,—не только не уменьшилось число послѣдователей поповской и безпоповской сектъ, но даже возникаютъ новыя; напримѣръ, въ деревнѣ Веденинѣ и другихъ распространилась недавно секта «*немоленныхъ* или новой вѣры», ученіе которой состоитъ въ томъ, что она отвергаетъ иконы, кресты и религіозные обряды» [1]).

---

[1]) „Изъ прошлаго“ ст. П. Китицына въ „Древн. и Нов Рос.“ за 1879 г., № 5.

III.

Уставныя грамоты и секта немоляковъ.

Въ 1868 году въ газетѣ И. С. Аксакова «*Москва*» была напечатана изъ города Сарапула корреспонденція, въ которой впервые сообщалось о появленіи секты немоляковъ въ Вятской губерніи. Къ сожалѣнію, корреспонденція эта, не смотря на несомнѣнный интересъ, который она представляла, прошла незамѣченною,—какъ это нерѣдко у насъ случается. Чисто случайно, впрочемъ, нѣсколько строкъ изъ этой корреспонденціи попало въ одну грубо-лубочную, спекулятивнаго характера книжонку, носящую заглавіе: «Тайны раскольниковъ, старообрядцевъ, скопцовъ и другихъ сектаторовъ»; отсюда извѣстіе о сарапульскихъ немолякахъ перешло въ статьи и книжки нѣкоторыхъ изслѣдователей раскола (между прочимъ Юзова). Розыскавши самую корреспонденцію, мы считаемъ не лишнимъ привести изъ нея тѣ мѣста, гдѣ говорится о немолякахъ; считаемъ это не лишнимъ, во-первыхъ, потому, что газета «Москва» можетъ считаться теперь библіографической рѣдкостью, во-вторыхъ, корреспонденція эта полна фактическихъ данныхъ, хотя

ей не мало вредитъ назойливо-обличительный тонъ, которымъ она изложена.

«Бывшіе удѣльные крестьяне сарапульскаго уѣзда, мостовинской волости, при составленіи уставной грамоты, отказались отъ назначеннаго имъ надѣла, признавая его слишкомъ неудобнымъ. Сейчасъ же, долго не думая, сочинили уставную грамоту безъ участія крестьянъ, а нежеланіе ихъ платить выкупныя деньги тутъ же признали «упорствомъ»; за подобное же качество дается извѣстно что... экзекуція. Явилась военная команда: благо ей у насъ положительно нечего дѣлать, а тутъ вдругъ нашлось занятіе. Съ ея помощью ввели сперва тишь, а потомъ и гладь: начали взыскивать выкупную сумму, стали продавать скотъ и нежилыя строенія. Стало по всей волости такъ гладко и такъ тихо, что ни одинъ теленокъ не возмутитъ тишины своимъ ревомъ: ревѣть некому—всѣхъ распродали.

«Но вотъ опять новое безпокойство начальству, да еще какое! Между крестьянами той волости зародилось послѣ сказаннаго происшествія какое-то странное неудовольствіе, перешедшее въ еще болѣе странное безвѣріе; по оффиціальному выраженію, между ними проявилось «отпаденіе отъ церкви». Крестьяне перестали ходить въ церкви, перестали молиться, уничтожили у себя въ избахъ всѣ образа и на увѣщанія начальства и духовенства отвѣчали одно: «Мы никого не признаемъ, кромѣ Отца Небеснаго; никому изъ васъ не вѣримъ, кромѣ Него; ни отъ кого здѣсь не ждемъ ничего, только отъ Него; только Онъ за насъ заступится, а вы насъ...» и т. п.

«Образовалась секта, названная «немоляки». Къ ней стали примыкать многія селенія. Начальство, наконецъ, рѣшилось прибѣгнуть къ самому сильному средству убѣжденія: стало сажать въ острогъ

главныхъ отступниковъ... Тутъ-то и проявилось непростительное упорство крестьянъ. за главными отступниками, всѣ остальные толпами стали требовать, чтобы посадили и ихъ... «Отложившихся отъ церкви» нашлось столько, что въ концѣ октября 1868 года болѣе 170 человѣкъ сидѣли въ острогѣ, а многимъ еще отказывали за недостаткомъ помѣщенія».

Наконецъ, получено было приказаніе образовать коммиссію изъ духовныхъ лицъ, для убѣжденія и вразумленія отпадшихъ. Этотъ миссіонерскій трудъ былъ возложенъ между прочимъ на мѣстнаго благочиннаго. «Вразумлялъ онъ,—ехидно прибавляетъ корреспондентъ,—очень *сильно*, убѣждалъ онъ очень *чувствительно* (курсивы въ подлинникѣ), но ничего не могъ сдѣлать съ упорствующими. Между тѣмъ отъ тѣсноты люди стали умирать въ острогѣ. Узнали объ этомъ въ «губерніи» и прислали оттуда въ январѣ 1868 года приказаніе выпустить изъ острога болѣе ста человѣкъ, оставивъ въ немъ только главныхъ коноводовъ.

«Наше попечительное мѣстное начальство,—продолжаетъ корреспондентъ,—и еще болѣе заботливое о совѣсти духовенство разсчитывали такъ: не выполнить приказанія даннаго «изъ губерніи»—нельзя, можетъ достаться «губернія» энергична и спуску не даетъ. Но выпустить не убѣжденныхъ опасно: совратятъ другихъ. Надо выпустить. но надо непремѣнно и убѣдить... И выпустили крестьянъ, да вслѣдъ за ними помощникъ исправника и высшая мѣстная духовная особа отправились къ нимъ въ селеніе убѣждать и вразумлять.

«Здѣсь отпадшихъ призывали по-одиночкѣ и, не насилуя ничьей совѣсти, дѣлали каждому, какъ разсказываютъ, весьма убѣдительное и чувствительное

внушеніе... Ну и убѣдили: всѣ выпущенные изъ тюрьмы, принявъ убѣжденіе, покаялись и возвратились въ лоно церкви. Донесли объ этомъ по начальству, — начальство очень благодарило.

«Остальные же коноводы (около пятидесяти человѣкъ) сидятъ въ острогѣ и по сю-пору: упорствуютъ, не убѣждаются и ждутъ рѣшенія своей участи» [1]). Корреспонденція эта писалась, повидимому, въ августѣ мѣсяцѣ 1868 г. Съ тѣхъ поръ въ печати не появлялось никакихъ извѣстій о немоляхъ Вятской губерніи.

Теперь, благодаря любезному содѣйствію Н. Н. Блинова и Н. А. Спасскаго, нами полученъ изъ Сарапульскаго уѣзда рядъ отвѣтовъ на вопросы нашей «Программы для собиранія свѣдѣній о русскомъ сектантствѣ». Отвѣты эти заключаютъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ о причинахъ, вызвавшихъ появленіе секты немоляковъ въ сарапульскомъ уѣздѣ, а также знакомятъ съ современнымъ состояніемъ этой секты.

Судя по этимъ свѣдѣніямъ, секта немоляевъ въ сарапульскомъ уѣздѣ возникла лѣтомъ 1865 года среди крестьянъ удѣльнаго вѣдомства «по случаю отрѣзки у нихъ лишней земли и введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ и выкупной системы». «Первой побудительной причиной къ уклоненію крестьянъ въ ересь было глубокое ихъ озлобленіе на дѣйствія властей по нарѣзкѣ имъ земли, согласно положенія 23 іюня 1863 года»: дѣло въ томъ, что до введенія этого положенія удѣльные крестьяне Сарапульскаго уѣзда владѣли значительно большимъ количествомъ земли, сравнительно съ тѣмъ надѣломъ, какой былъ опредѣленъ положеніемъ

[1]) „Москва“ 1868 г. № 124

23 іюня 1863 года. Лѣтомъ 1865 г вся излишняя противъ надѣла земля была отрѣзана отъ крестьянъ и поступила въ собственность удѣла.

Обстоятельство это вызвало волненія въ четырехъ волостяхъ Сарапульскаго уѣзда: въ мостовинской, галановской, мазунинской и арзамасцевской. Значительная часть крестьянъ этихъ волостей «отказалась отъ принятія поземельнаго надѣла и отъ платежа за оный выкупа» «За возмущеніе противъ правительственныхъ распоряженій, въ августѣ мѣсяцѣ 1865 года произведена была начальствомъ экзекуція чрезъ военную команду. Несмотря на эти и другія подобныя мѣры начальства, нѣкоторые изъ крестьянъ еще болѣе ожесточились противъ власти». Въ это же самое время между строптивыми крестьянами «началось уклоненіе въ немоляйство». Вслѣдствіе этого особая коммиссія, бывшая въ ноябрѣ 1867 года «таковыхъ сектантовъ заключила въ сарапульскій острогъ».

Первыми и наиболѣе энергическими пропагандистами ученія немоляевъ явились крестьяне Константинъ Самаринъ (галановской волости), Ѳома Пономаревъ (арзамасцевской волости), Дмитрій Андреевъ Рѣшетниковъ, Аѳанасій Григорьевъ Мельниковъ и Иванъ Самаринъ (мостовинской волости). Теперь никого изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Рѣшетниковъ, Мельниковъ и Иванъ Самаринъ умерли въ 1870 году въ малмыжскомъ тюремномъ замкѣ.

Въ январѣ 1868 года епархіальное начальство нарядило особую коммиссію «для увѣщанія заблудившихся и уклонившихся въ расколъ». Коммиссія эта состояла изъ слѣдующихъ членовъ: протоіерея каѳедральнаго собора Кашменскаго, протоіерея сарапульской покровской церкви Павла Бѣляева, свя-

шенника елабужскаго спасскаго собора Николая Клабукова и мѣстнаго священника изъ села Мостовинскаго Александра Никольскаго.

Стараніями членовъ этой духовной коммиссіи сто пятьдесятъ человѣкъ крестьянъ изъ разныхъ приходовъ «приведены были въ повиновеніе и оставили свои заблужденія». Надъ болѣе же упорными сектантами «свѣтская коммиссія произвела слѣдствіе и за возмущеніе ихъ противъ гражданской власти, и за уклоненіе изъ православія предала ихъ суду вятской палаты уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ».

По приговору, состоявшемуся по этому дѣлу въ вятской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда. сорокъ человѣкъ крестьянъ изъ разныхъ селеній мостовинской волости были обвинены и подвергнуты разнаго рода наказаніямъ. Такъ крестьяне Дмитрій Зиновьевъ Ныровъ, Василій Даниловъ, Егоръ Ивановъ Самаринъ, Козьма Петровъ Чухланцевъ, Иванъ Козьминъ Глуховъ, Данила Аѳанасьевъ Алабужевъ, еще Иванъ Глуховъ, Лаврентій Алексѣевъ Мельниковъ и Симонъ Ермолаевъ Быковъ были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ или въ смирительномъ домѣ на четыре мѣсяца или же къ наказанію розгами 50-ю ударами.

Далѣе, двадцать-три крестьянина мостовинской волости были приговорены къ аресту на три недѣли или же наказанію розгами 20-ю ударами и, наконецъ, восемь человѣкъ къ денежному штрафу въ размѣрѣ по пяти рублей съ каждаго. Что же касается крестьянъ остальныхъ трехъ волостей, то изъ нашихъ свѣдѣній не видно, къ какому именно наказанію они были приговорены судомъ, хотя извѣстно, что весьма многіе изъ этихъ крестьянъ долгое время содержались въ сарапульскомъ и малмыжскомъ тюремныхъ замкахъ.

«Такимъ образомъ,—пишутъ намъ изъ мостовинской волости,—первый, главный поводъ къ появленію немоляевъ находимъ вовсе не со стороны области религіозныхъ вѣрованій крестьянина, а со стороны его житейскихъ нуждъ и потребностей. Когда согласно высочайше утвержденному положенію о выкупѣ, приступлено было къ нарѣзкѣ земли, тогда были задѣты за-живо важнѣйшіе и самые существенные интересы крестьянъ-земледѣльцевъ». И вотъ «болѣе пылкіе изъ нихъ и съ упрямымъ характеромъ, желая отстоять свои интересы, стали составлять сходки и возбуждать односельцевъ къ противодѣйствію, думая этимъ пособить дѣлу».

«Когда же, не смотря на это, отрѣзка излишней земли шла своимъ чередомъ, тогда они обратили вниманіе на своихъ пастырей духовныхъ, ожидая помощи отъ нихъ, какъ болѣе другихъ стоящихъ къ нимъ близко лицъ, обязанныхъ и по долгу службы, и по тѣсной нравственной связи съ паствой принимать къ сердцу и защищать интересы своихъ пасомыхъ». Но здѣсь ихъ ждало разочарованіе.

«Положительное и твердое слово пастырей, убѣждающее ихъ подчиниться распоряженіямъ, исходящимъ отъ высшей власти, обмануло надежды крестьянъ и повергло ихъ въ отчаяніе. И вотъ злоба и ненависть овладѣваютъ душей непокорныхъ». Они начинаютъ оказывать явное неповиновеніе «гражданскимъ правителямъ», разсчитывая, что «быть можетъ, еще этимъ удастся отстоять свои интересы».

«Но быстрыя и энергичныя мѣры начальства сломили ихъ упорство и заставили крестьянъ покориться всѣмъ распоряженіямъ власти. Къ духовенству же, не имѣющему въ рукахъ знаменій земной власти, крестьяне отнеслись уже вполнѣ без-

церемонно и совершенно незаслуженно возненавидѣли духовенство за его будто бы равнодушное и холодное отношеніе къ нимъ. Здѣсь-то и получило свое начало такъ называемое немоляйство.

«Нужно отомстить духовенству за его равнодушіе,—но какъ и чѣмъ? Не имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, лишить его зависящихъ отъ нихъ средствъ содержанія, а для этого должно не ходить вовсе въ церковь, не молиться и не принимать священниковъ съ иконами въ свои дома, — словомъ, ни въ какомъ случаѣ не обращаться къ духовенству и не исправлять у него никакихъ требъ".

Но такъ какъ „объяснять свое уклоненіе отъ церкви и духовенства одной ненавистью къ церковному причту, разумѣется, нельзя и неразумно. то по этому немоляи дѣлаютъ видъ (?), что уклоненіе ихъ произошло будто бы по убѣжденію и что они нашли теперь новую истинную вѣру». Ненависть, питаемую ими къ духовенству, немоляи переносятъ и на православныхъ за то, что тѣ принимаютъ духовенство въ свои дома, одѣляютъ ихъ и доставляютъ имъ средства содержанія.

Подобное явленіе, впрочемъ, замѣчалось только въ первое время развитія секты. «Теперь же, когда страсти улеглись, когда новый порядокъ, созданный Положеніемъ 1863 года болѣе или менѣе усвоенъ крестьянами и проникъ въ ихъ бытъ и сознаніе, —ненависть немоляевъ къ духовенству смягчилась, а съ православными у нихъ возстановились почти прежнія дружескія отношенія».

IV.

Упорщики.

На вопросъ: въ какомъ положеніи находится секта немоляевъ въ настоящее время въ этомъ краѣ?—нами получены слѣдующіе отвѣты.

Изъ мостовинской волости сообщаютъ, что секта, извѣстная подъ именемъ «немоляевъ», въ настоящее время уменьшается, хотя болѣе упорные изъ сектантовъ и до сего времени коснѣютъ въ своемъ заблужденіи въ ожиданіи какого-то рѣшенія высшаго правительства.

Въ арзамасцевской волости «секта немоляевъ въ настоящее время не усиливается и не уменьшается».

Въ галановской волости «немоляйство, какъ замѣтно по его ходу, не увеличивается, а поддерживается его поклонниками въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оно образовалось первоначально».

Въ мазунинскоіі волости къ немоляіістну вначалѣ примкнула почти *третья часть* всего наличнаго числа жителей, но затѣмъ многіе начали отпадать отъ секты и переходить въ православіе, такъ

что въ настоящее время въ этой волости считается лишь 98 душъ немоляевъ, муж. и женск. пола.

Въ 1882 году число немоляевъ, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, опредѣлялось слѣдующими цифрами:

Въ мостовинской волости	30	домовъ	72	челов
„ Галановской	„	—	„	63	„
„ Мазунинской	„	28	„	98	„
„ Арзамасцевской	„	5	„	31	„
			Всего	264	челов.

Кромѣ того, немоляи есть въ самомъ городѣ Сарапулѣ: къ сожалѣнію, намъ не удалось узнать числа ихъ.

Что касается ученія немоляевъ, то въ отвѣтахъ, полученныхъ нами по этому, находимъ слѣдующія данныя. Изъ галановской волости сообщаютъ:

«Немоляи вообще не признаютъ ничего священнаго, отрицаютъ православную церковь и святыя иконы и ничему не вѣруютъ (?). Богу они никогда не молятся и дѣтей своихъ ничему не учатъ. Женятся немоляи гражданскимъ бракомъ или, просто сказать, сводомъ, дѣтей они не крестятъ, а умершихъ безъ всякаго обряда зарываютъ въ землю; однимъ словомъ немоляи совершенно ничему не вѣруютъ, правительства не признаютъ и никакихъ ученій не исповѣдаютъ, какъ животныя».

Болѣе мягкій и въ то же время болѣе близкій къ истинѣ отзывъ о немоляяхъ и ученіи ихъ полученъ нами изъ арзамасцевской волости.

«Немоляи или духовные и истинные христіане,—какъ они себя называютъ,—святыхъ иконъ не признаютъ, никакихъ постовъ не соблюдаютъ, ѣдятъ постоянно скоромную пищу и говядину; святыми книгами считаютъ библію и евангеліе. Бога и Спасителя немоляи признаютъ, но молятся духомъ, а не крест-

нымъ знаменіемъ, въ домахъ ихъ вовсе нѣтъ иконъ. Праздниковъ немоляи не признаютъ и во время ихъ производятъ всякія работы по домохозяйству; грамотные изъ нихъ въ праздничные дни читаютъ книги священнаго писанія. Церковныхъ таинствъ и обрядовъ православной церкви немоляи не признаютъ, въ церковь никогда не ходятъ и священниковъ къ себѣ въ дома вовсе не принимаютъ».

Изъ мазунинской волости пишутъ: «Бога немоляи признаютъ, называютъ Его истиннымъ и вѣруютъ въ Него; но они не чтутъ св. иконъ и не покланяются имъ. Точно также они не признаютъ православныхъ церквей и называютъ ихъ простыми зданіями. Женъ у себя немоляи имѣютъ незаконныхъ, т.-е. невѣнчанныхъ законнымъ православнымъ бракомъ; прижитыхъ съ ними дѣтей они никогда не приводятъ къ святому крещенію и муропомазанію, а нарекаютъ имъ сами имена, какія вздумаютъ; точно также и умершихъ они не отпѣваютъ».

Наконецъ изъ мостовинской волости полученъ такой отзывъ. «Немоляи, признавая одну внутреннюю молитву, отвергаютъ всякую внѣшнюю обрядность; поэтому ихъ можно отнести къ числу послѣдователей молоканской секты, сущность вѣрованія которой состоитъ въ духовномъ поклоненіи Богу. Но вникая глубже въ отрывочныя фразы, срывающіяся у нихъ при разговорѣ о вѣрѣ, несомнѣнно можно придти къ тому заключенію, что всѣ ихъ заблужденія суть не что иное, какъ самая безалаберная смѣсь молоканской и жидовской сектъ. Немоляи не признаютъ Іисуса Христа за божественное лицо и отвергаютъ совершенное Имъ искупленіе; святыя иконы они называютъ рукотворными идолами, храмы Божіи уподобляютъ конюшнямъ и

т. п. Но въ то же время немоляи, въ противность іудейскому закону, не чтутъ субботы и не имѣютъ у себя никакихъ обрядовъ».

Къ увѣщаніямъ духовныхъ лицъ немоляи относятся безучастно и вообще не любятъ слушать никакихъ наставленій о вѣрѣ. Съ духовенствомъ они не имѣютъ никакихъ сношеній и относятся къ нему съ скрытою злобою.

Среди немоляевъ мостовинской волости,—если вѣрить тамошнему корреспонденту,—въ послѣднее время можно наблюдать весьма интересное явленіе, а именно, крайнее развитіе отрицательнаго направленія въ области религіозныхъ вѣрованій. Къ сожалѣнію, нашъ корреспондентъ ничего не упоминаетъ о тѣхъ положительныхъ началахъ, на которыхъ останавливается современное немоляйство. Но пусть лучше говоритъ онъ самъ.

«Не имѣя никакихъ (?) началъ и положеній, на которыхъ бы хотя ложно секта эта могла развиваться, основываясь единственно (?) на одномъ отрицаніи и отверженіи всего, что носитъ на себѣ печать религіозности, секта немоляевъ естественнымъ образомъ должна была довести своихъ членовъ до полнаго невѣрія и до отрицанія своего собственнаго ученія. Такъ на дѣлѣ теперь и проявляется. Многіе немоляи какъ вначалѣ съ озобленіемъ и яростью отвергали все церковное, всѣ обряды, таинства и даже самое христіанское ученіе (?), такъ теперь съ твердымъ убѣжденіемъ стали отвергать самое немоляйство, говоря: «что эта за вѣра? мы давно бы бросили ее, еслибы намъ не было стыдно отъ сосѣдей». Этотъ-то ложный стыдъ и удерживаетъ пока въ сектѣ нѣкоторыхъ членовъ ея».

Объ отношеніяхъ немоляевъ къ властямъ и правительству мы имѣемъ слѣдующія свидѣтельства.

Немоляи мостовинской волости «къ свѣтскому начальству почтительны и подати и прочіе сборы отбываютъ исправно». Въ арзамасцевской волости немоляи «къ правительству почтительны и всѣ требованія начальства въ настоящее время выполняютъ въ точности". Однако вслѣдъ за этимъ отзывомъ тутъ же рядомъ приводятся факты, невольно заставляющіе усумниться въ его справедливости.

Такъ оказывается, что нѣкоторые изъ немоляевъ до сихъ поръ не принимаютъ назначеннаго имъ земельнаго надѣла. Затѣмъ бываютъ случаи уклоненія немоляевъ отъ «общественной» службы; не дальше какъ въ нынѣшнемъ 1882 году одинъ изъ немоляевъ наотрѣзъ отказался отъ обязанности полицейскаго десятника, вслѣдствіе чего общество принуждено было избрать на эту должность другое лицо изъ числа православныхъ.

Объ отношеніяхъ къ власти со стороны немоляевъ галановской волости въ нашихъ свѣдѣніяхъ коротко значится: «правительства не признаютъ». безъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Немоляи мазунинской волости—«правительству покорны, но только къ платежу казенныхъ и другихъ податей и сборовъ упорны и добровольно таковыхъ не платятъ, говоря, что они освобождены государемъ императоромъ отъ платежа всѣхъ податей и сборовъ. Волостному и сельскому начальствамъ немоляи не повинуются и не исполняютъ ихъ законныхъ требованій». Отсюда и произошло названіе «упорщиковъ», которое обыкновенно примѣняется здѣсь къ немоляямъ.

По сообщенію сарапульскаго корреспондента, лично намъ извѣстнаго и заслуживающаго полнаго довѣрія, «немоляи обыкновенно отказываются отъ добровольнаго взноса податей; все, что съ нихъ слѣ-

дуетъ, отбирается начальствомъ и продается съ торговъ; сельское общество вынуждено это сдѣлать, будучи связано круговой порукой... Лично мнѣ,— пишетъ корреспондентъ, — пришлось узнать объ «упорщикахъ» въ Осинскомъ уѣздѣ [1]) Пермской губерніи); но я не знаю, соединяется ли тамъ упорство съ немоляйствомъ. Упорщики встрѣчаются въ заводахъ: Бизярскомъ, Югокнауфскомъ и въ особенности въ Бымовскомъ. По списку, имѣющемуся у меня, въ Югокнауфскомъ заводѣ показано двадцать два дома «упорщиковъ», а въ Бымовскомъ значительно больше».

«Всѣ эти упорщики не вносятъ сами буквально ни одной копѣйки въ подать; все, что можно взять у нихъ—отбирается; противъ этого они не возстаютъ; но отъ земли упорщики не отказываются и обработываютъ ее наравнѣ съ православными. Когда они узнаютъ, что къ нимъ идетъ сельское начальство для сбора податей, то семьи упорщиковъ стараются скрыть свое имущество: скотъ угоняютъ въ лѣсъ, что есть цѣннаго изъ одежды и т. п., уносятъ къ сосѣдямъ и пр. Противъ нихъ прежде принимались весьма жестокія мѣры: садили въ тюрьмы, сѣкли... но ничего не помогло .. Взгляды упорщиковъ на указы и т. п. крайне своеобразны».

Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ, что, «по увѣренію нѣкоторыхъ, начало упорству, немоляйству и вообще отрицанію всего положилъ солдатъ, возвратившійся со службы». Онъ доказывалъ, что земля должна принадлежать крестьянамъ и отнюдь не составлять собственности удѣльнаго вѣдомства.

Другой же корреспондентъ, изъ мостовинской волости, высказываетъ слѣдующее мнѣніе о причи-

---

[1]) Осинскій уѣздъ смеженъ съ сарапульскимъ

нахъ возникновенія секты немоляевъ. «Немоляйство не заимствовано изъ чужихъ краевъ, не принесено какимъ нибудь сумасброднымъ фанатикомъ, но оно зародилось на мѣстѣ и есть, такъ сказать, отпоръ новымъ порядкамъ, выработаннымъ Положеніемъ (о крестьянахъ). Руководствуясь горячимъ желаніемъ сохранить за собою прежній строй своего быта, немоляи болѣе другихъ крестьянъ упорствовали сначала и теперь продолжаютъ упорствовать въ принятіи новыхъ порядковъ, къ чему возбуждали и своихъ единомышленниковъ».

V.

Немоляи въ осинскомъ уѣздѣ.

Лѣтомъ 1872 года до пристава 1-го стана осинскаго уѣзда (Пермской губерніи), «дошелъ слухъ», что въ селѣ Рябкахъ появилась между жителями какая-то новая секта. Приставъ немедленно отправляется въ Рябки.

Здѣсь онъ «узнаетъ подъ рукою», что послѣдователи появившейся секты называются «немоляями» и что самая секта существуетъ въ селѣ уже около трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ появленіе немоляевъ въ Осинскомъ уѣздѣ должно быть отнесено къ 1869 году. Въ началѣ эта секта,—какъ дозналъ становой приставъ, — распространялась чрезвычайно секретно, но затѣмъ, послѣдователи ея начали распространять свое ученіе болѣе открыто и смѣло. О существованіи секты зналъ и мѣстный священникъ Колокольниковъ, но что именно было предпринято имъ по этому поводу—приставъ «не могъ дознать».

Ученіе новой секты, по отзыву пристава, состоитъ въ томъ, что «сектаторы не признаютъ святыхъ иконъ, не носятъ на себѣ креста, не молятся, хотя иногда и бываютъ въ церкви, но никогда не крестятся, постовъ не соблюдаютъ и не признаютъ святыхъ.

Священникъ села Рябковскаго, Колокольниковъ, полагалъ, что секта «немоляевъ» есть секта молоканская. Главными распространителями секты немоляевъ являются крестьяне села Рябковскаго.

Отсюда секта немоляевъ перешла въ сосѣднія деревни и починки. По словамъ священника Колокольникова эти новые послѣдователи секты находятся въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ первыми ея распространителями.

У одного изъ этихъ крестьянъ священникъ нашелъ однажды икону съ выколотыми глазами и поврежденіями по краямъ; «названія иконы, по загорѣлости отъ дыма» нельзя было опредѣлить. На вопросъ священника: кто именно совершилъ такое кощунство надъ св. иконой?—сноха хозяина отвѣчала, что это сдѣлалъ ребенокъ.

«Крестьянская дѣвка» деревни Нижняго-Козмяша, придя въ домъ священника Колокольникова, разсказывала, что крестьяне такіе-то пріѣзжали къ крестьянину такому-то и говорили ей, дѣвкѣ, что они пріѣхали ловить рыбу въ мутной водѣ, причемъ «хулили церковь православную и восхваляли немоляеву вѣру».

Сообщая объ этихъ фактахъ становому приставу, священникъ Колокольниковъ пояснялъ при этомъ, что указанные имъ крестьяне христіанскія обязанности исполняютъ, ходятъ въ церковь, исповѣдываются, хотя и не ежегодно, крестятъ младенцевъ и приносятъ ихъ къ св. дарамъ. При посѣщеніи ихъ домовъ, священникъ всегда находилъ у нихъ иконы на мѣстахъ (за исключеніемъ указаннаго выше случая; когда священникъ начиналъ въ ихъ присутствіи обличать молоканскую секту, то они отзывались незнаніемъ ея. Священникъ, однако,

совсѣмъ не вѣрилъ въ искренность подобныхъ заявленій и объясняетъ такіе отвѣты «запирательствомъ» со стороны лицъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ сектѣ.

Главные изъ руководителей немоляевъ были представлены въ 1871 году къ мѣстному благочинному для увѣщанія. Но при этомъ всѣ они отозвались, что не знаютъ никакой другой вѣры, кромѣ православной.

Обо всемъ этомъ становой приставъ подробно рапортовалъ осинскому уѣздному полицейскому управленію, причемъ просилъ распоряженія о принятіи полицейскихъ мѣръ къ прекращенію лжеученія и «о преданіи виновныхъ суду по закону». Осинское полицейское управленіе, получивъ рапортъ станового пристава, вошло въ свою очередь съ представленіемъ по этому поводу къ пермскому губернатору. Это было въ іюнѣ 1872 года. Губернаторъ, получивши рапортъ осинскаго полицейскаго управленія, препроводилъ его къ пермскому архіерею, прося его сдѣлать заключеніе о вредности секты «немоляевъ».

Но губернатору пришлось почти цѣлые два года ждать этого «заключенія». Только въ маѣ 1874 года получилась отъ пермскаго архіепископа Антонія бумага, въ которой сообщались слѣдующія свѣдѣнія по поводу появившейся секты:

«Миссіонеръ протоіерей Костаревъ, — писалъ Антоній,— доноситъ, что секта немоляевъ—молоканская, появилась въ Рябковскомъ приходѣ въ началѣ 1871 года». Мы уже видѣли, что появленіе немоляевъ въ Осинскомъ уѣздѣ должно быть отнесено къ 1869 году; въ 1871 году нѣкоторые изъ немоляевъ уже были вызываемы къ мѣстному благочинному для увѣщанія. Вѣроятно, что послѣднее

обстоятельство и подало поводъ миссіонеру Костареву пріурочить къ 1871 году появленіе немоляевой секты.

Основателемъ и распространителемъ этой секты, по донесенію миссіонера, былъ одинъ сосланный въ Сибирь крестьянинъ Тамбовской губерніи (имя и фамилія котораго духовенству неизвѣстны), возвращавшійся на родину черезъ приходъ Рябковскій. Онъ останавливался въ этомъ приходѣ подъ предлогомъ болѣзни его жены. Еще въ бытность его здѣсь носились слухи о появленіи секты «немоляевъ»; слухи эти дошли до полиціи, которая рѣшилась задержать основателя секты но онъ ловко скрылся и успѣлъ, никѣмъ незамѣченный, уѣхать неизвѣстно куда. Вскорѣ по его отъѣздѣ, въ распространеніи секты немоляевъ были замѣчены нѣсколько крестьянъ села Рябковскаго.

Мы не беремся судить, насколько соотвѣтствуютъ дѣйствительности сообщаемыя миссіонеромъ свѣдѣнія относительно вліянія молоканства на появленіе секты немоляевъ въ Осинскомъ уѣздѣ, хотя не можемъ не замѣтить, что въ предположеніи этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Извѣстно, что многіе молокане, какъ Тамбовской, такъ и другихъ губерній ссылались въ Сибирь—одни на постоянное житье, другіе на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Наконецъ, есть указанія, что нѣкоторые изъ молоканъ высылались въ разные уѣздные города Пермской губерніи.

Такъ, одинъ изъ родныхъ внуковъ основателя молоканства Семена Уклеина—Яковъ Уклеинъ былъ сосланъ въ городъ Оханскъ Пермской губерніи... Но вернемся къ сообщенію миссіонера Костарева.

«Характеръ ученія этой молоканской секты, называемой немоляевою,—пишетъ миссіонеръ Коста-

ревъ—по чрызвычайной скрытности послѣдователей, опредѣлить въ точности невозможно. Повидимому всѣ немоляи исполняютъ христіанскія обязанности: ходятъ въ церковь, крестятъ младенцевъ, исповѣдываются, принимаютъ священниковъ со святыми иконами, сами имѣютъ въ своихъ домахъ иконы и т. п. Въ тайнѣ же между своими единомышленниками они проповѣдываютъ, что не слѣдуетъ молиться крестомъ, которымъ, если молишься, говорятъ они, то все равно, что гвоздишь Христа, что не нужно носить крестъ на груди, какъ ничего не значущее вещество; что не должно имѣть въ домахъ иконъ, не должно молиться передъ ними, какъ бездушными и простыми досками».

Отсюда они и получили названіе немоляевъ Въ обыденной жизни послѣдователей этой секты замѣчено, что всѣ они не ѣдятъ свиного мяса и ходятъ (т.-е. водятъ знакомство) только между собою, не принимая въ свое общество тѣхъ, кои не раздѣляютъ ихъ мыслей.

По опредѣленію миссіонера, число послѣдователей секты немоляевъ не превышаетъ шестнадцати семействъ, изъ которыхъ десять находятся въ селѣ Рябковскомъ и шесть въ сосѣднихъ деревняхъ; дальнѣйшаго распространенія этой секты не замѣтно.

При посѣщеніяхъ своихъ Рябковскаго прихода по дѣламъ миссіи и при собесѣдованіи съ немоляями, миссіонеръ нашелъ въ нихъ одно главное заблужденіе, это именно — неправильное пониманіе второй заповѣди и тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ воспрещается поклоненіе кумирамъ. Немоляи высказывались, что они изъ боязни боготворить вещество избѣгаютъ почитанія иконъ, считая достаточнымъ одно поклоненіе единому истинному Богу.

Но когда миссіонеръ объяснилъ имъ смыслъ

второй заповѣди и всѣхъ тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ говорится о кумирахъ и затѣмъ показалъ имъ правило седьмого вселенскаго собора относительно иконопочитанія, тогда немоляи сдѣлались уступчивѣе въ своихъ мнѣніяхъ; мало того, нѣкоторые изъ нихъ, по увѣренію миссіонера, «подаютъ даже благія надежды къ обращенію отъ своихъ заблужденій».

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, пермская духовная консисторія отказалась «дать положительное заключеніе относительно вредности секты немоляевъ»; но отвѣтъ ея, какъ видно, не удовлетворилъ пермскаго губернатора, и онъ снова просилъ архіепископа Антонія «сообщить свое мнѣніе: подлежатъ ли крестьяне такіе-то судебному преслѣдованію за распространеніе секты немоляевъ».

Въ отвѣтъ на этотъ новый запросъ, архіепископъ Антоній отвѣчалъ губернатору, что до полученія новыхъ свѣдѣній отъ миссіонера епархіальное начальство не имѣетъ основанія возбуждать судебное преслѣдованіе противъ этихъ крестьянъ, такъ какъ заблуждающіеся, по мнѣнію миссіонера, подаютъ надежду къ обращенію. При этомъ преосвящ. Антоній пояснялъ, что «въ случаѣ оказательства немоляями или молоканами своихъ заблужденій, судебное преслѣдованіе ихъ, по силѣ 1007 ст. устава уголов. судопр. 1864 года, можетъ быть начато и безъ требованія духовнаго начальства».

Этимъ и кончается дѣло о немоляяхъ Осинскаго уѣзда. Слѣдуетъ думать, что губернская администрація, въ виду вышеприведеннаго отзыва епархіальнаго начальства, не сочла нужнымъ возбуждать преслѣдованіе противъ послѣдователей новой секты. Но что именно сталось впослѣдствіи съ этой сектой въ Осинскомъ уѣздѣ—изъ дѣлъ не видно.

VI.

Сибирскіе немоляки.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1873 года шадринскій миссіонеръ, протоіерей Кузовниковъ, донесъ пермской духовной консисторіи, что крестьянинъ Тобольской губерніи, Курганскаго уѣзда, чимсевской волости, деревни Савиной, Іосифъ Крюковъ, вмѣстѣ со своимъ пріемнымъ сыномъ Филаретомъ тайно вторгаются въ приходы Шадринскаго уѣзда и стараются распространить новую секту «немоляй».

Съ цѣлью привлечь въ эту секту послѣдователей, Крюковы дарятъ деньги и вещи. Такъ крестьянину села Мехонскаго Дьячкову они дали пять рублей денегъ, а проживающему въ томъ же селѣ отставному рядовому Мурзину—дубленый тулупъ. Дьячковъ и Мурзинъ сами пришли къ священнику и все объяснили, причемъ, по требованію священника, дали письменное показаніе въ присутствіи сельскаго старосты Анчугова.

Мурзинъ и Дьячковъ показали, что Іосифъ Крюковъ училъ ихъ оставить православную церковь и вступить въ секту «немоляй». При этомъ Крюковъ требовалъ отъ Дьячкова, въ случаѣ, если онъ

согласится вступить въ ихъ секту, выдать ему росписку кровью, добытою изъ его пальца. Изъ ученія Крюковыхъ Дьячковъ вынесъ только то, что они воспрещаютъ молиться при входѣ въ домъ, предъ выходомъ, предъ обѣдомъ или ужиномъ и по выходѣ изъ-за стола. Когда Дьячковъ и Мурзинъ выразили свое согласіе вступить въ секту «немоляй», то Крюковы дали Мурзину тулупъ, а Дьячкову пять рублей денегъ.

По полученіи отъ миссіонера Кузовникова всѣхъ этихъ свѣдѣній, пермскій архіепископъ обратился къ губернатору съ просьбою „учредить надзоръ полиціи за дѣйствіями Крюковыхъ". По поводу этого ходатайства состоялось слѣдующее постановленіе пермскаго губернскаго правленія: 1) Такъ какъ виновные въ распространеніи ересей и расколовъ, на основаніи 196 ст. уложенія о наказ. подлежатъ наказаніямъ, налагаемымъ судебнымъ мѣстомъ, то поэтому переписку о Крюковыхъ сообщить шадринскому уѣздному суду на его распоряженіе, и 2) Предписать шадринскому полицейскому управленію имѣть строгое наблюденіе за дѣйствіями Крюковыхъ, причемъ удостовѣриться, имѣютъ ли они письменные виды, и если не имѣютъ, то поступить съ ними по установленному порядку.

Прежде чѣмъ постановленіе это было приведено въ исполненіе, отъ шадринскаго исправника Бородаевскаго получился на имя губернатора рапортъ, въ которомъ исторія съ Крюковымъ излагалась нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ донесеніяхъ протоіерея Кузовникова.

«10-го декабря 1872 года, — писалъ исправникъ, — староста села Мехонскаго Анчуговъ былъ позванъ въ домъ священника Кузовникова, гдѣ онъ

засталъ неизвѣстнаго ему старика (Крюкова) и трехъ крестьянъ, между которыми былъ Дьячковъ. Послѣдній уличалъ Крюкова въ томъ, что онъ совращалъ его, Дьячкова, въ расколъ въ секту немоляевъ, причемъ далъ ему три рубля. Крюковъ во всемъ запирался. Священникъ убѣждалъ его показать всю правду, но Крюковъ продолжалъ упорствовать. Тогда его арестуютъ при волостномъ правленіи, но вскорѣ снова освобождаютъ".

Далѣе староста Анчуговъ сообщилъ исправнику, что Крюковъ часто пріѣзжалъ въ село Мехонское, причемъ останавливался обыкновенно у крестьянина Попова, гдѣ Анчуговъ и повстрѣчался съ нимъ. Ранѣе Крюкова у Попова появлялся какой-то неизвѣстный человѣкъ, судя по догадкамъ, сынъ Крюкова Филаретъ. Онъ поилъ хозяина, Попова, виномъ и говорилъ, что не слѣдуетъ молиться и имѣть дѣло съ священниками. При этомъ Филаретъ читалъ «какіе-то стихи возмутительнаго содержанія въ религіозномъ отношеніи».

О дѣйствіяхъ Крюковыхъ исправникъ поручилъ становому приставу произвести дознаніе. «При разсмотрѣніи этого дознанія,—пишетъ исправникъ,—я пришелъ къ крайнему недоумѣнію: раскольникъ распространяетъ расколъ и совращаетъ православныхъ, священнику удается лично видѣться съ нимъ и говорить, онъ допрашиваетъ его, наконецъ арестовываетъ его при волостномъ правленіи, но затѣмъ—по чувству ли христіанскому къ заключенному или по другому какому поводу—освобождаетъ его, не предавъ въ руки правосудія». Въ объясненіе этого священникъ Кузовниковъ говоритъ, что «Крюковъ былъ арестованъ за безпись менность, но такъ какъ по дознанію его, священника, личность Крюкова была обнаружена, то онъ

и уволилъ его изъ-подъ ареста». «Подобныя дѣйствія,—замѣчаетъ по этому поводу исправникъ,—принадлежатъ только полиціи".

Губернаторъ, по полученіи рапорта исправника, счелъ долгомъ сообщить о дѣйствіяхъ миссіонера Кузовникова архіерею. На это послѣдній вскорѣ увѣдомилъ губернатора, что «священникъ Кузовниковъ не арестовывалъ Крюкова», но что «находившійся при увѣщаніи сельскій староста могъ и долженъ былъ задержать Крюкова и отправить его въ волостное правленіе».

О дальнѣйшей судьбѣ Крюкова и его сына мы не встрѣчаемъ болѣе въ дѣлахъ никакихъ указаній. Такимъ образомъ неизвѣстно, были ли они преданы суду на основаніи приведеннаго нами постановленія пермскаго губернскаго управленія или же имъ удалось избѣжать всякаго рода преслѣдованій.

И такъ, пропагандистами секты немоляевъ въ Шадринскомъ уѣздѣ явились крестьяне Тобольской губерніи, курганскаго уѣзда, Крюковы. Есть основанія предполагать, что немоляйство распространено не въ одномъ только Курганскомъ уѣздѣ, но и въ другихъ уѣздахъ Тобольской губерніи. Въ подтвержденіе этого приведемъ свѣдѣнія, сообщенныя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ корреспондентомъ «Русскаго Курьера» изъ города Ялуторовска, Тобольской губерніи.

По рѣкамъ Исети и Тоболу,—пишетъ корреспондентъ,— встрѣчаются очень большія села, населенныя исключительно раскольниками или «двоеданами» (двоеданами ихъ называютъ потому, что ранѣе они должны были платить двойную дань, т.-е. двойной оброкъ, въ качествѣ раскольниковъ). Не такъ давно среди нихъ выдѣлилась довольно

своеобразная группа, которая извѣстна здѣсь подъ именемъ «немоляковъ».

По мнѣнію корреспондента, происхожденіе немоляковъ совершенно самобытно и не находится въ связи съ какимъ-нибудь внѣшнимъ пришлымъ вліяніемъ. Оффиціальный міръ полагалъ сначала, что это послѣдователи молоканъ, случайно занесенныхъ въ Сибирь; но предположеніе это, по разслѣдованію, не оправдалось. По словамъ крестьянъ, «немоляки начитались священнаго писанія и нашли, что молиться не надо».

Свои толкованія немоляки основываютъ на какомъ-то выисканномъ ими стихѣ въ св. писаніи, гдѣ, будто бы, сказано, что «въ восьмое тысячелѣтіе нѣтъ спасенія»... «Если же нѣтъ спасенія,—разсуждаютъ немоляки,—то зачѣмъ молиться, зачѣмъ обряды, иконы и т. п.?» Изъ этого же стиха они выводятъ, что власть Бога на землѣ съ началомъ «восьмого тысячелѣтія» уже кончилась, такъ какъ «спасенія нѣтъ». Насколько эти мысли проведены ими въ ихъ религіозныхъ и общественныхъ понятіяхъ, опредѣленно неизвѣстно.

Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что немоляки стали въ рѣшительное положеніе относительно обрядовой стороны религіи не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что у нихъ въ домахъ нѣтъ иконъ, что подало поводъ мѣстнымъ жителямъ, мало съ ними знакомымъ, считать ихъ едва ли не атеистами—«Бога у нихъ нѣтъ».

Подобный взглядъ, однако, совершенно не вѣренъ, такъ какъ немоляки отнюдь не отрицаютъ Бога, или молитвы ему. Они говорятъ: «что проку въ томъ, что ты стоишь да молишься, когда на умѣ у тебя совсѣмъ другое; а я и на поле выйду,

все о Богѣ думаю» Слѣдовательно «немолякъ» всегда въ душѣ Бога имѣетъ, всегда ему молится.

Что касается экономическаго положенія немоляковъ, то они по большей части люди зажиточные всегда готовые помочь бѣднымъ; своихъ рабочихъ они не угнетаютъ, какъ это нерѣдко дѣлаютъ другіе. «Придешь къ немоляку, — говорятъ про нихъ крестьяне, — попросишь денегъ подъ обработку — онъ тебѣ все равно уплатитъ, какъ если бы ты сейчасъ пришелъ наниматься въ работники» («Русскій Курьеръ», 1882 г.).

Кромѣ Тобольской губерніи, немоляки — по свѣдѣніямъ извѣстнаго этнографа и путешественника Г. Н. Потанина (переданнымъ намъ въ личной бесѣдѣ) — встрѣчаются около города Бійска, Томской губерніи. Очень вѣроятно, что и въ другихъ мѣстахъ Сибири можно встрѣтить не мало представителей немоляйства.

Этимъ мы и закончимъ свои очерки секты немоляковъ. Просимъ читателей извинить насъ за неполноту и отрывочность приводимыхъ нами свѣдѣній. Если, не смотря на эту отрывочность, мы рѣшились подѣлиться своими свѣдѣніями съ читателями, то сдѣлали это главнымъ образомъ въ надеждѣ на то, что сообщенныя нами данныя вызовутъ болѣе подробныя изслѣдованія со стороны лицъ, имѣвшихъ возможность ближе ознакомиться съ этимъ чрезвычайно характернымъ движеніемъ въ области русской народной мысли.

Медальщики.

(Къ вопросу о современномъ сектанствѣ).

„МЕДАЛЬЩИКИ“.

(Къ вопросу о современномъ сектантствѣ).

Въ 1871 году въ городѣ Вяткѣ вышла книжка г. Заволжскаго подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе экономическаго быта населенія сѣверной части Вятской губерніи». Если не ошибаемся, изслѣдованіе это было произведено по порученію вятской губернской земской управы. Авторъ «Изслѣдованія» при помощи цѣлаго ряда статистическихъ данныхъ и своихъ личныхъ наблюденій, представилъ весьма яркую картину крайне бѣдственнаго положенія крестьянскаго населенія сѣверной части Вятской губерніи, между прочимъ, волостей Маракулинской и Сочневской.

Въ этомъ изслѣдованіи впервые сообщено было о появленіи секты медальщиковъ: къ сожалѣнію, въ свѣдѣніяхъ, приводимыхъ авторомъ по этому поводу, находимъ больше теоретическихъ соображеній, чѣмъ строго фактическихъ данныхъ. «Низкая степень благосостоянія сѣверныхъ волостей (Вятской губерніи)—пишетъ г. Заволжскій—произвела среди его населенія необыкновенное явленіе, — особую *политическую* (?) секту, извѣстную подъ именемъ медальщиковъ или, по выговору крестьянъ, метальщиковъ».

Главныя основанія ученія секты медальщиковъ, по словамъ г. Заволжскаго, состоятъ въ слѣдующемъ: «Подати за землю высоки, урожаи не окупаютъ ихъ, поэтому не нужно пахать землю, чтобы не платить податей. Самъ-де Царь знаетъ, что тяжело его крестьянамъ за безплодную землю платить подати, и освободилъ-де ихъ отъ земли и податей, въ знакъ чего и вычеканилъ медали. Землю пахать заставляютъ-де чиновники, но стоитъ показать имъ медаль — и никто не посмѣетъ о податяхъ заикнуться. И вотъ медальщики земли забросили, дома попродали и скитаются по заводамъ». Они «признаютъ обязательною для себя только одну подушную подать, а отъ платежа остальныхъ податей отказываются». Въ то-же время, съ цѣлью «обезопасить себя отъ притѣсненій въ платежѣ податей, они озаботились о пріобрѣтеніи медалей, вычеканенныхъ въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и носятъ ихъ на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ». Такъ какъ каждый изъ нихъ старается непремѣнно обзавестись такой медалью, то поэтому «цѣна на подобныя медали возросла у нихъ до двадцати пяти рублей за штуку».

«Первое начало этой секты — говоритъ г. Заволжскій—было положено ссыльными изъ крѣпостныхъ, которые были посланы на житье въ Маракулинскую волость». Къ сожалѣнію, авторъ «Изслѣдованія» не поясняетъ ни единымъ словомъ, что это были за «ссыльные изъ крѣпостныхъ» и за что они туда были сосланы. Укоренилась секта медальщиковъ по преимуществу въ Маракулинской и Сочневской волостяхъ. Здѣсь къ ней пристало «пока не болѣе пятидесяти человѣкъ, но она, несмотря на преслѣдованія со стороны начальства, мало-по-малу *распространяется все болѣе*

и болѣе». По мнѣнію г. Заволжскаго. «секта эта есть чисто-продуктъ низкаго благосостоянія населенія, маловыгодности занятія землею, безплодности почвы, въ связи съ громадностью налоговъ. Появленіе этой секты есть живой протестъ населенія противъ несоразмѣрныхъ съ его платежными силами податей».

Въ виду этого, «несмотря на всю дикость ученія секты медальщиковъ, — справедливо замѣчаетъ авторъ «Изслѣдованія», — появленіе ея заслуживаетъ глубочайшаго вниманія по той причинѣ, которая создала ее, потому что только горькая нужда можетъ заставить крестьянъ покинуть свои отцовскія насиженныя мѣста». И затѣмъ далѣе онъ продолжаетъ: «Нужда гонитъ медальщиковъ изъ домовъ, и поступокъ ихъ въ этомъ отношеніи оформленъ принципомъ. Что бѣгство изъ родныхъ деревень не есть результатъ дикаго фанатизма, а объясняется насущными причинами, — это можно видѣть изъ того, что повсюду въ сѣверныхъ волостяхъ, гдѣ не проникло еще ученіе медальщиковъ, замѣчается бѣгство изъ родныхъ мѣстъ. Въ волостяхъ Котельническаго уѣзда мнѣ удалось видѣть цѣлыя толпы женщинъ и дѣтей съ котомками, пробирающихся въ городъ или южные уѣзды».

Вотъ и все, что было сообщено г. Заволжскимъ о сектѣ медальщиковъ. Съ тѣхъ поръ въ печати, въ разныхъ статьяхъ, хотя и не разъ встрѣчалось названіе этой секты, но никакихъ новыхъ свѣдѣній о медальщикахъ, сколько намъ извѣстно, сообщено не было. Желая получить болѣе подробныя свѣдѣнія о медальщикахъ, я обратился къ секретарю вятскаго губернскаго статистическаго комитета Н. А. Спасскому. съ просьбою сообщить мнѣ все, что извѣстно

ему объ этой сектѣ. Г. Спасскій съ любезной готовностію отозвался на мою просьбу и сообщилъ слѣдующее:

«Медальщиковъ, о которыхъ упоминаетъ г. Заволжскій, никто изъ мѣстныхъ жителей не считаетъ за послѣдователей какой-нибудь секты и ни въ появленіи ихъ, ни въ ихъ ученіи (если можно назвать ученіемъ нелѣпости, носившіяся между ними) не видитъ никакого религіознаго характера. Это движеніе, какъ считаютъ, было скорѣе продуктомъ мѣстныхъ дурныхъ экономическихъ условій, при которыхъ вся pia desideria крестьянина воплотилась въ стремленіи облегчить лежавшія на немъ подати и повинности. Въ настоящее время о медальщикахъ даже и не слыхать; покрайней мѣрѣ у насъ въ Вяткѣ даже главный миссіонеръ, кафедральный протоіерей, съ которымъ я говорилъ о нихъ, ничего о нихъ не знаетъ и думаетъ, что ихъ теперь совсѣмъ нѣтъ».

Вслѣдъ за этимъ г. Спасскій прислалъ ко мнѣ свѣдѣніе о медальщикахъ, полученное имъ отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ, живущихъ вблизи отъ мѣста, гдѣ впервые появились медальщики. Вотъ это свѣдѣніе.

Крестьяне Симбирской губерніи, Карсунскаго уѣзда, села Манырова, Степанъ Федоровъ и Иванъ Анисимовъ Смолины, высидѣвъ въ тюрьмѣ *) города Слободскаго (Вятской губ.) съ ноября 1866 года по іюнь 1868-го, были затѣмъ высланы въ Маракулинскую волость. Здѣсь они «своими разсказами сбили съ толку» многихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ 1869 году нѣсколько человѣкъ изъ числа «совращенныхъ» были заключены въ тюрьму, а оттуда высланы, въ количествѣ девяти человѣкъ, въ Яран-

*) За что они сидѣли въ тюрьмѣ — изъ свѣдѣнія не видно

скій уѣздъ, подъ надзоръ полиціи. Впрочемъ, по прошествіи нѣкотораго времени большая часть изъ этихъ ссыльныхъ была возвращена, такъ что въ настоящее время на мѣстѣ ссылки находится лишь одинъ крестьянинъ.

До 1875 года всѣ такъ-называемые медальщики не платили податей и не обработывали земли. Со второй-же половины 1875 г. нѣкоторые изъ нихъ начали вносить подати, а въ слѣдующемъ 1876 году приступили къ обработкѣ земли. Мало-по-малу и другіе послѣдовали этому примѣру, такъ что въ настоящее время всѣ бывшіе медальщики платятъ подати и занимаются обработкой полей.

Ясно, конечно, для каждаго, что всѣ приведенныя здѣсь свѣдѣнія о медальщикахъ черезчуръ скудны, отрывочны, а отчасти даже противорѣчивы. Но въ интересахъ болѣе объективнаго и всесторонняго разъясненія дѣла, мы считали необходимымъ привести здѣсь *все*, что намъ извѣстно объ этой сектѣ.

Но прежде всего предстоитъ рѣшить вопросъ: составляютъ-ли медальщики секту? Г. Спасскій категорически отрицаетъ въ ученіи медальщиковъ присутствіе какого-либо религіознаго элемента. Но вѣдь и г. Заволжскій нигдѣ прямо не говоритъ о *религіозномъ* характерѣ этой секты; онъ называетъ медальщиковъ «особою *политическою* сектою» (правильнѣе было-бы выразиться — соціальною, аграрною). Но если дѣйствительно ученіе медальщиковъ было совершенно свободно отъ религіознаго элемента, то въ такомъ случаѣ почему-же г. Заволжскій назвалъ ихъ «сектою»? Вѣдь слову *секта* у насъ усвоено вполнѣ опредѣленное представленіе, которое не могло не быть извѣстно г. Заволжскому.

Что касается причинъ, вызвавшихъ появленіе

на свѣтъ медальщиковъ, то въ этомъ случаѣ гг. Заволожскій и Спасскій вполнѣ согласны между собою. Тотъ и другой утверждаютъ, что медальщики явились «продуктами дурныхъ экономическихъ условій», которыми обставлено крестьянское населеніе сѣверной части Вятской губерніи

Здѣсь кстати припомнить, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ на сѣверо востокѣ Россіи, главнымъ образомъ въ предѣлахъ Пермской и Вятской губерній, среди крестьянскаго населенія происходило сильное броженіе, носившее чисто-аграрный характеръ *). Ближайшимъ толчкомъ для этого движенія послужило введеніе уставныхъ граматъ. Съ особенною интенсивностью движеніе это проявилось въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, и въ Красноуфимскомъ и Осинскомъ уѣздахъ, Пермскомъ губ.

Финалъ этого движенія былъ, можно сказать, весьма неожиданный. А именно, въ результатѣ всего движенія оказались двѣ секты, изъ которыхъ одна, въ Сарапульскомъ и Осинскомъ уѣздахъ, названа была «немоляками», а другая, въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, получила названіе «неплательщиковъ». Здѣсь не мѣсто, разумѣется, входить въ подробный разборъ тѣхъ условій и причинъ, благодаря которымъ движеніе, начавшееся на почвѣ исключительно аграрныхъ интересовъ, мало-по-малу захватило область религіи и наконецъ вылилось въ формѣ религіозно-соціальныхъ сектъ; но что дѣло происходило именно такъ, а не иначе, въ этомъ насъ убѣждаетъ цѣлая масса имѣющихся въ нашемъ распоряженіи вѣскихъ, неопровержимыхъ данныхъ и доказа-

*) Подобное броженіе, вызванное введеніемъ уставныхъ граматъ, въ разное время происходило, какъ извѣстно, и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи

тельствъ, которыми вскорѣ мы надѣемся подѣлиться съ читателями... Невольно возникаетъ предположеніе: не являются-ли медальщики отпрыскомъ этого аграрнаго движенія, получившаго въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи болѣе или менѣе опредѣленную религіозную окраску? Предположеніе это является тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что годъ (1869) появленія медальщиковъ какъ-разъ совпадаетъ съ годомъ наибольшаго оживленія аграрнаго движенія, происходившаго въ разныхъ уѣздахъ Вятской и Пермской губерній.

Выше мы видѣли, что, по мнѣнію мѣстнаго миссіонера, въ настоящее время медальщиковъ болѣе не существуетъ. Между тѣмъ г. Заволжскій въ 1871 г. сообщалъ, что секта медальщиковъ «распространяется все болѣе и болѣе». Если мы признаемъ, что оба эти свѣдѣнія вѣрны, то спрашивается: куда-же вдругъ дѣлись медальщики. Что сталось съ ними теперь? Разумѣется, медальщики при столкновеніяхъ съ жизнью легко могли убѣдиться, что ихъ надежда на медали—нелѣпа. Но вѣдь дѣло совсѣмъ не въ медаляхъ и не въ надеждѣ на нихъ. Дѣло заключается въ причинахъ, вызвавшихъ на свѣтъ появленіе медальщиковъ, и въ ихъ воззрѣніяхъ на землю, подати и повинности. Если медальщики дѣйствительно явились «продуктомъ дурныхъ экономическихъ условій крестьянства», то чѣмъ-же слѣдуетъ объяснить столь внезапное исчезновеніе ихъ? Вѣдь едва-ли есть какія нибудь данныя думать, что экономическія условія крестьянскаго населенія Вятской губерніи съ тѣхъ поръ замѣтно улучшились. Въ виду этого невольно является сомнѣніе: дѣйствительно-ли исчезли медальщики? Можетъ быть, они только такъ или иначе измѣнили свои отношенія къ власти, къ землѣ и т. д.?

Мы ставимъ всѣ эти вопросы въ надеждѣ, что лица, имѣвшія возможность близко наблюдать затронутое нами явленіе, подѣлятся въ печати своими сообщеніями по этому поводу и тѣмъ разрѣшатъ недоумѣнія, невольно напрашивающіяся у каждаго. Для лицъ-же, которыя, обладая матеріалами, не могутъ, по неимѣнію времени или по другимъ причинамъ, заняться ихъ обработкою, — пишущій эти строки предлагаетъ свои услуги и свое посредничество.

„Вредныя секты“.

Очерки уральскаго сектантства по оффиціальнымъ даннымъ.

„ВРЕДНЫЯ СЕКТЫ“.

(Очерки уральскаго сектантства по оффиціальнымъ даннымъ).

I.

Бѣгуны.

При разсмотрѣніи всеподданѣйшаго отчета о состояніи Пермской губерніи за 1879 годъ, Государь Императоръ противъ объясненія о томъ, что «въ средѣ многочисленнаго населенія горнозаводскихъ мастеровыхъ возникаютъ секты, у которыхъ непризнаваніе властей и неповиновеніе имъ составляетъ основное начало», изволилъ отмѣтить: «обратить на это особое вниманіе».

Вслѣдствіе этого комитетъ министровъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ доставить по этому вопросу надлежащія свѣдѣнія и объясненія для представленія таковыхъ на усмотрѣніе Государя Императора.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, «усматривая изъ переписки, что обнаруженная въ 1878 году въ Перм-

ской губерніи противоправительственная секта есть секта бѣгуновъ или странниковъ и что о лицахъ, принадлежащихъ къ этой ереси, производится судебное изслѣдованіе», — отнесся къ пермскому губернатору съ предложеніемъ сообщить ему «подробныя свѣдѣнія, какъ о томъ вліяніи, которое имѣютъ на мѣстныхъ православныхъ жителей эти сектаторы, такъ и о настоящемъ положеніи производящагося по сему предмету слѣдствія». Вмѣстѣ съ этимъ министръ просилъ губернатора «указать и тѣ мѣры, кои могли бы быть приняты, по его мнѣнію, для прекращенія дальнѣйшаго распространенія означеннаго ученія».

И вотъ завязывается обширная переписка, въ которой принимаютъ участіе представители губернской и уѣздной администраціи, духовное начальство, епархіальное вѣдомство, миссіонеры и т. д. Переписка эта, прежде всего, старается выяснить вопросъ о положеніи наиболѣе вредныхъ въ государственномъ отношеніи сектъ изъ числа распространенныхъ на Уралѣ, главнымъ же образомъ относительно сектъ неплательщиковъ и бѣгуновъ или странниковъ. Приведемъ сначала свѣдѣнія и данныя, доставленныя по возбужденному вопросу духовнымъ вѣдомствомъ.

По этимъ свѣдѣніямъ оказалось, что «какъ въ дѣлахъ пермской духовной консисторіи, такъ и по отчетамъ епархіальнаго начальства раскольнической секты неплательщиковъ вовсе въ пермской епархіи не значится. Тѣ начала заблужденій, которыя приписываются сектѣ неплательщиковъ, принадлежатъ также и сектѣ бѣгуновъ или странниковъ; эта послѣдняя секта проявила себя дѣйствительно болѣе среди горнозаводскаго населенія. Есть ли у этой секты какое-либо систематическое изложеніе своего

ученія—епархіальному начальству неизвѣстно; положительно-же извѣстно только то, что секта эта не признаетъ надъ собою никакой власти на томъ ложномъ убѣжденіи, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ, и что какъ власть духовная, такъ и свѣтская и даже самая державная власть — суть слуги антихриста».

Странники учатъ, что русская православная церковь есть церковь отступническая и еретическая. Они вѣруютъ, что антихристъ пришелъ уже и царствуетъ на землѣ, при чемъ подъ именемъ антихриста одни изъ нихъ разумѣютъ послѣдовательный рядъ лицъ (государей), другіе—не дѣйствительное, опредѣленное лицо, а духъ общества, отступленіе отъ истинной вѣры. Эти послѣдніе говорятъ: «какъ церковь есть тѣло Христово, такъ и отступленіе отъ истинной вѣры есть тѣло антихриста; есть царство Христово, къ которому принадлежатъ только странники, и есть царство антихриста, къ которому принадлежатъ православные и раскольники другихъ сектъ». (Слова странника Дмитрія Куракина).

Вообще, по представленію странниковъ, настоящее состояніе церкви и общества есть особый грѣховный, сатанинскій міръ, во всемъ противоположный міру Божію. Отсюда и вытекаетъ ихъ главное основное правило: удаляться отъ общества, отъ подчиненія какимъ-бы то ни было гражданскимъ законамъ и странствовать въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Кто духовный глава странниковъ, какое у нихъ богослуженіе и кѣмъ оно отправляется — остается неизвѣстнымъ.

Только что приведенный нами взглядъ странниковъ на власть не разъ былъ высказанъ этими сектаторами «въ разныхъ отдаленныхъ между собою

селеніяхъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ,—слѣдовательно высказанъ на основаніи ученія ихъ секты».

Такъ, сельскій обыватель Кушвинскаго завода Косьма Ѳедоровъ Колымагинъ, пойманный въ бѣгахъ по расколу, при водворении въ мѣсто своего жительства, на требованіе мѣстнаго волостного старшины — не отлучаться изъ мѣстожительства безъ письменнаго вида и уплатить недоимку въ податяхъ за два года—отвѣчалъ, что онъ нынѣ называется не Косьмой Федоровымъ, а Николаемъ, рабомъ Христовымъ, что онъ православный христіанинъ, и что съ православнаго христіанина податей не полагается и никакихъ видовъ онъ брать не долженъ. Когда же старшина возразилъ ему на это извѣстнымъ текстомъ священнаго писанія: «отдайте кесарево—кесареви, а Божіе—Богови», то Колымагинъ сказалъ, что еретику платить не желаетъ: при этомъ онъ назвалъ еретикомъ и волостнаго старшину, потому что тотъ служитъ еретику.

— «Православный христіанинъ,—говорилъ Колымагинъ,—не долженъ повиноваться никакой власти», и называлъ еретиками всѣхъ несогласныхъ съ нимъ..... Другой случай. Крестьянка Невьянскаго завода Домника Заикина заявила мѣстному судебному слѣдователю, что 24 января 1878 года она просила вожака бѣгуновъ Сергѣя Константинова Кирьянова научить ее, какъ бы ей удобнѣе спастись Кирьяновъ далъ ей слѣдующее наставленіе:

— «Первоначально нужно тебѣ проклясть отца и мать; вѣра твоя еретическая; времена нынѣ антихристовы и нынѣ у насъ царствуетъ не царь, а антихристъ... Вотъ вы радуетесь, что нынѣ замиреніе; нынѣ нѣтъ царя, а есть антихристъ, и радоваться и

молиться за него нечего. Нынѣ свѣчъ и масла зажигать и кадить иконамъ не годится".

Изъ этихъ дѣлъ, по мнѣнію епархіальнаго начальства, «видно, что секта бѣгуновъ и странниковъ содержитъ самое дерзкое и возмутительное ученіе даже противъ священной особы Государя Императора».

По свѣдѣніямъ бывшаго екатеринбургскаго миссіонера, протоіерея Шишева, въ округѣ котораго (въ Невьянскомъ и Рудянскомъ заводахъ) секта странниковъ развилась болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, послѣдователи странничества считаютъ необходимымъ для спасенія отчуждаться отъ святой церкви, не признавать надъ собою ни царской, ни всякой другой земной власти, бѣгать отъ антихристова владычества, удаляться отъ семейства и общества, отъ подчиненія какимъ-бы то ни было гражданскимъ законамъ и странствовать въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Тотъ же миссіонеръ сообщаетъ, что странники раздѣляются на два чина. Первый чинъ составляютъ такъ называемые совершенные христіане, т. е тѣ, которые вышли въ странство и крещены по странническому обряду. Они считаютъ себя на монашескомъ положеніи и носятъ имена, данныя имъ при крещеніи по странническому обряду; проживаютъ они большею частію въ лѣсахъ или же тайно въ селеніяхъ. Въ февралѣ 1878 года въ домѣ крестьянина Невьянскаго завода Сергѣя Кирьянова поиманы были (подъ печкой) странники: крестьянинъ деревни Липиной Покровской волости Ирбитскаго уѣзда Адріанъ Никитинъ Кротовъ и нижнесалдинская солдатка Екатерина Якимова, въ странствѣ Евгенія. При обыскѣ у нихъ оказались разныя принадлежности монашескаго сана.

Второй чинъ странниковъ составляютъ поучающіеся, мірскіе, «жиловые» христіане, странноприимцы, христолюбцы, — тѣ, которые живутъ въ мірѣ съ обѣтомъ при концѣ жизни идти въ странство, они обязаны давать пріютъ дѣйствительнымъ странникамъ.

По увѣренію отца миссіонера, секта странниковъ «весьма вредно вліяетъ на православныхъ жителей тѣмъ, что послѣдователи ея, во-первыхъ, — открыто не признаютъ надъ собою никакой власти и дерзко и безнаказанно поносятъ высочайшую власть; во-вторыхъ, странничествомъ своимъ развиваютъ скитальчество и тунеядство и, въ третьихъ, наконецъ, нѣкоторые изъ ревнителей секты занимаются исключительно пропагандою своихъ заблужденій».

Такъ, о странникѣ Колымагинѣ, о которомъ мы только-что упоминали,—судебный слѣдователь 1-го участка Верхотурскаго уѣзда сообщилъ епархіальному начальству слѣдующее: «Колымагинъ, будучи арестованъ, пропагандировалъ свои религіозныя заблужденія всѣмъ, которые были вмѣстѣ съ нимъ въ арестантской камерѣ, и лица эти впослѣдствіи отстаивали правильность его убѣжденій. Самъ Колымагинъ на допросѣ заявилъ, что онъ жилъ въ скитахъ около года и вышелъ оттуда со спеціальною цѣлью изобличать еретиковъ и указать имъ, какъ должно поступать, чтобы сдѣлаться православнымъ христіаниномъ».

Мѣстное гражданское начальство слѣдующимъ образомъ характеризовало ученіе Колымагина: «убѣжденія, проповѣдуемыя этимъ сектаторомъ, состоятъ въ томъ, что онъ не признаетъ того правительства, члены котораго брѣютъ бороды; по его мнѣнію подобное правительство «не отъ Бога»; члены такого

правительства — еретики и предшественники антихриста, а потому повиноваться и платить податеи имъ не слѣдуетъ». Свои убѣжденія Колымагинъ высказываетъ всѣмъ, кто только заводитъ съ нимъ разговоръ; живетъ онъ большею частію въ лѣсахъ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе по дѣлу о Колымагинѣ, затруднился и сталъ, какъ говорится, въ тупикъ: къ какой именно сектѣ отнести ученіе обвиняемаго? Не будучи знакомъ съ русскимъ сектантствомъ, слѣдователь кончилъ тѣмъ, что приписалъ Колымагину основаніе особой, новой секты «колымагинской». Но такъ какъ вслѣдъ за этимъ предстояло еще опредѣлить степень вреда, причиняемаго новою сектою, то слѣдователь отнесся въ департаментъ общихъ дѣлъ (министерства внутреннихъ дѣлъ) съ просьбою сообщить ему заключеніе по этому вопросу. Но и въ департаментѣ встрѣтились затрудненія въ разрѣшеніи возбужденнаго вопроса, и вотъ изъ министерства идетъ по этому поводу запросъ къ губернатору, а отъ губернатора, по обыкновенію, къ исправникамъ и мѣстному архіерею. Послѣдній разъяснилъ, что ученіе Колымагина совсѣмъ не представляетъ собою новости въ русскомъ расколѣ, и что оно ничѣмъ не разнится отъ ученія секты странниковъ или бѣгуновъ.

Обвиненіе, возбужденное противъ Колымагина по 246 ст. Улож. о наказ., было прекращено по соглашенію министра юстиціи съ начальникомъ верховной распорядительной коммисіи, графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Колымагинъ былъ выпущенъ изъ острога, водворенъ домой, но тотчасъ-же снова скрылся «неизвѣстно куда».

Кромѣ «отрицанія властей», на странниковъ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ взводится еще

одно, не менѣе серьезное и тяжкое обвиненіе. По сообщенію миссіонера Шишева странники неизвѣстно куда скрываютъ дѣтей не только своихъ, но и чужихъ*). При обыскѣ дома обывателя Невьянскаго завода Сергѣя Кирьянова мѣстною полиціею найденъ у него неизвѣстно чей младенецъ женскаго пола. Кирьяновъ объявилъ, что младенецъ этотъ будто-бы подкинутъ къ его дому; тѣмъ не менѣе полиція отобрала отъ него этого ребенка и окрестила его въ православной церкви. Тотъ же Кирьяновъ въ 1877 г. неизвѣстно для какой цѣли торговалъ у мѣщанина Быкова незаконнорожденнаго сына его, «прижитаго съ дѣвкой Казанцевой».

«Молва народная говоритъ, что странники рѣжутъ дѣтей и причащаются человѣческою кровью. Но сами странники называютъ эту молву злобною клеветою и говорятъ, что они скрываютъ дѣтей единственно только для того, чтобы воспитать ихъ вдали отъ владычества антихристова». По этому поводу отецъ миссіонеръ замѣчаетъ: «Въ виду того, что задача странниковъ или бѣгуновъ состоитъ въ постоянномъ странничествѣ, въ переходахъ съ одного мѣста на другое и что ни одного изъ потерявшихся младенцевъ по сіе время нигдѣ не открыто,— отзывъ странниковъ о воспитаніи ими дѣтей внѣ владычества антихриста —подлежитъ сомнѣнію».

Такимъ образомъ, отецъ миссіонеръ какъ бы склоняется на сторону того мнѣнія, которое приписываетъ странникамъ рѣзню дѣтей и причащеніе человѣческою кровью!

О числѣ приверженцевъ секты бѣгуновъ духов-

---

*) Обвиненіе это возводится народною молвою главнымъ образомъ на послѣдователей секты лучинковцевъ; но епархіальное вѣдомство не выдѣляетъ послѣдователей этой секты изъ общей массы странниковъ или бѣгуновъ.

ное вѣдомство положительныхъ свѣдѣній не имѣетъ. Епархіальному начальству извѣстны только тѣ изъ уклонившихся въ эту секту, о которыхъ возникали дѣла въ судебныхъ или административныхъ инстанціяхъ. «Вновь уклоняющіеся отъ святой церкви въ какую бы ни было секту большею частію стараются скрыть свое уклоненіе, и для приходскихъ священниковъ и епархіальнаго начальства нѣтъ никакой возможности имѣть вѣрныя свѣдѣнія о числѣ приверженцевъ страннической секты».

Въ Невьянскомъ и Рудянскомъ заводахъ Екатеринбургскаго уѣзда секта бѣгуновъ открыта мѣстному миссіонеру, въ 1878 году, раскольниками бѣглопоповщинской секты. По донесенію отца миссіонера, бѣгуновъ въ означенныхъ заводахъ перваго и второго чина, вмѣстѣ съ дѣтьми, показано 18 душъ обоего пола *). Затѣмъ бѣгуны появились въ Кушвинскомъ и Нижне-Салдинскомъ заводахъ Верхнетурскаго уѣзда, а также въ Михайловскомъ заводѣ и въ Алтыновской волости Красноуфимскаго уѣзда.

Относительно тѣхъ мѣръ, которыми слѣдуетъ бороться съ сектою бѣгуновъ, мѣстное духовное начальство высказывается такъ: «со стороны духовной власти должно быть разъясненіе и опроверженіе приходскими священниками ложнаго ученія сектантовъ о воцареніи въ мірѣ антихриста, а со стороны гражданской — принятіе энергическихъ мѣръ противъ скитальчества бѣгуновъ перваго чина, задающихся спеціальною цѣлью распространенія своихъ заблужденій». Далѣе, родители тѣхъ дѣтей, которыя были скрыты бѣгунами неизвѣстно куда, должны «настоятельно потребовать возвращенія

*) Въ дѣйствительности цифра эта крайне уменьшена и рѣшительно не заслуживаетъ довѣрія *А. П.*

своихъ дѣтей». Этими мѣрами и исчерпываются тѣ средства и способы борьбы съ бѣгунствомъ, которые предлагаетъ мѣстное епархіальное вѣдомство.

Обратимся затѣмъ къ свѣдѣніямъ «о вредныхъ сектахъ», доставленнымъ административнымъ путемъ, и остановимся, прежде всего, на данныхъ, сообщаемыхъ изъ Екатеринбургскаго уѣзда, въ которомъ, какъ мы уже видѣли, бѣгунство развилось съ особенною силою.

«Секта странниковъ, бѣгуновъ или лучинковцевъ, у которыхъ непризнаваніе властей и неповиновеніе имъ составляетъ основное начало — по свѣдѣніямъ мѣстнаго начальства — въ послѣднее время значительно слабѣетъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ». Численность ихъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ Невьянской волости	35	челов.,	изъ нихъ	13	муж.	и	22	женщ.
» Шуралинской »	55	»	»	52	»	»	30	»
Всего	90	челов.,	изъ нихъ	38	муж.	и	52	женщ.

По отзыву мѣстныхъ властей, сектанты эти въ Невьянской волости, среди громаднаго населенія, состоящаго изъ православныхъ, единовѣрцевъ и раскольниковъ разныхъ сектъ—«не имѣютъ ровно никакого значенія и находятся въ пренебреженіи». Въ Шуралинской же волости бѣгуны „хотя и пытаются иногда совращать простаковъ изъ православія въ ихъ секту, но имъ (т. е. бѣгунамъ) не поддаются". Отзывъ этотъ идетъ въ разрѣзъ съ приведеннымъ выше мнѣніемъ отца миссіонера, утверждавшаго, что странники „весьма вредно вліяютъ на православныхъ жителей". Кто изъ нихъ правъ,— такъ и осталось не выясненнымъ.

„Всѣ эти сектанты—по свидѣтельству мѣстнаго начальства—изъ крестьянъ, не развитые, жизнь ве-

дутъ болѣе скитальческую, странническую, въ лѣсахъ и скитахъ, ища подражателей себѣ".

Прежде послѣдователи бѣгунской секты встрѣчались также въ Рудянкѣ, Верхне-Невьянскѣ и Верхнетагильскѣ, но теперь въ этихъ мѣстахъ они «совершенно уничтожились»: одни изъ нихъ присоединились къ православію. другіе къ единовѣрію или старообрядчеству; въ настоящее время эти бывшіе бѣгуны отдаютъ дѣтей своихъ въ народныя школы.

По вопросу «о мѣрахъ искорененія бѣгунской секты», уѣздная власть высказывается довольно энергично. «Необходимо,—говоритъ она.—преслѣдовать послѣдователей этой секты, что и дѣлается со стороны полиціи. Слѣдуетъ обязательно воспретить этимъ сектантамъ являться въ общественныя собранія, въ особенности на сельскіе и волостные сходы, не допускать до выборовъ ихъ въ какія либо общественныя должности до тѣхъ поръ, пока они не присоединятся къ православію; преслѣдованіе же ихъ въ лѣсахъ и уничтоженіе устраиваемыхъ ими тамъ скитовъ слѣдуетъ возложить на лѣсное вѣдомство».

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ,—по донесенію мѣстнаго начальства,—расколъ, главнымъ образомъ безпоповщинскій, распространенъ во 2-мъ и въ 4-мъ станахъ. Въ послѣдніе годы расколъ здѣсь усиливается. Нѣкоторые изъ сектантовъ выѣзжаютъ въ скиты, устроенные, по слухамъ, въ Кунгурскомъ уѣздѣ близь деревни Кедровки; сосѣдніе жители снабжаютъ эти скиты всѣмъ необходимымъ; каждую недѣлю они отправляютъ туда съѣстные продукты. Крестьяне Черноисточенской волости (Иванъ Петровъ Фирсовъ и другіе) много лѣтъ живутъ въ этихъ скитахъ.

Интересно сопоставить эти свѣдѣнія съ донесеніемъ кунгурскаго исправника, который рапортуетъ: «сектаторовъ, ученіе которыхъ имѣетъ основнымъ началомъ непризнаваніе властей, извѣстныхъ подъ названіемъ бѣгуновъ или странниковъ, во ввѣренномъ мнѣ уѣздѣ не находится». Позволительно однако усомниться въ справедливости этого категорическаго увѣренія; въ предѣлахъ Кунгурскаго уѣзда расположены извѣстные Урминскіе лѣса, издавна служившіе притономъ для всякаго рода сектантовъ. Не далѣе какъ въ 1879 году въ этихъ лѣсахъ были открыты два тайные раскольническіе скита.

«Раскольники Верхотурскаго уѣзда,—по свидѣтельству тамошняго начальства, — властей не признаютъ; тѣмъ не менѣе случаевъ сопротивленія властямъ съ ихъ стороны не было». Въ чемъ же собственно выражается это «непризнаваніе властей» въ свѣдѣніяхъ, къ сожалѣнію, не объяснено.

Усиленіе раскола ставится здѣсь въ связь съ печальнымъ состояніемъ, въ которомъ находится въ уѣздѣ дѣло народнаго образованія. «При пяти-тысячномъ населеніи 2-го стана учащихся въ училищахъ всего 103 человѣка обоего пола; тутъ нѣтъ дѣтей раскольниковъ, которые избѣгаютъ образованія въ народныхъ школахъ съ дѣтьми православнаго исповѣданія, а отдаютъ учить своихъ дѣтей къ старцамъ и старицамъ». Но въ четвертомъ станѣ того же уѣзда замѣчается иное явленіе: здѣсь дѣти раскольниковъ обучаются грамотѣ въ народныхъ школахъ вмѣстѣ съ православными. Къ сожалѣнію, въ бумагѣ совсѣмъ не разъясняются причины этого весьма, конечно, интереснаго факта и, такимъ образомъ, остается совершенно неизвѣстнымъ — почему именно въ одной мѣстности раскольники чуждаются

народной школы, а тутъ же рядомъ — относятся къ ней съ полнымъ довѣріемъ.

Что касается способа борьбы съ расколомъ, то губернская гражданская власть гуманно предлагаетъ лишь «одно увѣщаніе со стороны священниковъ православной церкви». Это, конечно, гораздо лучше, чѣмъ рекомендовать разныя «энергическія» и полицейскія мѣры, но насколько дѣйствительно подобное средство въ данномъ случаѣ, — это, разумѣется, другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы на этотъ разъ входить не будемъ.

II.

Неплательщики.

Секта неплательщиковъ до сихъ поръ извѣстна у насъ только по имени; за исключеніемъ двухъ-трехъ мелкихъ, отрывочныхъ извѣстій, проскользнувшихъ въ газетахъ и журналахъ, вы напрасно будете искать въ нашей литературѣ какихъ нибудь свѣдѣній объ этой безспорно весьма интересной сектѣ.

Между тѣмъ секта эта по условіямъ и причинамъ своего возникновенія заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія къ ней со стороны русскаго общества; несомнѣнно, что она является прямымъ и характернѣйшимъ продуктомъ современныхъ условій соціальной жизни русскаго крестьянства, въ частности же тѣхъ ненормальныхъ условій, которыя окружаютъ наше горнозаводское населеніе. Въ виду этого, думаемъ, будетъ не лишне привести здѣсь тѣ свѣдѣнія и данныя, которыми располагаетъ оффиціальный міръ какъ о современномъ состояніи этой секты, такъ и о причинахъ, вызвавшихъ ея появленіе.

Въ первой главѣ этого очерка мы видѣли, что

пермское духовное начальство не выдѣляетъ секты неплательщиковъ, равно какъ и лучинковцевъ изъ общей массы странниковъ или бѣгуновъ. Иначе смотритъ на эти секты мѣстная гражданская власть, по мнѣнію которой какъ неплательщики, такъ и лучинковцы представляютъ собою болѣе или менѣе самостоятельныя секты, хотя и возникшія на почвѣ ученія странниковъ или бѣгуновъ. Впрочемъ такой взглядъ на эти секты со стороны губернской администраціи нельзя считать прочно установившимся, такъ какъ по временамъ она явно отступаетъ отъ него, смѣшивая и лучинковцевъ, и неплательщиковъ въ одну секту бѣгуновъ.

Секта неплательщиковъ распространена въ сергинскомъ округѣ красноуфимскаго уѣзда. По свидѣтельству мѣстной администраціи, «среди заводскаго населенія красноуфимскаго уѣзда существуетъ лишь одна секта—неплательщики».

Послѣдователи этой секты «не признаютъ никакихъ властей и не платятъ добровольно никакихъ податей»; но въ то же время они «не препятствуютъ отбирать у нихъ какое либо имущество на пополненіе податей». Всѣ сборы государственные, земскіе и общественные «взыскиваются съ послѣдователей этой секты чрезъ отобраніе у нихъ имущества волостными старшинами и сборщиками податей, совмѣстно съ чинами полиціи». Неплательщики, завидѣвъ приближеніе должностныхъ лицъ и сборщиковъ, тотчасъ же запираютъ ворота. «Но должностныя лица, выждавъ, когда сектанты откроютъ ворота для собственной надобности, приступаютъ къ описи имущества, а затѣмъ, на основаніи закона, къ продажѣ онаго. Отобраннаго у нихъ имущества неплательщики никогда не выкупаютъ. Недоимокъ

за неплательщиками состояло по 1881 годъ 2,062 рубля 41½ коп.

На фабрикахъ и заводахъ неплательщики никогда и нигдѣ не работаютъ, а удаляются преимущественно въ зауфимскія селенія, гдѣ занимаются: сѣнокосами, жатвою хлѣба, рубкою дровъ, пилкою лѣса и т. п. работами. По свидѣтельству мѣстнаго начальства эти сектанты не оказываютъ особенно вреднаго вліянія на мѣстныхъ православныхъ жителей.

Что касается до способовъ борьбы съ сектою, то мѣстная власть рекомендуетъ лишь одну мѣру, а именно бесѣды учителей въ школахъ и затѣмъ проповѣди въ церквахъ.

Возникновеніе секты неплательщиковъ относится ко времени введенія крестьянской реформы, вызвавшей въ средѣ заводскаго населенія многія недоразумѣнія и сильное недовольство. «Въ этомъ населеніи выработался весьма своеобразный взглядъ на крестьянскую реформу, взглядъ, который съ особенною силою укоренился среди неплательщиковъ». Эти послѣдніе «сначала ревниво отстаивали старые порядки и права, потомъ стали уклоняться отъ платежа податей и повинностей и, наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ уклоненіе это обратили въ религіозное начало, отрекшись отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ церкви, обществу и государству».

Объ отношеніи неплательщиковъ къ разнаго рода податямъ и сборамъ мы уже говорили. Хотя въ огромномъ большинствѣ случаевъ неплательщики не оказываютъ явнаго сопротивленія при отобраніи у нихъ имущества на пополненіе слѣдующихъ съ нихъ сборовъ и податей, тѣмъ не менѣе иногда, изрѣдка, бываютъ примѣры открытаго съ ихъ стороны сопротивленія. Приведемъ здѣсь одинъ изъ подобныхъ случаевъ.

16-го іюля 1877 года помощникъ нижне-сергинскаго волостнаго старшины Иванъ Еловскихъ вмѣстѣ съ сборщикомъ податей Петромъ Плясуновымъ отправились для взысканія съ жителей Нижне-Сергинскаго завода податей и повинностей. Ихъ сопровождали полицейскій стражникъ Петръ Соломѣевъ и служащіе при сергинскомъ волостномъ правленіи отставной унтеръ-офицеръ Тимофей Юдинъ и рядовой Федоръ Федотовъ.

Побывавъ въ нѣсколькихъ домахъ, сборщики зашли во дворъ крестьянъ Игнатовыхъ, которые давно уже извѣстны были за неплательщиковъ. Узнавъ, что Игнатовы дома, сборщики отправили къ нимъ въ избу стражника Соломѣева, съ тѣмъ чтобы онъ вызвалъ Игнатовыхъ для полученія съ нихъ двухъ рублей, слѣдовавшихъ за десятничество. Но Игнатовы отказались выйти изъ избы.

Тогда помощникъ старшины, Еловскихъ, распорядился взять стоявшую на конюшнѣ лошадь Игнатовыхъ. Въ это время изъ избы выбѣжалъ Дмитрій Игнатовъ; на требованіе сборщиковъ уплатить деньги, онъ отвѣчалъ, что ничего не дастъ Въ виду этого Еловскихъ приказалъ уводить лошадь, а рядовой Федотовъ началъ было одѣвать на нее узду, но въ эту минуту изъ избы выбѣжалъ братъ Игнатова, Михаилъ, и не допустилъ вывести лошадь.

Сборщики начали убѣждать Игнатовыхъ, чтобы они добровольно уплатили слѣдовавшія съ нихъ деньги, какъ вдругъ въ заднія ворота ограды вбѣжалъ съ стягомъ въ рукахъ сосѣдъ Игнатовыхъ, крестьянинъ Ефимъ Симоновъ, также ярый неплательщикъ. Онъ подбѣжалъ къ помощнику старшины и замахнулся на него стягомъ, но Еловскихъ ловко увернулся отъ удара и схватился за стягъ. Плясуновъ, Юдинъ и Федотовъ бросились на Симонова

и потащили его; тогда Дмитрій Игнатовъ ударилъ сборщика податей Плясунова желѣзною лопатою, при чемъ разсѣкъ ему верхнюю губу и проломилъ голову.

Замѣтивъ это, Юдинъ, Федотовъ и Соломѣевъ хотѣли было помочь Плясунову, но, увидѣлъ, что оба Игнатова вооружились лопатами, бросились бѣжать, оставивъ Плясунова. Игнатовы же и Симоновъ пустились въ погоню за помощникомъ старшины Еловскихъ, при чемъ Михаилъ Игнатовъ ударилъ его по головѣ съ такою силою, что переломилъ деревянный «черепъ» у лопаты. Затѣмъ всѣ трое стали бить Еловскихъ кулаками до тѣхъ поръ, пока на крикъ его не прибѣжалъ крестьянинъ Павелъ Морозовъ; только тогда Игнатовы и Симоновъ оставили Еловскихъ.

При освидѣтельствованіи потерпѣвшихъ врачемъ, въ присутствіи судебнаго слѣдователя, у Плясунова оказался рубецъ на верхней губѣ, образовавшійся отъ удара, нанесеннаго острымъ орудіемъ; кромѣ того у него былъ вышибленъ одинъ зубъ, а у Еловскихъ на головѣ, на правой темянной кости, оказался также рубецъ отъ удара, нанесеннаго тупымъ орудіемъ. Поврежденія эти признаны врачемъ тяжкими.

Игнатовы и Симоновъ заключены были въ тюрьму и преданы суду. Намъ неизвѣстенъ, къ сожалѣнію, приговоръ суда, состоявшійся по этому дѣлу; знаемъ только, что оба брата Игнатовы умерли, сидя въ тюрьмѣ.

Послѣдователей секты неплательщиковъ въ 1881 году считалось:

въ Нижне-Сергинскомъ	заводѣ . .	25 семействъ.
« Верхне-Сергинскомъ	»	9 »
« Михайловскомъ	» .	9 »
« Атигскомъ	»	5 »
	Всего въ уѣздѣ	48 семействъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1882 года былъ составленъ имянной списокъ неплательщиковъ красноуфимскаго уѣзда *); по этому списку неплательщиковъ значилось менѣе сравнительно со свѣдѣніями 1881 г. на девять семействъ. Есть однако много данныхъ думать, что списокъ этотъ далеко не полонъ.

По отзыву мѣстной администраціи число неплательщиковъ «не увеличивается, да и самая секта, повидимому, ослабѣваетъ, такъ что въ послѣдній призывъ (неплательщики отрицаютъ воинскую повинность) уже не было ни одного случая упорства со стороны новобранцевъ изъ числа послѣдователей этой секты».

Но если можно согласиться съ тѣмъ, что секта неплательщиковъ «не увеличивается въ числѣ своихъ послѣдователей», то врядъ-ли возможно допустить, чтобы слабѣлъ духъ этой секты. Напротивъ, весьма многіе факты изъ жизни неплательщиковъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что послѣдователи этой секты до сихъ поръ не обычайно крѣпко держатся своихъ воззрѣній и въ то же время твердо и смѣло проводятъ ихъ въ жизнь. Приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ подобныхъ фактовъ, бывшихъ предметомъ судебнаго разбирательства.

25-го мая 1878 года, въ праздникъ Вознесенія Господня въ Михаіловскомъ заводѣ совершалось торжественное молебствіе по случаю чудеснаго избавленія государя императора отъ грозившей ему въ Парижѣ опасности. Молебствіе происходило на площади около памятника, построеннаго въ воспоминаніе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной

*) Мы не приводимъ здѣсь этого списка, такъ какъ онъ занялъ бы черезчуръ много мѣста. *А. П.*

зависимости. Въ то время, какъ священникъ Василій Горный совершалъ молебствіе, изъ толпы народа, собравшагося вокругъ памятника, выдѣлилась группа крестьянъ, извѣстныхъ въ обществѣ за «неплательщиковъ, т. е лицъ, уклоняющихся отъ платежа податей и выполненія всѣхъ вообще лежащихъ на крестьянахъ повинностей». Ихъ было десять человѣкъ, а именно: Андрей Алексѣевъ Ананьинъ, 19 лѣтъ, Дмитрій Ермолаевъ Бараковскихъ, 63-хъ лѣтъ, Петръ Макаровъ Кобяковъ, 33 лѣтъ, Ефимъ Петровъ Дайбовъ, 31 года. Степанъ Федоровъ и сынъ его Федоръ Степановъ Шатохины, 64-хъ и 32-хъ лѣтъ, Егоръ Герасимовъ Цигановъ, 28 лѣтъ, Михаилъ Ивановъ Симоновъ, также 28 лѣтъ, и отпускной солдатъ Гурьянъ Васильевъ Зубаревъ, 24 лѣтъ.

Вся эта группа лицъ, не снимая шапокъ, пробралась къ самому мѣсту совершенія богослуженія при чемъ трое изъ нихъ: Ананьинъ, Бараковскихъ и Федоръ Шатохинъ, приблизившись къ священнику и указывая на кресты и иконы, принесенные изъ церкви, начали кричать:

— «Кому вы молитесь?! Это антихристы!»

Вслѣдъ за ними тѣ же самыя слова начали кричать и всѣ остальные ихъ товарищи. Вслѣдствіе этого всѣ эти десять человѣкъ были тотчасъ же арестованы при мѣстномъ волостномъ правленіи, гдѣ не только не дали никакихъ отвѣтовъ по поводу своего поведенія, но даже отказались объявить свои имена.

Слѣдствіемъ было выяснено, что происшествіе это явилось результатомъ «фанатическихъ взглядовъ со стороны означенныхъ неплательщиковъ, не признающихъ на землѣ ни церкви съ ея таинствами и обрядами, ни правительства, и именующихъ себя «сынами Божіими» и «странниками».

Далѣе было констатировано, что происшествіе это подготовлялось заранѣе со стороны неплательщиковъ, которые готовились сдѣлать «публичное изобличеніе православія» и не скрывали, что избрали для этого праздникъ Вознесенія. Мѣстныя сельскія власти также знали объ этомъ и были на готовѣ; благодаря этому обстоятельству, своеобразная демонстрація, устроенная неплательщиками, была скоро прекращена и священникъ получилъ возможность окончить богослуженіе.

Привлеченные къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ одни изъ участниковъ демонстраціи никакихъ отвѣтовъ слѣдователю давать не пожелали, другіе,—«не отрицая бытности своей, 25 мая, у памятника, заявили, что приходили туда для изобличенія антихриста, уподобляющагося Богу». При этомъ слѣдователя обвиняемые называли «предтечею антихриста»; отъ полученія обвинительнаго акта они (за исключеніемъ Кобякова и Дайбова) отказались. Всѣ эти лица судились въ пермскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ, по обвиненію въ богохульствѣ.

Изъ показаній свидѣтелей, бывшихъ на судѣ, особенный интересъ представляютъ показанія Михайловскаго волостнаго старшины Грязнова и священника Василія Горнаго, совершавшаго молебствіе. По словамъ старшины, секта неплательщиковъ образовалась лѣтъ 12 назадъ въ средѣ тѣхъ крестьянъ, которые вслѣдствіе разныхъ причинъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ религіею, отказались отъ платежа податей. Сначала эти крестьяне не платили только податей, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличались отъ остальнаго населенія; религіозную же секту они образовали изъ себя лѣтъ 12 назадъ; причемъ стали называть себя

«сынами божіими» и «странниками на сей землѣ». Съ этихъ поръ они перестали ходить въ церковь, начали отрицать таинства брака и крещенія, перестали хоронить по церковному обряду. Въ Михайловской волости такихъ сектантовъ около тридцати дворовъ. Въ 1869 году изъ числа этихъ неплательщиковъ, по общественному приговору, было сослано въ Сибирь до 30 человѣкъ, за неплатежъ податей Въ заключеніе своего показанія старшина высказалъ мнѣніе, что если подсудимые не будутъ отправлены въ Сибирь, то «тогда и другіе совратятся въ ихъ вѣру, такъ какъ идетъ толкъ, что съ неплательщиками-молъ ничего не дѣлаютъ, стало быть они поступаютъ правильно».

Священникъ Василій Горный, разсказавъ на судѣ о происшествіи у памятника, согласно съ обвинительнымъ актомъ, дополнилъ, что всѣ подсудимые были „трезвы и чрезвычайно остервенѣлы“ (особенно Федоръ Шатохинъ), такъ что, „при видѣ ихъ звѣрскаго ожесточенія“, онъ опасался за свою жизнь. Въ испугѣ онъ хотѣлъ даже остановить служеніе молебна, но въ это время явился старшина и арестовалъ хулителей святыни и нарушителей общей молитвы. «Испугъ, происшедшій со мною отъ вышеозначенныхъ лицъ, заключилъ священникъ свое показаніе, при появленіи старшины сталъ проходить и я, собравшись съ духомъ бодрости, совершилъ полный молебенъ и окончилъ его многолѣтіемъ за отца отечества и его царствующій домъ».

Присяжные вынесли обвинительный приговоръ относительно семи подсудимыхъ, при чемъ признали, что они дѣйствовали по невѣжеству; Кобякова и Дайбова оправдали. Судъ приговорилъ стариковъ *)

*) Изъ нихъ Степанъ Шатохинъ умеръ въ острогѣ, вторично обвиняемый слѣдователемъ по такому же дѣлу. *А. П.*

къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ, а остальныхъ— къ полугодовому заключенію.

Въ нѣкоторой связи съ этимъ дѣломъ находится процессъ неплательщика Петра Контаурова. Вскорѣ послѣ исторіи у памятника онъ былъ арестованъ за распространеніе тревожныхъ слуховъ: Контауровъ говорилъ, что за арестъ девяти человѣкъ, Михайловскій заводъ загорится. Дѣло однако оказалось не серьезнымъ и Контауровъ былъ выпущенъ, но въ 1880 году противъ него возбуждается новое обвиненіе. Въ виду того, что дѣло Контаурова представляется чрезвычайно типичнымъ и характернымъ для всей секты неплательщиковъ, мы считаемъ необходимымъ подробно изложить его здѣсь.

3-го марта 1880 года проживающій въ Михайловскомъ заводѣ крестьянинъ нижне-сергинской волости Петръ Гурьяновъ Контауровъ на требованіе сборщиковъ объ уплатѣ податей—платить отказался, вслѣдствіе чего и вытребованъ былъ въ мѣстное волостное правленіе. Здѣсь, какъ видно изъ составленнаго того же числа акта, Контауровъ, на вопросъ о причинѣ неуплаты податей, сталъ ругать сборщиковъ антихристами, а затѣмъ и высшую власть началъ поносить всякими неприличными словами и даже грозилъ «застрѣлить». Но когда волостной старшина Фуфаевъ спросилъ его: какимъ-бы образомъ онъ исполнилъ свою угрозу, то Контауровъ, подумавъ, отвѣтилъ: «словомъ Божіимъ».

Будучи допрошенъ, какъ по предмету обвиненія, такъ и о своемъ имени, званіи и проч., Контауровъ отвѣтилъ лишь, что до 1861 года онъ признавалъ власть властью, а съ тѣхъ поръ она для него сдѣлалась антихристомъ; другихъ-же никакихъ отвѣтовъ не далъ. Изъ слѣдствія выяснилось, что

Контауровъ проживаетъ въ Михайловскомъ заводѣ болѣе десяти лѣтъ, крестьянскими работами не занимается, равно и на заводѣ не работаетъ,—иногда только шьетъ обувь; принадлежитъ къ сектѣ неплательщиковъ, «непризнающей обрядовъ православной вѣры, верховной власти, властей правительственныхъ и не платящей никакихъ ни государственныхъ, ни общественныхъ податей». Въ средѣ своихъ единомышленниковъ Контауровъ «пользуется почетомъ, дурныхъ поступковъ за нимъ не замѣчено, кромѣ того, что хулитъ вѣру и властей не признаетъ»; вообще же Контауровъ, по отзыву свидѣтелей, человѣкъ толковый и вполнѣ здраваго ума.

Тѣмъ не менѣе былъ возбужденъ вопросъ о состояніи умственныхъ способностей Контаурова. При освидѣтельствованіи его въ состояніи разсудка чрезъ врача, онъ былъ разспрашиваемъ объ образѣ его жизни, семейномъ и общественномъ положеніи и показалъ, что онъ не помнитъ, съ котораго именно времени онъ живетъ въ Михайловскомъ заводѣ, что «по новымъ правамъ у него нѣтъ ни жены, ни сына, но если они будутъ жить по истинному святому закону, то онъ ихъ признаетъ».

Далѣе онъ показалъ, что кромѣ сына у него другихъ дѣтей не было, но при дальнѣйшихъ разспросахъ призналъ, что было еще двое дѣтей, но онъ не можетъ опредѣлить ихъ пола, потому что забылъ; затѣмъ на замѣчаніе, что у него дѣти были и недавно умерли, онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно были двѣ дѣвочки. По поводу своего общественнаго положенія обвиняемый Контауровъ показалъ, что признаетъ только одинъ святой законъ отъ Бога, но откуда онъ усвоилъ его, кѣмъ этотъ законъ преподанъ и въ чемъ заключается его содержаніе—объяснить не умѣлъ или не хотѣлъ. На вопросъ же:

не путемъ ли откровенія свыше онъ узналъ этотъ законъ? Контауровъ отвѣчалъ: «я человѣкъ грѣшный—этого недостоинъ».

27-го іюня 1880 года пермскій окружный судъ въ распорядительномъ засѣданіи своемъ, въ составѣ предсѣдателя, членовъ, товарища прокурора и трехъ врачей, производилъ освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ способностей Контаурова. Привожу здѣсь, по возможности съ буквальною точностію, вопросы членовъ присутствія и отвѣты испытуемаго.

Предсѣдатель. Какъ васъ зовутъ?

Контауровъ. «Общаго положенія» не принимаю, суда гражданскаго не признаю... по новому уставу не согласенъ и отвѣта не даю.

Предсѣдатель. Сколько вамъ лѣтъ?

Контауровъ. Окружнаго и гражданскаго суда не признаю и отвѣта не даю.

Предсѣдатель. Женаты?

Контауровъ. По горному уставу, по 13-й статьѣ—отказался.

Товарищъ прокурора. Отчего шапки не снимаешь?

Контауровъ. По общему положенію — не согласенъ.

Товарищъ прокурора. Снимаешь-ли когда нибудь шапку?

Контауровъ. По своей волѣ.

Помощникъ врачебнаго инспектора. Доволенъ-ли ты своимъ положеніемъ?

Контауровъ. Воля Бога, а мы грѣшники.

Затѣмъ товарищъ прокурора предлагаетъ ему вопросъ: признаетъ ли онъ законы и власть? на что Контауровъ заявляетъ, что «по общему положенію, по 13-й статьѣ онъ никого не признаетъ; не при-

знаетъ и власти». Далѣе испытуемому предлагаются вопросы по поводу выраженныхъ имъ въ волостномъ правленіи угрозъ «застрѣлить» и т п. На это Контауровъ заявляетъ, что онъ угрожалъ не власти, а антихристу. — «Это кто-же антихристъ?» спрашиваетъ членъ суда. — «Кто законъ нарушилъ, тотъ и антихристъ», — отвѣчаетъ Контауровъ, «а всѣ остальные бѣсы». — «Развѣ власть нарушила законъ?» снова спрашиваетъ членъ суда. — «Нарушила,—говоритъ испытуемый,—потому какъ закономъ до 1861 года предоставлено намъ пользоваться всѣми землями, покосами, полями и угодьями и не нести за сіе повинностей, такъ было сказано, а она нарушила, потому какъ Богъ далъ землю всѣмъ безъ пошлинъ и безъ налоговъ».

Товарищъ прокурора. Гдѣ у васъ домъ?

Контауровъ. У меня тамъ и домъ, гдѣ душа въ тѣлѣ.

Товарищъ прокурора. Однако у васъ есть же въ Михайловскомъ заводѣ домъ?

Контауровъ. Есть въ Михайловскомъ заводѣ труды мои, а не домъ.

Товарищъ прокурора. И земля есть?

Контауровъ. Богъ сотворилъ и всякому человѣку далъ землю и лѣсъ.

Членъ суда. Вы говорите, что подати не слѣдуетъ платить, а другіе вѣдь платятъ?

Контауровъ. Кто по общему положенію согласенъ, тотъ и плати.

Членъ суда. А какой законъ вы признаете?

Контауровъ. Житія святыхъ.

Членъ суда. Почему вы не называете себя по имени?— вѣдь у васъ есть имя, данное при крещеніи?

Контауровъ. Я не былъ крещенъ, поэтому

отказался отъ имени и фамиліи. Я былъ только оскверненъ въ церкви.

Членъ суда. Но вѣдь жена и дѣти называютъ васъ по имени? Какъ они теперь зовутъ васъ?

Контауровъ. А теперь никакъ не зовутъ

Членъ суда. Съ какого времени православная церковь осквернена?

Контауровъ. Съ патріарха Никона церковь осквернена.

Послѣ этого членомъ суда Соколовымъ прочитывается 13-я статья дополнительныхъ правилъ о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ (особ. прилож. къ IX тому, изд. 1876 г.). На вопросъ, обращенный къ подсудимому: эта-ли статья, на которую онъ ссылается? Контауровъ отвѣчалъ: «эта самая».

Результатъ этого своеобразнаго экзамена былъ таковъ: для болѣе положительнаго разъясненія состоянія умственныхъ способностей Контаурова рѣшено было подвергнуть его больничному испытанію въ теченіе шести недѣль.

По истеченіи этого срока, 5-го августа, врачъ Пономаревъ увѣдомилъ судъ, что Контауровъ, по испытаніи, оказался здоровымъ; вслѣдствіе этого въ тотъ же день назначено было вновь испытать Контаурова. И вотъ снова начинаются почти тѣ же самые вопросы, какіе предлагались при первомъ освидѣтельствованіи.

Предсѣдатель. Какъ васъ звать?

Контауровъ. Имени не имѣю.

Предсѣдатель. Отчего вы шапки не снимаете?

Контауровъ. По истинному закону не должно снимать.

Членъ суда. Женаты?

Контауровъ. По горному уставу, по 13-й статьѣ — отказался.

Членъ суда. Сколько такихъ людей въ Сергинской волости?

Контауровъ. Вамъ больше должно знать, чѣмъ мнѣ.

Членъ суда. Какой работой занимаетесь?

Контауровъ. На фабрикѣ *).

Членъ суда. Платите подати въ казну?

Контауровъ. Не согласенъ по общему положенію.

Помощникъ врачебнаго инспектора. Здоровы вы?

Контауровъ. Здоровъ.

Помощникъ врачебнаго инспектора. Когда нибудь хворали?

Контауровъ. Очень не хворывалъ, понемногу хворывалъ.

Членъ суда. Если бы всѣ отказались платить подати, то какъ же должно общество существовать?

Контауровъ. Слѣдуетъ поступать по истинному закону.

Предсѣдатель. Какой истинный законъ?

Контауровъ. Законъ 1861 года, общее положеніе, которое сдѣлало насъ свободными и дало въ пользованіе землю, что по 13-й статьѣ Горнаго устава платить податей не обязаны.

Членъ суда. Какъ же устроить государство, не платя податей и повинностей?

Контауровъ. Законъ такой, кто... (не разобрано слово) его, тотъ антихристъ.

---

*) Здѣсь, очевидно, ошибка. Ни одинъ изъ неплательщиковъ не работаетъ ни на фабрикахъ, ни на заводахъ. Выше было уже замѣчено о Контауровѣ, что онъ не работаетъ на заводѣ *А. П.*

Членъ суда. Знали-ли вы мироваго посредника Кронберга?

Контауровъ. Знавалъ.

Этимъ окончилось испытаніе. Контауровъ былъ признанъ здоровымъ.

Въ виду подобныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ самое недавнее время, едва-ли возможно говорить объ ослабленіи духа секты, будто бы замѣчаемомъ среди неплательщиковъ.

Много вопросовъ и недоумѣній вызываютъ заявленія подсудимыхъ въ приведенныхъ нами процессахъ—въ каждомъ, кто только не имѣлъ случая и возможности близко ознакомиться съ внутреннимъ міромъ этихъ странныхъ отщепенцовъ. Не даромъ члены присутствія и немногія лица изъ публики, присутствовавшія при засѣданіи, выходя изъ залы суда, пожимая плечами говорили о подсудимыхъ: «какіе странные дикіе люди!» — «Фанатики!» съ сожалѣніемъ говорили другіе. — «Просто идіоты!» — безапелляціонно, «съ легкимъ сердцемъ», рѣшали третьи.

Въ самомъ дѣлѣ, что это за «новыя права», которыхъ такъ боятся эти люди и отъ которыхъ они столь энергично открещиваются? Что это за «истинный, святой законъ», который единственно признается ими и который, по ихъ мнѣнію, будто бы «нарушенъ» властью? При чемъ тутъ 1861 годъ, послѣ котораго Контауровъ радикально мѣняетъ свои воззрѣнія на власть, и вообще въ чемъ и гдѣ слѣдуетъ искать источникъ этого рѣзкаго, отрицательнаго отношенія къ власти? Откуда эта странная боязнь имени и фамиліи? При чемъ тутъ теорія о землѣ, покосахъ, поляхъ и угодьяхъ, «данныхъ Богомъ безъ пошлинъ и налоговъ»? Въ какой взаимной, логической связи находятся между собою: «горный

уставъ», патріархъ Никонъ, «13-я статья», «Общее Положеніе», «Житіе святыхъ» и проч и проч.?

Все это можетъ представиться съ перваго взгляда какимъ-то страннымъ сумбуромъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая странная смѣсь вѣры съ экономикой, религіозныхъ вопросовъ съ аграрными! Но этотъ «сумбуръ» только кажущійся. Стоитъ поближе подойти къ этому явленію, внимательнѣе и глубже заглянуть въ причины, вызвавшія его, чтобы наглядно убѣдиться, что въ сущности никакого сумбура тутъ нѣтъ и что удивляющая насъ смѣсь экономики съ религіей находитъ себѣ полное объясненіе въ реальныхъ фактахъ дѣйствительной жизни. Дѣло въ томъ, что интересующее насъ движеніе, возникнувъ первоначально въ сферѣ чисто экономическихъ отношеній, на почвѣ аграрныхъ интересовъ, мало по малу, подъ вліяніемъ цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ факторовъ и условій, постепенно захватило и область религіи, призвавъ ее, какъ высшій нравственный авторитетъ, на помощь собственному, чисто мірскому, житейскому, но важному и кровному дѣлу. Мы не будемъ подробно доказывать здѣсь справедливость этого положенія и разъяснять: почему же это движеніе не пошло рука объ руку съ православной, господствующей церковью, а нашло необходимымъ рѣзко отдѣлиться отъ нея, — не будемъ, такъ какъ это увело бы насъ слишкомъ далеко за рамки настоящихъ очерковъ, цѣль которыхъ—представить лишь тѣ свѣдѣнія и данныя, которыми располагаетъ оффиціальный міръ о современномъ состояніи уральскаго сектантства и на основаніи которыхъ онъ предпринимаетъ тѣ или другія мѣры противъ развитія сектантскаго движенія.

III.

Лучинковцы.

Въ 1880 году судебный слѣдователь 1-го участка Екатеринбургскаго судебнаго округа представилъ въ департаментъ общихъ дѣлъ (министерства внутреннихъ дѣлъ) слѣдственное производство по обвиненію крестьянъ Верхнетагильской волости Лаптевыхъ и Тупиковыхъ въ принадлежности къ сектѣ лучинковцевъ и въ сокрытіи малолѣтняго ребенка съ религіозною цѣлью. При этомъ слѣдователь просилъ департаментъ сообщить ему заключеніе о степени вреда, причиняемаго сектою лучинковцевъ.

Но оказалось, что въ министерствѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній объ этой сектѣ Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ, принимая во вниманіе, что такъ называемая лучинкова секта, если она дѣйствительно существуетъ, является новымъ раскольничьимъ лжеученіемъ, до сихъ поръ министерству неизвѣстнымъ, обратился къ пермскому губернатору съ предложеніемъ сообщить ему самыя подробныя и точныя свѣдѣнія объ этой сектѣ и между прочимъ донести: «1) когда именно и въ какой мѣстности обнаружено появленіе въ Пермской губерніи лучин-

ковой секты? 2) въ чемъ заключается ученіе и обряды оной и въ какой степени она представляется вредною? и 3) какъ велико вообще въ настоящее время число послѣдователей этого ученія?»

Отъ губернатора, по обыкновенію, точно такой же запросъ отправляется къ мѣстному епархіальному начальству и затѣмъ къ мѣстному уѣздному исправнику. Послѣдній не замедлилъ представить подробный рапортъ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«Секта лучинкова есть секта странниковъ или бѣгуновъ; названіе свое она получила вслѣдствіе того, что послѣдователи этой секты при моленіяхъ не употребляютъ никакого другого освѣтительнаго матеріала, кромѣ лучины. Послѣдователи этой секты сдѣлались извѣстны недавно черезъ побѣгъ ихъ изъ мѣстожительства въ лѣса и препровожденіе туда же нѣкоторыми изъ нихъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей.

«Такъ, въ 1876 году, скрылся изъ мѣстожительства своего крестьянинъ Рудянскаго завода Ипатъ Ивановъ Полезановъ, а въ 1877 году крестьянинъ того же завода Иванъ Терентьевъ Русановъ. Изъ Невьянскаго завода въ 1878 году скрылся крестьянинъ Сергѣй Федосѣевъ Рагозниковъ, а въ 1879 году Григорій Осиповъ Мехововъ. Изъ Шуралинскаго завода въ 1878 году скрылись: крестьянинъ Михаилъ Афанасьевъ Говядинъ и жена его Анна Павлова и наконецъ изъ деревни Федьковки скрылась крестьянка Черныхъ.

«Затѣмъ нѣкоторые изъ крестьянъ, хотя сами и не скрылись изъ мѣстожительства, но скрыли своихъ дѣтей. Такъ крестьянинъ Рудянскаго завода Александръ Андреевъ Тупиковъ, весною 1876 года, скрылъ своего новорожденнаго сына,

а крестьянинъ того же завода Иванъ Никифоровъ, 8-го октября 1876 года, скрылъ неизвѣстно куда семилѣтняго сына; далѣе: крестьянинъ Невьянскаго завода Дмитрій Васильевъ Куракинъ скрылъ новорожденнаго сына; крестьянинъ того же завода Іоакинфъ Григорьевъ Масленниковъ скрылъ пятнадцатилѣтняго сына; упомянутый выше крестьянинъ Шуралинскаго завода Михаилъ Говядинъ скрылъ внука своего, Константина, двухъ лѣтъ; въ 1879 году крестьянинъ деревни Федьковки Иванъ Александровъ скрылъ неизвѣстно куда внука своего, младенца. О всѣхъ этихъ сектантахъ своевременно возбуждено было судебное преслѣдованіе.

«Лучинковцы»,—по отзыву мѣстнаго начальства,—«не признаютъ ни церкви, ни священства, ни таинствъ; они отвергаютъ какъ царскую, такъ и всякую другую земную власть». «Царя лучинковцы зовутъ антихристомъ, а учрежденныя отъ него власти—антихристовыми. Отправленіе воинской повинности они считаютъ за службу антихристу и сатанинскому міру, т. е. государству.

«Вращаются въ этой сектѣ преимущественно люди небогатые и загрубѣлые въ фанатизмѣ; чтобы ихъ кто либо подстрекалъ къ этому изъ лицъ образованнаго класса—того не замѣчается. Главная цѣль секты—странствованіе и проживаніе въ лѣсахъ, гдѣ представляется болѣе свободы для лжеученія и моленія по обряду секты. Всякое преслѣдованіе, предпринятое противъ нихъ правительствомъ, считаютъ за благоволеніе Божіе, сопоставляя примѣръ Христа, страдавшаго за вѣру.

«Народъ, замѣчая, что у послѣдователей лучинковой секты то и дѣло исчезаютъ куда то дѣти,

поговариваетъ, что лучинковцы рѣжутъ своихъ дѣтей и причащаются человѣческою кровью; говорятъ даже, что лучинковцы не прочь купить для этой цѣли (закланія) и чужаго младенца, лишь бы онъ былъ незаконнорожденный. Сами же лучинковцы объясняютъ, что они только скрываютъ своихъ дѣтей отъ владычества антихриста и для того, чтобы воспитать ихъ вдали отъ сатанинскаго міра, въ духѣ своихъ правилъ.

«Изъ обрядовъ лучинковцевъ извѣстно, что они иконъ не почитаютъ, не кадятъ и свѣчей передъ ними не возжигаютъ».

Что касается численности лучинковцевъ, то, по свѣдѣніямъ мѣстной администраціи, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ ихъ не болѣе 15 семействъ. Но кромѣ Екатеринбургскаго уѣзда лучинковцы встрѣчаются въ верхотурскомъ и кунгурскомъ уѣздахъ. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ ихъ можно встрѣтить: въ Баранчѣ, Нижнихъ и Верхнихъ Лаяхъ, Шайтанкѣ, Рѣшахъ, Нижнемъ Тагилѣ и въ Турѣ. Въ Кунгурскомъ уѣздѣ лучинковцы распространены въ Урминской волости и въ Ильинскихъ лѣсахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1882 года были составлены именные списки лучинковцевъ; судя по этимъ спискамъ въ Невьянскомъ заводѣ считалось тогда десять семействъ лучинковцевъ, въ деревнѣ Федьковкѣ, шуралинской волости, шесть семействъ и въ черноисточенской волости Верхотурскаго уѣзда—два семейства, всего-же 18 семействъ [1]).

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь именной списокъ лучинковцевъ; въ Невьянскомъ заводѣ: вдова Федосья Терентьева Мѣховаго и сынъ ея Захаръ Осиповъ, Дмитрій Васильевъ Куракинъ и его семья, Федоръ Ильинъ Тереховъ съ семьей, Серапіонъ Ильинъ Плотниковъ съ семьей, Козьма Петровъ Токаревъ, съ сыномъ, Сергѣй Павловъ Рагозниковъ съ сыномъ, Акинфъ Григорьевъ Масленниковъ съ сыномъ, Си-

Болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о сектѣ лучинковцевъ сообщены были кунгурскимъ миссіонеромъ отцемъ Луканинымъ, который пользуется на Уралѣ репутаціею «знатока мѣстнаго раскола». По его словамъ, «главный догматъ этой секты состоитъ въ слѣдующемъ: съ 1666 года на московскомъ государствѣ воцарился антихристъ. . . . . Кто не хочетъ подчиниться антихристу и принять печать его, которая всюду распространяется въ купляхъ и продажахъ, тотъ долженъ бѣжать въ пустыню, гдѣ только и возможно спастись отъ прелести антихриста». По ученію лучинковцевъ, спасеніе возможно только внѣ міра, при совершенномъ разобщеніи съ міромъ, почему они всѣхъ своихъ послѣдователей и гонятъ въ пустыню.

О сектѣ этой въ мѣстной газетѣ («Екатеринбургская Недѣля»), помѣщено было нѣсколько статей и замѣтокъ. О. миссіонеръ отзывается объ этихъ писаніяхъ съ большою рѣзкостью. «Много было говорено и писаго про лучинкову вѣру—пишетъ онъ—и праздная фантазія словоохотливыхъ фельетонистовъ нашего края постаралась приписать послѣдователямъ этой «вѣры» ужасное людоѣдство, дѣтоубійство и кровопійство; но ближайшее знакомство съ этой сектою и съ коренными ея догматами убѣждаетъ, что всѣ измышленныя обвиненія этихъ сектантовъ въ звѣрствѣ и въ варварствѣ отнюдь не подтверждаются».

Говорятъ, что лучинковцы, не имѣя вѣры въ су-

доръ Ѳедоровъ Стародановъ онъ-же Старожиловъ, и Сергѣй Константиновъ Кирьяновъ съ семьей. Въ деревнѣ Федьковкѣ: Петръ Андреевъ Бабушкинъ и его семья, Василій Смарагдовъ Середкинъ съ семьей, Иванъ Ивановъ Лукинскихъ съ сыномъ, Абрамъ Ив. Лукинскихъ съ сыномъ, Иванъ Васильевъ Симбирцевъ съ сыномъ и Никита Васильевъ Черныхъ съ семьей. Въ Черноисточенской волости: Петръ Лукьяновъ Шишовъ и Агапъ Петровъ Шишовъ, оба съ семьями. *А. П.*

ществующее въ православной церкви таинство евхаристіи, но чувствуя въ то же время горячую потребность въ причащеніи,—крадутъ невинныхъ младенцевъ, и причащаются ихъ кровію. «Но это пока только одни гипотезы и проблемы», замѣчаетъ о. миссіонеръ. «Тѣ, которые это утверждаютъ, навѣрное не приведутъ, въ подтвержденіе такого грубаго нареканія, ни одного факта или доказательства, чтобы ими хотя сколько нибудь подтвердилось вышесказанное изобрѣтеніе праздной фантазіи».

На собесѣдованіяхъ съ миссіонеромъ лучинковцы не разъ высказывались, что если они и уносятъ дѣтей, съ согласія родителей, въ пустыню, то дѣлаютъ это никакъ не для жертвы, не для распинаній и не для приготовленія причастія изъ ихъ крови, а единственно для воспитанія этихъ дѣтей, на подобіе Іоанна Крестителя, чтобы приготовить изъ нихъ «гражданъ пустыни», и сохранить ихъ «отъ антихристовой прелести, которая всюду разлилась въ мірѣ, какъ чума, и только сущіе въ горахъ и въ пустыняхъ не оскверняются ею».

Свое полное скептицизма ученіе о настоящемъ времени лучинковцы основываютъ на слѣдующемъ мѣстѣ священнаго писанія: «и предалъ насъ въ руки враговъ беззаконныхъ, ненавистнѣйшихъ отступниковъ и царю неправосудному и злѣйшему на всей землѣ. И нынѣ мы не можемъ открыть устъ нашихъ; мы сдѣлались стыдомъ и поношеніемъ для рабовъ Твоихъ и чтущихъ Тебя»... И затѣмъ далѣе: «Мы умалены, Господи, паче всѣхъ народовъ и унижены нынѣ на всей землѣ за грѣхи наши. И нѣтъ у насъ въ настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожженія, ни жертвы, ни приношенія, ни ѳиміама, ни мѣста, чтобы намъ принести

жертву Тебѣ и обрѣсть милость Твою». (Книга пророка Даніила, глава 3-я, стихи 32, 33, 37 и 38).

Отецъ миссіонеръ подтверждаетъ, что секта лучинковцевъ получила свое названіе вслѣдствіе того, что послѣдователи этой секты не употребляютъ при моленіи никакого другого матеріала, кромѣ «матушки лучины». По ихъ мнѣнію, всѣ способы освѣщенія такъ или иначе осквернены въ мірѣ антихристомъ: либо черезъ вѣсъ—на гиряхъ и на коромыслѣ вѣсовъ печати антихриста, либо черезъ продажу—продающіе имѣютъ патенты и свидѣтельства съ гербомъ антихриста, въ видѣ двуглаваго орла, либо чрезъ тѣ молебствія, которыя служатъ еретическіе священники при отправкѣ кораблей съ елеемъ и воскомъ и чрезъ то оскверняютъ и воскъ и елей; словомъ, такъ или иначе, всякій матеріалъ оскверненъ и Богу не можетъ быть пріятенъ. Лучина же, непосредственно добытая изъ сыраго березоваго дерева, выросшато въ лѣсу, чиста отъ этого осквернения и потому это «кандило» самое пріятное Богу. Въ доказательство справедливости своего мнѣнія по этому поводу, лучинковцы указываютъ на примѣръ преподобнаго Сергія Радонежскаго, который также «служилъ съ лучиною и просіялъ святостію пречудно».

Лучинковцы, отвергая, какъ изобрѣтенія антихриста, всѣ проявленія казеннаго, оффиціальнаго міра, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаютъ и паспорты, при чемъ крайне рѣзко обвиняютъ Петра Великаго за введеніе паспортовъ въ Россіи.

«Иконъ лучинковцы будто-бы не имѣютъ, а также и крестовъ на себѣ не носятъ; особенно же они жестоко порицаютъ кресты съ титлою, при чемъ отрицаніе свое основываютъ на 200-мъ листѣ Никона Черногорца въ Тактиконѣ».

Относительно мѣръ для прекращенія дальнѣйшаго развитія секты миссіонеръ Луконинъ высказывается такъ: «для вразумленія сихъ сектантовъ потребны мѣры кроткія, гуманныя, мѣры убѣжденія при посредствѣ уважаемыхъ ими древнихъ патріаршихъ книгъ. Прибѣгать же къ мѣрамъ полицейскимъ, а наипаче къ карательнымъ, въ дѣлѣ вѣры и разсѣяніи въ темномъ народѣ суевѣрій было бы крайне нежелательно и даже опасно. Расколъ только теперь сталъ откровенно высказывать свои претензіи противъ церкви православной и обнаруживать свои заблужденія, или, проще сказать, только теперь этотъ больной человѣкъ сталъ довѣрчиво открывать предъ врачемъ свои язвы; но если въ этотъ моментъ пригрозить ему или насмѣшливо отнестись къ нему, тогда больной опять скроется отъ врача и долго, а можетъ быть и никогда не покажется ему на глаза».

Этими словами почтеннаго о. миссіонера мы и закончимъ настоящіе очерки. Въ нихъ мы исчерпали всѣ тѣ свѣдѣнія, какими располагаетъ оффиціальный міръ по вопросу о современномъ состояніи «наиболѣе вредныхъ сектъ» на Уралѣ. Если, не смотря на это, настоящіе очерки вышли блѣдны и отрывочны, если для читателей не выяснились тѣ общія условія, среди которыхъ возникли эти секты и тѣ основные причины и мотивы, которые породили ихъ на свѣтъ и которые способствовали ихъ дальнѣйшему развитію,—то это уже не наша вина. Въ этомъ виноватъ уже самый характеръ и свойство оффиціальныхъ свѣдѣній, схватывающихъ обыкновенно лишь чисто-внѣшнюю сторону дѣла.

Намъ могутъ возразить: зачѣмъ же и печатать такіе очерки, которые не даютъ настоящаго, болѣе или менѣе полнаго, представленія о затронутомъ

вопросѣ? На это мы отвѣтимъ: во первыхъ, въ высшей степени важно знать весь тотъ запасъ свѣдѣній, которымъ располагаетъ оффиціальный міръ о положеніи извѣстныхъ сектъ, такъ какъ на основаніи имѣющихся въ распоряженіи администраціи свѣдѣній, строится и вся система отношеній власти къ послѣдователямъ этихъ сектъ; во вторыхъ, приводимыя нами въ этихъ очеркахъ оффиціальныя свѣдѣнія, при всей ихъ скудости и отрывочности, тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ не мало фактическихъ данныхъ, могущихъ представить для публики весьма значительный интересъ и значеніе въ виду полнаго отсутствія въ нашей печати какихъ бы то ни было свѣдѣній о современномъ уральскомъ сектантствѣ. До сихъ поръ, напримѣръ, секта неплательщиковъ, какъ и лучинковцевъ, были извѣстны въ обществѣ лишь по названію. Между тѣмъ эти секты, особенно первая изъ нихъ, по причинамъ, вызвавшимъ появленіе ихъ на свѣтъ, заслуживаютъ самаго полнаго и глубокаго вниманія всѣхъ, кого только серьезно интересуютъ современныя условія русской народной жизни.

Новая секта.

НОВАЯ СЕКТА.

I.

Лѣтомъ 1881 года, газетами, со словъ *Недѣли*, было передано извѣстіе о судѣ, состоявшемся въ городѣ Городни, Черниговской губерніи, надъ послѣдователями новой, только-что возникшей тамъ секты, получившей странное названіе «сѣкачей». Это было первое извѣстіе, проникшее въ печать о новой сектѣ.

По словамъ газетнаго сообщенія, обвиняемыхъ по дѣлу о сектѣ «сѣкачей» было двое: въ качествѣ основательницы секты фигурировала мѣщанка посада Радули, Анна Доманова, а въ роли ея главнаго послѣдователя являлся крестьянинъ Савенко. На судѣ Доманова совершенно отреклась отъ солидарности съ какою-бы то ни было сектой, и виновною себя въ распространеніи ея не признала. Точно также и Савенко ни въ чемъ не призналъ себя виновнымъ, но высказалъ на судѣ нѣкоторыя особенности своихъ религіозныхъ убѣжденій. Путемъ свидѣтельскихъ показаній установлена была виновность Домановой въ распространеніи секты, а въ особенностяхъ убѣжденій Савенко усмотрѣны «политическіе

признаки». и потому судъ постановилъ: Доманову сослать на Кавказъ, а о подсудимомъ Савенко составить новый обвинительный актъ.

Затѣмъ, въ концѣ 1882 года, газеты, со словъ *Зари*, сообщили, что секта сѣкачей «отрицаетъ обрядность и таинства православной вѣры, учитъ не почитать святыхъ иконъ и не ходить въ церковь». — Этимъ, сколько намъ извѣстно, и исчерпываются всѣ тѣ свѣдѣнія, какія сообщены были въ печати о новой сектѣ.

Въ настоящее время, мы имѣемъ возможность ближе и подробнѣе познакомить читателей съ ученіемъ этой интересной секты, *на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ подлинныхъ дѣлъ*, которыя велись объ этой сектѣ въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ *).

Дѣло о сектѣ «сѣкачей» возникло весною 1879 года; иниціатива возбужденія его принадлежитъ духовному начальству. На основаніи донесеній мѣстныхъ священниковъ Одинцова и Ампліева, черниговскою духовною консисторіею возбуждено было дѣло противъ Домановой и Савенко. 15-го апрѣля судебнымъ слѣдователемъ были отобраны отъ обвиняемыхъ первыя показанія. При этомъ, «основательница секты» мѣщанка слободы Радули, Анна Доманова, дала слѣдующее показаніе.

— «Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Я — старообрядка, въ православную церковь не хожу; грамоту хотя и знаю, но писать не могу. Я замужемъ, но дѣтей не имѣю. Жителя села Лапотней, казака Семена Григорьева Савенко я знаю, но я знаю также и многихъ другихъ жителей этого села, такъ-какъ

*) Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить, при этомъ, искреннюю признательность лицу, доставившему намъ свѣдѣнія и данныя объ этой сектѣ.

Лапотни отъ Радули всего въ трехъ верстахъ, и я тамъ часто бываю. Съ Семеномъ Савенко я ѣздила по дорогамъ, бывала съ нимъ въ Добрянкѣ и Черниговѣ, раза три посылала съ нимъ деньги еврею Мовшѣ Бликману, живущему въ посадѣ Поддобрянкѣ. Но я никогда не говорила съ Семеномъ Савенко о религіи, и мнѣ неизвѣстно, перешелъ-ли онъ въ расколъ. Я не слыхала отъ Савенко, чтобы онъ говорилъ о евангеліи или о другой какой-либо священной книгѣ».

Въ другомъ показаніи, 5-го іюня того-же года, Доманова пояснила, «что хотя она и старообрядка, но принадлежитъ къ сектѣ «сѣкачей»; своей вѣры она не распространяла, если же Домановы и говорятъ про нее, что она имѣла вліяніе на ихъ родственниковъ, то говорятъ это по злобѣ».

24-го ноября (1879 года) «съ цѣлью разъясненія сущности вѣроученія или обрядовой стороны секты сѣкачей, которой придерживается Анна Доманова», — въ домѣ ея произведенъ былъ обыскъ; но при этомъ «ничего подозрительнаго», кромѣ псалтыря со святцами, не найдено. При обыскѣ-же дома Семена Савенко были захвачены: молитвенникъ и требникъ, купленные имъ въ Кіевѣ и двѣ тетради, писанныя рукою Савенко.

Вслѣдъ за обысками, Доманова и Савенко были вновь допрошены слѣдователемъ. На этотъ разъ, Доманова принуждена была сознаться, что она не только знаетъ грамоту, но и умѣетъ писать. Однако, несмотря на это, она категорически отказалась подписать протоколъ допроса.

— Хотя я и грамотна, — говорила она, — но никакихъ бумагъ не подписываю. Для себя, для памяти, я дѣлаю иногда замѣтки на клочкахъ бумаги, но подписываться подъ протоколами я не могу,

такъ-какъ меня еще въ малолѣтствѣ родители учили не дѣлать этого. А я во всемъ стараюсь поступать въ жизни такь, какъ учили меня мои родители.

На вопросъ: давно-ли она совратилась въ расколъ?—Доманова отвѣчала: — *къ расколу я принадлежу съ самаго дня рожденія;* въ этомъ расколѣ я была воспитана съ молокомъ матери».

Затѣмъ, отвѣчая на вопросы, имѣвшіе цѣлью выяснить ея сектантство, она показала: «я выучилась читать по-славянски и молилась Богу всегда дома; иконы у насъ старообрядческія. Въ церковь мы, т.-е. я и мои родные, не ходимъ, священниковъ не признаемъ, молились мы всегда по псалмамъ, другихъ-же книгъ и проповѣдей я не имѣю. Народъ ко мнѣ никогда не собирается, и я никогда не устраивала въ своемъ домѣ молельни».

Относительно гражданскихъ порядковъ и отношенія къ властямъ, Доманова коротко замѣтила только, что она «присяги не признаетъ и отдаетъ предпочтеніе законамъ божіимъ передъ гражданскими». Къ сожалѣнію, осталось совершенно невыясненнымъ, что она понимала подъ выраженіемъ «божьи законы», и въчемъ, по ея мнѣнію, заключалась разница и противорѣчіе между «гражданскими» и «божьими» законами.

Во время производства слѣдствія надъ Домановою, священникъ слободы Радули подалъ слѣдователю особое заявленіе, въ которомъ писалъ, что «Алексѣй Домановъ и жена его Анна Иванова Доманова до 1860 года *принадлежали къ приходу радульской единовѣрческой церкви, въ которой они были вѣнчаны,* и въ которой исполняли всѣ христіанскія требы. Но, въ 1863 году, Анна Доманова совратилась въ расколъ, а затѣмъ совратила мужа своего и брата его, а также и многихъ другихъ. Въ насто-

ящее время, она играетъ роль главы секты, носящей мѣстное названіе «сѣкачи». Но въ чемъ именно состоитъ сущность ученія новой секты — священникъ не объясняетъ. Онъ заявляетъ только, что послѣдователи этой секты «отвергаютъ повелѣнія Высочайшей власти и, вообще, не признаютъ никакой власти, ни духовной, ни свѣтской». Но онъ не потрудился, при этомъ, указать и сообщить факты, которые подтверждали-бы это голословное заявленіе.

Сравнивая показанія Домановой съ заявленіемъ священника, вы невольно поражаетесь ихъ взаимнымъ противорѣчіемъ: въ то время, какъ Анна Доманова самымъ рѣшительнымъ образомъ увѣряетъ, что она принадлежитъ къ расколу «съ самаго дня рожденія», что она была «воспитана въ этомъ расколѣ съ молокомъ матери» — священникъ, не менѣе рѣшительно свидѣтельствуетъ, что было время, когда Доманова принадлежала «къ единовѣрческой церкви, въ которой она и была вѣнчана» и что уже затѣмъ она «совратилась въ расколъ». Кому-же вѣрить?—невольно недоумѣваете вы.

Но это недоумѣніе, это противорѣчіе исчезнетъ само собою, если только мы припомнимъ условія и порядки, еще такъ недавно тяжелымъ гнетомъ лежавшіе на жизни послѣдователей раскола. Извѣстно, что до 1874 года у насъ безусловно не признавались браки раскольниковъ; послѣдніе, если желали закрѣпить свои брачные узы и придать имъ законную санкцію, обязательно должны были вѣнчаться въ православной или единовѣрческой церкви. Такимъ образомъ, люди, которые цѣлую жизнь были совершенно чужды церкви и ея представителей, которые считали и эту церковь и ея представителей «сосудами всяческихъ золъ и беззаконій» — должны были, скрѣпя сердце, заглушивъ въ себѣ острое жгучее чувство

горечи, идти въ эту церковь и ждать благословенія отъ ея пастырей.

Положимъ, всѣмъ было хорошо извѣстно, что повѣнчанные, такимъ образомъ, раскольники, выходя изъ церкви, спѣшили отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ и разными строгими эпитиміями, наложенными на нихъ заправителями секты, заглаживали свой «грѣхъ» *), вынужденный неотступными требованіями реальной жизни и житескихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе, съ этого роковаго момента они записывались въ число прихожанъ единовѣрческой церкви, хотя, въ дѣйствительности, по прежнему не имѣли съ нею рѣшительно ничего общаго, ничего связующаго. Такою-то «единовѣркою — по неволѣ», была, очевидно, и Анна Доманова. Было-ли здѣсь дѣйствительное «совращеніе въ расколъ изъ единовѣрія», — пусть рѣшитъ самъ читатель.

Радульскій урядникъ рапортовалъ слѣдователю, что Анна Доманова «происходитъ изъ рода старообрядцевъ, но, при выходѣ замужъ за единовѣрца, приняла единовѣріе; вслѣдствіе этого, дѣти, бывшія у Домановой, были крещены въ единовѣрческой церкви. Лѣтъ 15 назадъ, Доманова оставила церковь, совратилась въ расколъ, совративъ своего мужа, а также многихъ другихъ. Въ настоящее время, эти совращенные обращаются къ ней, какъ къ наставницѣ секты». Изъ отношенія мѣстнаго становаго пристава къ слѣдователю видно, что Анна Доманова была дочь крѣпостнаго крестьянина бывшаго владѣльца г. Милорадовича. Этими данными и ограничиваются тѣ свѣдѣнія, какія имѣются въ дѣлѣ относительно прошлаго «основательницы секты».

*) Извѣстно, что посѣщеніе православной церкви считается у старообрядцевъ немалымъ грѣхомъ, влекущимъ за собою болѣе или менѣе строгую эпитимію.

II.

Показанія Семена Савенко, фигурировавшаго какъ на слѣдствіи, такъ и на судѣ, въ качествѣ главнаго адепта новой секты, хотя и отличались нѣсколько большею откровенностію и искренностію, чѣмъ показанія «основательницы секты», Домановой, тѣмъ не менѣе, и они далеко не даютъ полнаго представленія о сущности и характерѣ возникшаго въ Городницкомъ уѣздѣ религіознаго движенія.

Есть, однако, много основаній думать, что причины этой невыясненности лежали отнюдь не въ скрытности Савенко, не въ недостаткѣ откровенности съ его стороны, но, едва ли не главнымъ образомъ, зависѣли отъ неумѣнія лицъ, заправлявшихъ слѣдствіемъ, правильно оріентироваться въ непривычной и мало-знакомой для нихъ области, религіозныхъ вѣрованій сектантовъ: они, видимо терялись въ массѣ отрывочныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ показаній подсудимыхъ и свидѣтелей, которые рисовали какую-то странную смѣсь старовѣрія, православія и раціонализма. Мы говоримъ это отнюдь не въ укоръ нашимъ судебнымъ дѣятелямъ: отмѣченное нами явленіе наблюдалось вездѣ и всегда, въ тѣхъ случаяхъ, когда на слѣдователей

взваливалась несвойственная имъ обязанность копаться въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ людей.

Семенъ Григорьевъ Савенко—молодой, тридцатидвухлѣтній казакъ села Лапотней. Онъ имѣетъ жену и трехъ малолѣтнихъ дѣтей; занимается хлѣбопашествомъ, имѣетъ собственный домъ и хорошее хозяйство. «Казакъ зажиточный»—говорятъ о немъ свидѣтели-односельцы.

При допросѣ, Савенко призналъ себя виновнымъ «только въ томъ, что оставилъ православіе и перешелъ въ расколъ».

— Случилось это—показывалъ онъ—въ настоящемъ 1879 году. Года три или четыре тому назадъ, я сошелся съ «жителькою» посада Радули, Анною Домановою, съ которой ѣздилъ по уѣзду. Она давала мнѣ взаймы деньги, и я покупалъ на ея деньги что-либо изъ хозяйства. За это, я дѣлалъ ей одолженія, какія-либо услуги, какъ-то: возилъ ее на своей подводѣ, куда ей предстояла надобность. Во время этихъ разъѣздовъ, при разговорахъ о священномъ писаніи, Доманова говорила мнѣ, что она держится раскола, т.-е. въ церковь православную не ходитъ, иконамъ не покланяется (?), читаетъ св. евангеліе и библію и исполняетъ всѣ тѣ обряды, которые значатся въ евангеліи и библіи. Доманова говорила мнѣ, что, кромѣ ея, исполняютъ по св. евангелію и по библіи еще 12 семействъ, живущихъ въ посадѣ Радули.

На предложеніе разсказать, какимъ именно путемъ дошелъ онъ, Савенко, до мысли о необходимости оставить православную церковь, обвиняемый объяснилъ:

— Я любилъ читать церковныя книги и особенно евангеліе и библію, а потому запасся ими. Послѣ

разговоровъ съ Домановой, я внимательнѣе началъ читать евангеліе и библію. Въ то-же время, я читалъ и разныя раскольническія книги, печатныя, и сталъ вѣрить всему тому, что было написано въ тѣхъ книгахъ. Но болѣе интереснаго оказалось въ книгахъ православной церкви, и я по нимъ сталъ исполнять обряды. Однако, я пересталъ ходить въ церковь православную, такъ-какъ въ ней были иконы и священники съ причтомъ; священникъ-же и причтъ поступали не по правиламъ евангелія и библіи. Поэтому я священства не признаю, иконамъ не поклоняюсь, такъ-какъ онѣ — созданія рукъ человѣческихъ.

На упреки, обращенные къ Савенко, относительно того, что онъ старается совращать православныхъ въ свою секту, онъ возражалъ:

— Ученіемъ своимъ я никому не набивался и нигдѣ не распространялъ его; народа у себя я также не собиралъ, но, бывало, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо изъ односельцевъ своихъ, при разговорѣ съ ними о вѣрѣ и священномъ писаніи, я представлялъ имъ свои доказательства, почерпнутыя мною изъ св. евангелія и библіи, но убѣжденій своихъ я никому не навязывалъ, а вольному—воля.

Въ другой разъ, по тому-же поводу, онъ говорилъ: «Свои вѣрованія я никому не распространяю и не навязываю, но если кто начнетъ со мной разговоръ о вѣрѣ, то я не скрываю своихъ убѣжденій и, какъ христіанинъ, желаю, чтобы всѣ поступали по христіански».

Когда ему были предложены вопросы, имѣвшіе цѣлью разъяснить его отношеніе къ властямъ, правительству и т. п., то Савенко отвѣчалъ:

— Постановленія правительства я признаю и исполняю ихъ, *кромѣ военной повинности.*

Слѣдователя интересовалъ вопросъ: не начитался-ли обвиняемый какихъ-нибудь книгъ, не имѣвшихъ ничего общаго со священнымъ писаніемъ? — но, на всѣ подобнаго рода вопросы Савенко отвѣчалъ, что «гражданскихъ книгъ онъ не читалъ и не читаетъ, считая ихъ за неустановленныя Богомъ».

Отъ предложенія подписать протоколъ Савенко отказался самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Я не могу—сказалъ онъ—подписать ни протокола показанія, ни другихъ бумагъ, потому что Спаситель освободилъ, какъ сказано въ священномъ писаніи, отъ рукописанія клятвы.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго допроса, отъ Савенко вновь были отобраны (29-го ноября 1879 года) нѣкоторыя дополнительныя показанія. На этотъ разъ, онъ, между прочимъ, довольно подробно объяснилъ, когда и какъ онъ выучился грамотѣ и пристрастился къ чтенію.

— Никакого обученія отъ родителей я не получилъ,—говорилъ Савенко;—но, когда я женился и сталъ жить своимъ дворомъ, то научился читать и писать. Для этого я пріобрѣлъ букварь и по немъ занимался въ свободное отъ трудовъ время. Убѣдившись изъ чтенія св. евангелія, библіи и номоканона, что я могу достигнуть царствія небеснаго посредствомъ ихъ, я проводилъ свободное время за книгами, толковалъ ихъ и примѣнялъ къ своимъ поступкамъ.

По поводу найденныхъ у него двухъ тетрадокъ, Савенко объяснилъ, что онѣ писаны его рукою.

— Въ нихъ заключаются выписки изъ бывшихъ у меня книгъ: номоканона, библіи и псалтыря, а также замѣтки мои о слышанномъ мною гдѣ-либо. Къ сожалѣнію этихъ замѣтокъ въ тетрадяхъ не оказалось.

Относительно знакомства своего съ основательницею секты и ея вліянія на него, Савенко объяснилъ слѣдующее.

— Дѣйствительно, я былъ знакомъ съ мѣщанкой Домановой, но она *не имѣла вліянія на мои убѣжденія*, и не убѣждала меня перемѣнить вѣру и поступить въ старообрядчество. Она говорила мнѣ, что ея родные съ дѣтства воспитали ее въ старообрядчествѣ... Теперь я уже около года не бываю у нея, не бываю потому, что про меня стали говорить, что я перемѣнилъ свои убѣжденія о вѣрѣ—на ея убѣжденія.

Намъ кажется, что нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять этому показанію обвиняемаго. Вообще, намъ представляется совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ: въ силу какихъ именно данныхъ и соображеній Савенко былъ привлеченъ къ суду, въ качествѣ послѣдователя и адепта ученія Анны Домановой? Изъ показаній обоихъ обвиняемыхъ ясно видно, что Доманова—простая старообрядка, между тѣмъ, какъ ученіе, которое развивалъ Савенко, несомнѣнно носитъ печать религіознаго раціонализма.

При разсмотрѣніи отобранныхъ у Савенко, при обыскѣ, тетрадей, онѣ оказались составленными изъ замѣтокъ и выписокъ изъ священнаго писанія. Въ первой тетради идетъ сначала перечисленіе «судей израильскихъ, царей іудейскихъ, царей израильскихъ, патріарховъ и пророковъ»; затѣмъ выписка изъ книги Маккавеевъ: «Писа царь Антіохъ ко всему царству своему: да будутъ всѣ люди едино, и оставитъ каждый законъ свой, и созвашася вси языци по слову царя Антіоха. И мнози отъ Израиля служеніе его... (не разобрано слово) идоламъ». Далѣе идетъ нѣсколько словъ о возстаніи Матта-

фіи: «возста Маттафія и сыновья его и сразися Маттафія противъ царя».

Затѣмъ идутъ выписки изъ библіи, изъ книгъ Бытія, Царствъ, Левитъ и др, изъ посланій апостоловъ къ римлянамъ, коринѳянамъ и проч. Вторая тетрадь заключаетъ въ себѣ выписки изъ правилъ номоканона, «сирѣчь законоправильника». Что касается замѣтокъ Савенко о слышанномъ имъ гдѣ-либо, то ихъ,—какъ мы уже замѣтили,—къ сожалѣнію, не оказалось въ тетрадяхъ.

Вслѣдъ за Семеномъ Савенко были допрошены его мать и сестра. Изъ показаній ихъ мы узнаемъ, что взгляды Семена на церковь и вѣру всецѣло были приняты его женою; что-же касается матери и сестры, то онѣ остались твердыми въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ. Въ семьѣ явился прискорбный разладъ,—хотя, при этомъ, необходимо замѣтить, что слѣдствіе совсѣмъ не выяснило, *какъ* именно жила семья *до* отпаденія Семена отъ церкви. Этотъ разладъ, по-временамъ, обострялся до открытой ссоры, брани и даже побоевъ. Показаніе сестры обвиняемаго, семнадцатилѣтней дѣвушки Акулины, довольно рельефно рисуетъ отношенія, существовавшія въ семействѣ Савенко.

— Вотъ, уже четвертый годъ,—говорила она,—какъ братъ мой Семенъ началъ придерживаться своего ученія; онъ не ходитъ въ церковь, не почитаетъ иконъ, дѣтей своихъ креститъ самъ. Думаю, что этого онъ начитался въ книгахъ, которыя постоянно читалъ. Съ того времени, какъ братъ началъ придерживаться своего ученія о вѣрѣ, онъ сталъ не пускать въ церковь нашу мать, сталъ требовать, чтобы она не почитала иконъ. У насъ иконы

вынесены изъ хаты въ комору. На меня они мало обращаютъ вниманія, такъ какъ я ихъ не слушаю. Но когда я ходила въ церковь, то, по возвращеніи моемъ, они не хотѣли со мною вмѣстѣ ѣсть, говоря, что тамъ-бы и оставалась, гдѣ была. Мать тоже, случается, бываетъ въ церкви противъ ихъ воли, и тогда жена моего брата ругаетъ ее, а братъ больше молчитъ. Я въ этомъ году говѣла, и мнѣ ничего не говорили ни братъ, ни жена его, но матери не дозволили говѣть уже года два или три. Семенъ часто меня ругаетъ и бьетъ за то, что я иногда убѣгаю къ своимъ подругамъ погулять; онъ считаетъ это грѣхомъ.

Показаніе матери обвиняемаго, Прасковьи Савенко, пятидесяти-двухъ лѣтъ, въ общихъ чертахъ, подтверждаетъ только-что приведенное показаніе ея дочери Акулины Савенко.

— Сынъ мой Семенъ,—говорила она, — не позволилъ мнѣ ходить въ церковь и говѣть; но въ прошломъ году я все-таки ѣздила говѣть въ Черноличи, а въ этомъ году не пустила невѣстка (жена Семена), говоря, что если поѣду, то—чтобы не возвращалась домой. Меня и мою дочь они не пускаютъ гулять; недавно, когда дочь пошла къ сосѣдкѣ, то *сынъ и невѣстка побили меня за это.*

Итакъ, постоянная натянутость отношеній разрѣшается, наконецъ, побоями... страшно сказать!— сынъ поднимаетъ руку на родную мать... Когда показанія матери и сестры были предъявлены и прочитаны Семену Савенко, то онъ заявилъ:

— Я, дѣйствительно, не желаю, чтобы моя мать и сестра ходили въ церковь и, въ особенности, чтобы сестра ходила гулять на вечерницы. Изъ-за этого у насъ бываютъ непріятности, такъ-какъ я хочу убѣдить ихъ поступать по евангелію, въ кото-

ромъ сказано, что тотъ, кто хотя одного наставитъ на путь истины, получитъ царствіе небесное.

Подобное объясненіе, конечно, какъ нельзя лучше доказываетъ, что самъ Савенко далеко еще не усвоилъ себѣ даже главныхъ, коренныхъ принциповъ евангельскаго ученія, но... врядъ-ли читатели рѣшатся бросить въ него за это камень осужденія. Изъ дѣла видно, что Савенко страстно, горячо *стремится* усвоить себѣ божественное ученіе Христа; уже одно это обстоятельство даетъ ему право на снисхожденіе. Онъ учится самъ, и въ то-же время учитъ другихъ, которые знаютъ еще меньше, чѣмъ онъ. Между прочимъ, изъ дѣла видно, что Савенко *обучилъ грамотѣ* молодого казака, двадцатипяти лѣтъ, Николая Сердюкова, чтобы дать ему возможность читать евангеліе... Будутъ читать, будутъ думать, а тамъ—научатся и терпимости, научатся уважать чужія вѣрованія, и получатъ глубокое органическое отвращеніе ко всякаго рода насилію.

III.

Послушаемъ теперь, что говорили о «новой сектѣ» и ея руководителяхъ свидѣтели, допрошенные во время производства слѣдствія по дѣлу Домановой и Савенко. Прежде всего, слово принадлежитъ мѣстному священнику Петру Ап. Шведову Къ сожалѣнію, показанія его отличаются крайнимъ лаконизмомъ. Онъ утверждалъ, что Анна Доманова является «главнымъ представителемъ секты сѣкачей въ посадѣ Радули».

— Благодаря вліянію Домановой,— говорилъ о. Шведовъ,—въ эту секту перешли, лѣтъ десять тому назадъ, изъ православія Василій, Анисимъ и Михаилъ Домановы, вмѣстѣ со своими семействами. По молвѣ народной, я слышалъ, что у Анны Домановой собираются старообрядцы, но что они тамъ дѣлаютъ — не знаю.

И, затѣмъ — ни одного слова, ни одного факта, которые-бы хотя сколько-нибудь разъяснили: въ чемъ же, наконецъ, состоитъ сущность ученія «сѣкачей» и чѣмъ именно это ученіе отличается отъ обыкновеннаго старообрядчества.

За священникомъ Шведовымъ слѣдуетъ длинный рядъ свидѣтелей, изъ которыхъ одни показы-

вали о Семенѣ Савенко, а другіе объ Аннѣ Домановой Приводимъ здѣсь эти показанія почти безъ всякихъ измѣненій; мы позволили себѣ только мѣстами сгладить шероховатости языка и выкинуть излишнія повторенія. Пусть читатели выслушаютъ подлинную рѣчь людей, такъ или иначе сталкивавшихся съ представителями религіознаго броженія, возникшаго въ Городницкомъ уѣздѣ; насколько точно и вѣрно передана эта рѣчь въ протоколахъ лицъ, производившихъ слѣдствіе, — за это мы, разумѣется, не отвѣтственны.

Главными свидѣтелями по дѣлу Домановой выступили мѣщане посада Радули, однофамильцы ея, Домановы. Но отнюдь нельзя сказать, чтобы объясненія ихъ проливали много свѣта на характеръ ученія новой секты, напротивъ, показанія нѣкоторыхъ изъ нихъ исполнены были весьма существенныхъ противорѣчій. Въ этомъ отношеніи особенно выдавались объясненія шестидесятилѣтняго старика Василія Харитонова Доманова.

— Мнѣ извѣстно, — говорилъ онъ, — что въ посадѣ Радули распространена секта «сѣкачи», и мое семейство — жена, двѣ дочери и сынъ — подпали вліянію этой секты. Всѣ они не ходятъ въ церковь, не молятся иконамъ, не говѣютъ, отрицаютъ бракъ, не признаютъ императора.

Вскорѣ, однако, свидѣтель измѣнилъ это показаніе и утверждалъ, что послѣдователи новой секты «гражданскую власть императора, *насколько возможно*, признаютъ, уважаютъ и исполняютъ». Но что именно онъ разумѣлъ подъ этимъ курьезнымъ «насколько возможно» — такъ и осталось не разъясненнымъ.

Опредѣляя значеніе Анны Домановой среди послѣдователей новой секты, свидѣтель утверждалъ,

что Анна Доманова «имѣетъ главное вліяніе на развитіе новой секты».

— Къ ней — говорилъ свидѣтель — постоянно ходятъ послѣдователи этой секты. Я положительно обвиняю ее въ совращенін моего семейства, которое постоянно бываетъ у нея. Однако, въ одномъ изъ слѣдующихъ показаній свидѣтель значительно смягчилъ это обвиненіе, заявивъ, что Анна Доманова «со своими убѣжденіями не набивается, и что къ ней не собираются для отправленія духовныхъ требъ».

На вопросъ: давно-ли возникла у нихъ новая секта, свидѣтель отвѣчалъ, что она появилась лѣтъ двадцать тому назадъ, но въ другомъ показаніи онъ признался, чтоне знаетъвъточности, сколько именно лѣтъ существуетъ эта секта. Въ настоящее-же время, по словамъ свидѣтеля, въ Радуляхъ «изъ православія совращено въ секту сѣкачей пятнадцать или двадцать семействъ».

Жена этого свидѣтеля, послѣдовательница секты сѣкачей, Ѳедосья Афанасьева Доманова, шестидесяти лѣтъ, показала: «Когда я вышла замужъ за Василія Доманова, я придерживалась его вѣры (т -е. православной), а потомъ отпала по своему убѣжденію, а не по чьему либо вліянію. Теперь, я не хожу въ церковь, *не почитаю иконъ*». Несмотря, однако, на это послѣднее заявленіе, Ѳедосья Доманова въ протоколахъ судебнаго слѣдователя названа почему-то «старообрядкою». Можетъ быть, она и дѣйствительно была старообрядка и не почитала только *новыхъ* иконъ, но къ сожалѣнію, все это такъ и осталось не выясненнымъ.

— Анна Доманова — главная поборница секты сѣкачей, — говоритъ другой свидѣтель, Ѳедоръ Ѳедоровъ Домановъ: — она склонила въ эту секту семейства Василія и Михаила Домановыхъ. Секта эта

отрицаетъ правительство; это видно изъ того, что сѣкачъ ни за-что не возьметъ бумаги съ печатью присутственнаго мѣста или должностнаго лица.

Одинъ изъ адептовъ новой секты, Михаилъ Харитоновъ Домановъ, показалъ: «Прежде я былъ православнымъ, но теперь раскольникъ и принадлежу къ сектѣ сѣкачей. Названіе это секта получила отъ клички главныхъ ея приверженцевъ, братьевъ Домановыхъ, прозванныхъ почему-то народомъ сѣкачами. Пятнадцать лѣтъ назадъ, я отпалъ отъ православія вмѣстѣ со всѣмъ моимъ семействомъ и поступилъ въ секту сѣкачей. Православіе оставилъ я по своему убѣжденію а не по вліянію другого лица».

На вопросъ: въ чемъ-же состоитъ его новая вѣра, свидѣтель отвѣчалъ: «Теперь я не хожу въ церковь, не почитаю иконъ, дѣтей своихъ не крещу. Государя и правительство я почитаю, какъ свѣтскую власть. Хотя я и грамотенъ, но подписываться не буду, потому что вѣра моя запрещаетъ мнѣ подписывать бумаги».

Слѣдователь старался вызвать свидѣтеля на болѣе подробное объясненіе правилъ его секты, но тотъ или ловко уклонялся отъ этого, или же прямо отказывался отъ всякихъ объясненій.

Другіе свидѣтели также не отличались особенною сообщительностію. Такъ, Кондратъ Мих. Стачковъ показалъ лишь, что Анна Доманова живетъ скромно, почти нигдѣ не бываетъ, въ церковь не ходитъ, но старымъ иконамъ покланяется; у нея въ комнатахъ всѣ стѣны въ образахъ, передъ которыми горятъ лампады.

Свидѣтельница Александра Васильева Волохина показала, что она прежде была православная, но,

выйдя замужъ за старообрядца, перестала ходить въ православную церковь и, вообще, начала въ дѣлѣ вѣры придерживаться взглядовъ своего мужа; что же касается Домановой, то она не имѣла на нее никакого вліянія.

IV.

Первымъ свидѣтелемъ по дѣлу Семена Савенко былъ допрошенъ также мѣстный священникъ, о. Одинцовъ, по иниціативѣ котораго возбуждено было дѣло о сектѣ сѣкачей. Въ показаніи своемъ онъ утверждалъ, что Савенко есть главный представитель въ селѣ Лапотняхъ секты сѣкачей.

— Савенко,—говорилъ свидѣтель,—первый началъ распространять у насъ ученіе, отрицающее духовныя и гражданскія власти, священство, иконы, святыя таинства. Какъ человѣкъ грамотный и довольно развитой, онъ имѣетъ вредное вліяніе на окружающую среду, въ особенности, на простой народъ; всѣ послѣдователи его ученія совратились въ его домѣ Онъ совратилъ въ свою секту односельцевъ своихъ: Максима, Акима и Ефима Савенковыхъ

Приглашенный подкрѣпить эти обвиненія болѣе точными указаніями на факты, священникъ Одинцовъ заявилъ:

— Савенко не позволялъ своей матери ходить въ церковь; объ этомъ она сама заявляла мнѣ; двухъ дѣтей своихъ онъ оставилъ некрещенными. Требованія начальства Савенко выполняетъ, уступая только силѣ; въ сущности же, по его мнѣнію, надъ

христіанами не должно быть никакой власти. Это мнѣ лично высказывалъ Савенко. Свои взгляды и убѣжденія Савенко основываетъ на евангельскомъ ученіи, которое онъ толкуетъ по своему. Всѣ его послѣдователи приняли присягу, но самъ онъ до сихъ поръ не присягалъ. Вообще, насколько я могъ понять, Савенко твердъ и непоколебимъ въ своихъ словахъ. Жена его держится тѣхъ же убѣжденій и содѣйствовала распространенію секты.

Въ заключеніе, священникъ Одинцовъ съ сочувствіемъ и одобреніемъ отозвался о преслѣдованіи, возбужденномъ противъ Савенко, мотивируя такое отношеніе тѣмъ, что послѣ преданія Савенко суду онъ пересталъ распространять свое ученіе, а совращенныя имъ лица возвратились въ православіе и *дали подписки*, что они не будутъ больше слѣдовать этому ученію.

Но у читателя невольно закрадывается сомнѣніе въ искренности и прочности столь быстраго обращенія «совращенныхъ на путь истинный». Выдача «подписокъ» точно также едва-ли можетъ служить, въ глазахъ каждаго безпристрастнаго человѣка, гарантіей относительно прочности исповѣдыванія тѣхъ или другихъ религіозныхъ воззрѣній. Скорѣе, напротивъ: одно примѣненіе подобнаго пріема къ области нравственныхъ убѣжденій человѣка въ состояніи подорвать вѣру въ силу и прочность дѣла, во имя котораго является необходимость прибѣгать къ столь оригинальному средству.

Изъ многочисленныхъ свидѣтелей, допрошенныхъ по дѣлу о Семенѣ Савенко, наиболѣе подробныя показанія сдѣлалъ Михаилъ Игнатовъ Сычъ. Мѣстами, его показанія довольно сильно напоминаютъ показанія священника Одинцова, но очень

вѣроятно, что такое сходство есть дѣло простого случая.

— Я могу утвердительно сказать, — показывалъ Михаилъ Сычъ, — что казакъ Семенъ Григорьевъ Савенко есть главный представитель секты «сѣкачей» у насъ, въ деревнѣ Лопатняхъ. До Савенко у насъ не было ни одного человѣка, принадлежащаго къ этой сектѣ. Могу также утверждать, что Савенко при всякомъ удобномъ случаѣ старается совратить всякаго въ свою вѣру. Онъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ, зазывалъ меня къ себѣ и предлагалъ мнѣ оставить православную вѣру и поступать такъ, какъ онъ говоритъ.

По мнѣнію свидѣтеля, Савенко оказываетъ вредное вліяніе, вообще, на все населеніе, въ особенности же на молодежь. Онъ, какъ зажиточный хозяинъ, нанимаетъ къ себѣ рабочихъ молотить или дѣлать что-либо другое; при этомъ бываютъ и молодые хлопцы, въ 15—16 лѣтъ, и онъ всѣмъ имъ разсказываетъ про свои убѣжденія.

На вопросы: въ чемъ же состоятъ убѣжденія Савенко и чему онъ учитъ? — свидѣтель отвѣчалъ: «Савенко учитъ, что не слѣдуетъ ходить въ церковь; кто ходитъ въ церковь, тотъ не соблюдаетъ заповѣдей. Молиться слѣдуетъ на дворѣ, но не передъ иконами, потому что иконы—дѣло рукъ человѣческихъ. Савенко отрицаетъ священство, не признаетъ гражданскихъ законовъ, но я не слыхалъ, чтобы онъ называлъ царя Иродомъ или антихристомъ. Зато, всѣ царскія приказанія: подати, военную службу Савенко примѣняетъ къ дѣламъ, исходящимъ отъ антихриста. Савенко говорилъ мнѣ, что законы, изданные государемъ для народа, несогласны съ евангеліемъ; прежде, говорилъ онъ, су-

дились по евангелію, а теперь по гражданскимъ законамъ».

Сначала свидѣтель заявилъ, что Савенко «и въ настоящее время дѣйствуетъ такъ же, какъ и при возникновеніи слѣдствія надъ нимъ за ересь», но, затѣмъ, онъ согласился съ тѣмъ, что Савенко «съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ на судѣ по этому дѣлу, сталъ рѣже высказывать свои убѣжденія».

На вопросъ: слушалъ ли народъ Савенко и имѣла ли успѣхъ его проповѣдь?—свидѣтель заявилъ: «Отъ Савенко у насъ пошли по селу такіе толки про религію, что если бы не началось слѣдствіе и судъ надъ нимъ, то, вѣроятно, *цѣлое селеніе пристало бы къ его сектѣ*».

Показанія другихъ свидѣтелей по вопросу о томъ значеніи, какое имѣлъ Семенъ Савенко въ селѣ Лапотняхъ вполнѣ согласуются съ показаніями Михаила Сыча. Почти всѣ они подтверждали, что Семенъ Савенко «есть главный представитель секты сѣкачей въ селѣ Лапотняхъ» и что онъ «первый завелъ новую секту въ этомъ селѣ». Точно также согласно показывали свидѣтели и о наклонности Савенко пропагандировать свое ученіе. Такъ, однофамилецъ его, крестьянинъ Иванъ Ан. Савенко показывалъ:

— Семенъ Савенко, при собраніи десяти человѣкъ, говорилъ, что не слѣдуетъ ходить въ церковь, не слѣдуетъ почитать иконъ и священство. Это случалось не разъ, а часто. Савенко, при всякомъ удобномъ случаѣ, при постороннихъ, самъ начинаетъ разговоръ про религію, убѣждаетъ всѣхъ поступать такъ, какъ онъ поступаетъ, и читаетъ какія-то книжки, которыя постоянно носитъ съ собою. Съ тѣхъ поръ, какъ началось слѣдствіе, онъ рѣже заводитъ разговоры про свое ученіе.

Другой свидѣтель, Абрамъ Ивановъ Ященко по-

казывалъ: «Савенко проповѣдывалъ у насъ свою секту, убѣждалъ не ходить въ церковь, не почитать иконъ и таинствъ, не признавать гражданскихъ законовъ. Однажды, онъ приходилъ ко мнѣ въ домъ съ библіей и предлагалъ оставить православную вѣру и слѣдовать его ученію. Я предложилъ ему почитать псалтырь Давида, но Савенко сказалъ мнѣ на это, что псалтырю нельзя вѣрить, потому что онъ составленъ народнымъ приговоромъ (?), а не данъ Богомъ»

Впослѣдствіи, однако, свидѣтель въ значительной степени смягчилъ это показаніе и утверждалъ, что Савенко «никому не набивался своимъ ученіемъ». Что касается до обвиненія Семена Савенко въ томъ, что онъ устраивалъ будто бы цѣлыя сборища, съ цѣлью пропаганды своего ученія, то свидѣтели не подтвердили этого обвиненія.

Но гораздо менѣе единодушія обнаружили свидѣтели въ своихъ показаніяхъ при опредѣленіи отношеній Семена Савенко къ властямъ, правительству, гражданскимъ обязанностямъ и т. п., а также при выясненіи сущности его религіозныхъ взглядовъ. Особенною запутанностію, въ этомъ отношеніи, отличается показаніе крестьянина Ѳедора Ѳедосѣева Конороса, очевидно, весьма не развитаго и недалекаго субъекта.

— Года три или болѣе тому назадъ,—разсказывалъ Коноросъ,—я встрѣтилъ въ мѣстечкѣ Любичѣ Семена Савенко, который мнѣ сказалъ, что, вотъ, скоро будетъ война кровопролитная съ туркомъ. Потомъ я встрѣтилъ Семена на полѣ, онъ оралъ подъ гречу, увидѣлъ меня и сталъ говорить: «помнишь, что я говорилъ тебѣ про войну въ Любичѣ»? Я сказалъ, что помню. Тогда Савенко сказалъ, что народился Иродъ на землѣ, что этотъ Иродъ у ка-

ждаго иноземнаго царя отнимаетъ землю, если захочетъ. — «Откуда ты это знаешь»? — спросилъ я его.—Это, говоритъ, я изъ книгъ вычиталъ; пишутъ, что родился Иродъ, который поглотитъ трехъ царей... худо тогда будетъ намъ»!..

На вопросъ: что говорилъ Савенко о «вѣрѣ»? свидѣтель отвѣчалъ: «Говорилъ, что ходить въ церковь не слѣдуетъ, что не слѣдуетъ почитать иконъ и священства. Говорилъ, что церковь уже измѣнилась, стала не та, что прежде была. Потомъ говорилъ, что евангеліе писалось и составлялось апостолами, а библія пророками, которые, поэтому, правильнѣе писали, чѣмъ апостолы». Но здѣсь свидѣтель, очевидно, совсѣмъ уже не понялъ и перепуталъ слова Савенко; изъ показаній священника Одинцова и другихъ свидѣтелей слѣдуетъ заключить, что Савенко евангелію отдаетъ предпочтеніе предъ всѣми другими книгами священнаго писанія.

По словамъ свидѣтеля Демьяна Шинкаренко, «послѣдователи Семена Савенко—Ефимъ и Максимъ Савенковы не ходятъ въ церковь, не почитаютъ иконъ. Когда была война съ турками, то Савенко говорилъ, что эта война не законна, что онъ ни зачто не пустилъ бы своихъ дѣтей и братьевъ въ солдаты».

Относительно присяги, свидѣтель Ященко объяснилъ, что «сначала никто не хотѣлъ присягать государю, но потомъ всѣ, за исключеніемъ Савенко, присягнули».

Свидѣтель Николай Павловъ Рубановскій показалъ, что онъ «не разъ бесѣдовалъ съ Семеномъ Савенко и замѣчалъ, что тотъ уже три года не ходитъ въ церковь и не исполняетъ никакихъ обрядовъ. Савенко говоритъ, что не слѣдуетъ покло-

няться образамъ, потому что они сдѣланы людьми, что это ремесло людей, которымъ они зарабатываютъ себѣ хлѣбъ. Таинствъ Савенко не признаетъ, и новорожденное дитя свое не креститъ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Лѣтосчисленіе, которое мы ведемъ, онъ отрицаетъ, и считаетъ его неправильнымъ *). Далѣе, свидѣтель утверждалъ, что Савенко будто бы «не признаетъ царя».

На вопросъ— откуда могъ заимствовать Савенко свое ученіе — свидѣтель Рубановскій объяснилъ: «Савенко говоритъ, что Богъ послалъ ему духа, который открылъ ему все то, что говорятъ священныя книги Этотъ духъ повелѣваетъ ему распространять его ученіе между народомъ, поэтому, онъ заботится о сообщеніи своего ученія другимъ. «Претерпѣвый до конца, тотъ спасенъ будетъ» — говоритъ при этомъ Савенко».

Молодые казаки села Лапотней Ефимъ Бенедиктовъ и Максимъ Климовъ Савенковъ были выставлены нѣкоторыми свидѣтелями, какъ ревностные послѣдователи ученія Семена Савенко; впрочемъ, другіе свидѣтели отрицали это. Призванные къ допросу молодые люди дали слѣдующее показаніе:

— Семенъ Савенко читаетъ библію, евангеліе, молитвенникъ и номоканонъ и по нимъ дѣйствуетъ. Онъ не ходитъ въ церковь, всѣ требы исправляетъ самъ; бумагъ не подписываетъ. Отъ присяги онъ насъ не отговаривалъ Мы помогаемъ другъ другу въ работѣ Иногда, Савенко читаетъ намъ что-либо изъ священныхъ книгъ, а мы слушаемъ. Во время чтенія, Савенко обыкновенно говоритъ, что такъ и поступать нужно по заповѣдямъ, нужно всегда дѣ-

*) Савенко заявлялъ въ своихъ показаніяхъ, что онъ признаетъ не гражданское лѣтосчисненіе, а лѣтоисчисленіе церковное,

лать добро людямъ, постоянно трудиться, жить смиренно, никого не обижать, помогать бѣднымъ. Относительно же таинствъ, Савенко говорилъ, что ихъ можно дѣлать, можно и не дѣлать.

Слѣдствіе возбужденное по дѣлу Савенко, старалось, между прочимъ, выяснить степень вліянія, которымъ пользовался Савенко среди окружающаго его населенія. Показаніями большинства свидѣтелей былъ констатированъ тотъ фактъ, что Семенъ Савенко, «до суда надъ нимъ, имѣлъ большое вліяніе на окружающее населеніе». Къ сожалѣнію, слѣдствіе почти совсѣмъ не выяснило тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыми было вызвано это вліяніе. По нѣкоторымъ выраженіямъ свидѣтелей, можно думать, что Савенко былъ обязанъ этимъ вліяніемъ своему ученію, которое, въ самое короткое время, нашло себѣ массу послѣдователей.

— Почти *половина нашего села* (Лапотней) *стала придерживаться ученія Семена Савенко* — говорилъ свидѣтель Ященко.

— Если-бы не началось слѣдствіе, то Савенко *цѣлое село совратилъ-бы въ свою вѣру* — показывалъ Демьянъ Шинкаренко.

V.

21-го марта 1881 года Доманова и Савенко явились на скамьѣ подсудимыхъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, что именно выяснилось на судѣ, во время разбора дѣла, изъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ. Судя по приведеннымъ нами газетнымъ извѣстіямъ, «свидѣтельскія показанія установили виновность Домановой въ распространеніи секты». По обвиненіи, она присуждена была къ ссылкѣ на поселеніе въ Закавказскій край. До суда она находилась на свободѣ, по объявленіи-же судебнаго приговора немедленно была заключена подъ стражу и отправлена въ мѣстный (городницкій) тюремный замокъ.

Что-же касается до Савенко, то съ нимъ произошелъ на судѣ довольно необычный и рѣдкій въ судебной практикѣ казусъ. Въ объясненіяхъ, которыя онъ давалъ на судѣ, судъ усмотрѣлъ «политическіе признаки» и, потому, постановилъ — разборъ дѣла о Савенко отложить и произвести о немъ особое, дополнительное слѣдствіе.

И вотъ, 20-го октября 1881 года, отъ Савенко снова отбираются показанія; снова предлагается ему цѣлый безконечный рядъ вопросовъ, съ цѣлью вы-

яснить его убѣжденія и вѣрованія, его взгляды на церковь, на таинства, на духовенство, на власти, правительство, и проч., и проч.

На этотъ разъ, Савенко, прежде всего, категорически заявилъ, что онъ не можетъ признать себя виновнымъ ни въ распространеніи какой-либо ереси, ни въ образованіи новой секты. На замѣчаніе, что его критическіе отзывы о разныхъ обрядахъ православной религіи оскорбительны для церкви, Савенко возражалъ:

— Я никогда не оскорблялъ православной церкви. Но я дѣйствительно не признаю поклоненія иконамъ, потому что иконы—изображенія плоти и покланяться имъ — значитъ покланяться плоти.

На вопросъ: признаетъ ли онъ таинства и священство? – Савенко отвѣчалъ:

Я, собственно, не отрицаю никакихъ таинствъ, въ томъ числѣ и священства, но я не могу признать нашихъ священниковъ — священниками, такъ-какъ они поступаютъ не такъ, какъ должно поступать христіанину.

Показанія Савенко относительно взглядовъ его на значеніе властей обнаруживаютъ, до нѣкоторой степени, мистическое настроеніе его мысли. Заявляя, что онъ «признаетъ власть государя, какъ гражданскую силу», Савенко, въ то-же время, прибавлялъ, что «по христіанству онъ не можетъ признать эту власть, такъ-какъ понятіе христіанина (будто-бы) несовмѣстимо съ понятіемъ царя и, вообще, какой-либо власти, ибо единственный царь христіанъ долженъ быть Христосъ». Веденіе войны — говорилъ Савенко – тоже дѣло не-христіанское.

Я считаю, — продолжалъ Савенко, что наши государи начали поступать не по Христу, въ особенности, съ Петра I-го, который перенесъ столицу изъ

святаго града Москвы въ С.-Петербургъ и подчинилъ свѣтской власти духовенство, образовалъ синодъ, тогда-какъ духовенство должно быть въ зависимости отъ себя. Іисусъ Христосъ передалъ первенство духовной власти апостолу Петру, а сей самъ назначилъ епископовъ и преемниковъ, и такъ власть духовная передавалась по преемству. Такъ было и въ Царьградѣ, такъ было и у насъ до Петра I-го. Петръ подчинилъ себѣ духовенство, оно и стало поступать не по христіански.

На вопросъ о присягѣ Савенко отвѣчалъ: «Я не присягалъ потому, что Іисусъ Христосъ сказалъ: «не полагать клятвы».

27-го ноября 1882 года Савенко вторично предсталъ предъ городницкимъ судомъ; обвиненіе, на этотъ разъ, подведено было подъ 196-ю ст. уложенія о наказаніяхъ. Вслѣдствіе обвинительнаго приговора, Савенко былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Закавказскій край. По осужденіи, онъ, какъ и Доманова, былъ немедленно заключенъ подъ стражу, а затѣмъ.. А затѣмъ, повторилась обычная въ подобныхъ случаяхъ исторія: тюрьма съ желѣзной рѣшеткою, длинный, безконечный этапный путь «въ наручняхъ» и, наконецъ, одинокое прозябаніе на «чужедальной сторонѣ», вдали отъ родины и родной семьи...

Жаль человѣка, думаетъ читатель, — но, немедленно утѣшается онъ; съ другой стороны, вѣдь, нельзя-же не признать, что это была необходимая жертва: теперь зло вырвано съ корнемъ, и мы можемъ быть покойны за то, что вредная «новая секта» не найдетъ себѣ болѣе послѣдователей ни въ Радуляхъ, ни въ Лапотняхъ... Но такъ-ли это? — пусть рѣшитъ ближайшее будущее.

Штунда среди великороссовъ.

Штунда среди великороссовъ.

Очеркъ.

Ровно 16 лѣтъ назадъ, на югѣ Россіи, въ малороссійскихъ деревняхъ Херсонской губ., появились люди, которые начали по своему толковать Священное Писаніе и проповѣдывать религіозные взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ ученіемъ господствующей православной церкви.

Люди эти отрицали храмы, священниковъ, посты, мощи, праздники, кресты, иконы,—словомъ почти всю внѣшнюю, обрядовую сторону религіи. Изъ всѣхъ книгъ Священнаго Писанія они признавали лишь одну Библію и горячо и ревностно проповѣдывали идеи любви и братства, изложенныя въ Евангеліи. Называли они себя „духовными христіанами“, но мѣстное духовенство, заподозрѣвъ тутъ вліяніе нѣмецкихъ сектантовъ-колонистовъ, окрестило ихъ штундистами. Съ тѣхъ поръ эта кличка такъ и упрочилась за ними.

Можно ли было думать, чтобы это ученіе, отвергавшее все то, къ чему,— по общему мнѣнію, по

крайней мѣрѣ,—весь русскій людъ издавна питаетъ благоговѣйную привязанность, чему онъ издавна поклоняется и что онъ считаетъ за святыню, можно-ли было думать, чтобы подобное ученіе нашло себѣ сторонниковъ среди этого народа?... И что же? Проходитъ 2—3 года, и вотъ, на нашихъ глазахъ, семья за семьею, село за селомъ переходятъ въ «новую вѣру» Въ самое короткое время эта новая вѣра находитъ сотни, тысячи послѣдователей, горячо убѣжденныхъ, страстно преданныхъ прозелитовъ.

Къ сожалѣнію мы до сихъ поръ не знаемъ даже приблизительнаго числа послѣдователей «штунды». Въ виду полнаго отсутствія всякихъ, сколько-нибудь точныхъ данныхъ по этому вопросу, по необходимости приходится довольствоваться тѣми скудными и отрывочными свѣдѣніями, какія даютъ объ этомъ наши газеты.

За послѣднее время въ печати весьма часто встрѣчались извѣстія о быстромъ развитіи штундизма въ различныхъ мѣстахъ Южной Россіи. «Штундизмъ пріобрѣтаетъ у насъ все болѣе и болѣе послѣдователей»,—сообщалъ, напримѣръ, корреспондентъ *Новаго Времени* изъ Сквирскаго уѣзда Кіевской губерніи. «Распространеніе штундизма годъ отъ года захватываетъ въ нашемъ уѣздѣ все большій и большій районъ,» —писали въ *Русскій Курьеръ* изъ Таращанскаго уѣзда. «Ни одна секта,—писали изъ Прилукскаго уѣзда Полтавской губ. — не пріобрѣтала у насъ столькихъ послѣдователей, какъ штунда». (*Голосъ* 1879 г. № 22).

Судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ настоящее время штунда имѣетъ значительную массу послѣдователей во многихъ изъ малороссійскихъ и новороссійскихъ губерній. Особенно же много штунди-

стовъ въ губерніяхъ: Херсонской, — главнымъ образомъ въ уѣздахъ Елизаветградскомъ, Одесскомъ и Александрійскомъ, — въ Кіевской, — преимущественно въ уѣздахъ: Таращанскомъ, Сквирскомъ, Звенигородскомъ и Кіевскомъ, — въ Екатеринославской и Полтавской. Затѣмъ въ значительномъ количествѣ штундисты встрѣчаются въ Черниговской, Каменецъ-Подольской и Бессарабской губерніяхъ. Года три назадъ въ газетахъ сообщалось извѣстіе, что штунда проникла и начала быстро развиваться въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губ. и Острожскомъ уѣздѣ Волынской губерніи. Есть основаніе полагать, что штунда существуетъ также на Кавказѣ. Хотя главная масса штундистовъ живетъ по селамъ и деревнямъ, тѣмъ не менѣе многочисленныхъ представителей этого ученія можно встрѣтить въ городахъ: Одессѣ, Николаевѣ, Кіевѣ, Елизаветградѣ и другихъ.

До самаго послѣдняго времени ученіе штунды являлось исключительною принадлежностью малороссійскаго населенія, теперь же ученіе это начинаетъ все болѣе и болѣе проникать и въ великороссійскія губерніи Такъ года два назадъ газетами, со словъ *Зари*, сообщено было извѣстіе о появленіи штунды въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ средѣ крестьянъ-великороссовъ.

Затѣмъ пишущій эти строки, имѣетъ несомнѣнныя данныя, указывающія на то, что штунда проникла также въ наши столицы, въ Москву и Петербургъ. Здѣсь это ученіе, видоизмѣнившись подъ вліяніемъ различныхъ условій столичной жизни и среды, приняло особые, чрезвычайно интересные въ общественномъ смыслѣ оттѣнки.

Но о положеніи штунды въ столицахъ мы подробнѣе поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ

статей, а на этотъ разъ разскажемъ о появленіи и развитіи штунды въ средѣ крестьянъ Трубчевскаго уѣзда Орловской губ.,—на основаніи данныхъ, сообщенныхъ намъ однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ, имѣвшимъ возможность лично собрать свѣдѣнія о штундѣ на мѣстахъ ея первоначальнаго появленія въ селѣ Любцахъ, Трубчевскаго уѣзда Свѣдѣнія эти, отличающіяся полной объективностью, собраны мѣстнымъ жителемъ, А. Г. В—мъ, по программѣ, напечатанной нами въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* *).

---

*) Считаемъ при этомъ долгомъ гласно выразить искреннюю признательность А. Г. В—ву за доставленіе намъ этихъ свѣдѣній
А. П.

I.

Иконоборцы.

Съ начала 1880 г. нѣкоторые изъ крестьянъ села Любецъ, Трубчевскаго уѣзда, начали собираться по вечерамъ въ избахъ и читать книги религіознаго содержанія. Вполнѣ грамотнаго между ними не было ни одного. Съ грѣхомъ пополамъ читали они книги на русскомъ и славянскомъ языкѣ,—все изданія синодальныя и лаврскія. Къ слѣдующей зимѣ число любителей такихъ чтеній сильно возросло. За чтеніемъ обыкновенно слѣдовали толки, дебаты, горячіе споры о «правой вѣрѣ», о священникахъ, объ иконахъ, храмахъ. Въ этихъ спорахъ все чаще и чаще начинали высказываться мнѣнія о томъ, что иконы—идолы, что храмы совсѣмъ не нужны «для спасенія», что священники поступаютъ вопреки евангелическому ученію и т. д.

Въ то же время многіе изъ посѣтителей этихъ чтеній начали все рѣже и рѣже посѣщать православную церковь, а вскорѣ затѣмъ и совсѣмъ перестали ходить въ нее. Когда ихъ спрашивали о причинѣ такого охлажденія къ церкви, то они обыкновенно отвѣчали: «не ходимъ потому, что тамъ—идолослуженіе».

Мѣстныя власти обратили вниманіе на сборища мужиковъ, сходившихся для чтенія и толкованія Священнаго Писанія. Къ сожалѣнію, эти власти не нашли ничего лучшаго, какъ произвести обыскъ и арестовать книги, которыя читали крестьяне на своихъ собраніяхъ,—не смотря на то что книги эти, изданныя или разрѣшенныя синодомъ, не могли, разумѣется, заключать въ себѣ ничего противозаконнаго. Понятно, что отъ подобныхъ мѣръ дѣло только обострилось.

Болѣе проникшіеся новыми взглядами, начали снимать у себя иконы въ избахъ, выносить ихъ вонъ и уничтожать. Они уже открыто порвали съ церковью всякую связь и начали называть себя «библейскимъ обществомъ», православные же стали величать ихъ иконоборцами, шалапутами, штундистами и проч. Такъ создалась секта.

Слѣдуетъ думать, что при этомъ дѣло не обошлось безъ вліянія со стороны. По слухамъ, первымъ распространителемъ новаго ученія былъ явившійся изъ Кіева на родину, въ село Любецъ, отставной солдатъ М. А... Сами же сектанты утверждаютъ, что ученіе ихъ возникло на мѣстѣ съ тѣхъ поръ, какъ они стали читать Библію на русскомъ языкѣ, принесенную однимъ изъ нихъ, Михаиломъ Кусакинымъ, изъ Мелитопольскаго уѣзда Таврической губ., куда онъ ходилъ на заработки.

Необходимо замѣтить, что крестьяне Трубчевскаго уѣзда находятся въ постоянномъ общеніи съ мѣстностями, лежащими по Деснѣ и по Днѣпру, а слѣдовательно и со всѣми почти уѣздами, гдѣ штунда получила начало и наибольшее распространеніе. Тѣмъ не менѣе до послѣдняго времени (до 1880 г.), въ Трубчевскомъ уѣздѣ не было ни малѣйшихъ признаковъ штундизма; причину этого видѣли въ томъ

обстоятельствѣ, что Трубчевскій уѣздъ населенъ исключительно великорусскимъ племенемъ. Всѣ считали, что штунда можетъ распространяться исключительно лишь между малороссами. Явленіе это обыкновенно объяснилось особенностями міровоззрѣнія обоихъ племенъ (*Южный Край* 1882 г. № 480, перепеч. изъ *Зари*). Однако факты дѣйствительной жизни вскорѣ показали полную несостоятельность и ошибочность такого взгляда: въ штунду начали переходить коренные великороссы орловцы.

Первыми прозелитами новаго ученія здѣсь явились крестьяне села Любецъ, лежащаго на Деснѣ, ниже гор. Трубчевска на 25 верстъ. Отсюда новое ученіе быстро перешло въ сосѣднія села: Сагутьево и Олишанку.

Составившись изъ людей малограмотныхъ, едва умѣющихъ читать, секта не могла конечно дать письменнаго изложенія своего ученія. Все свое ученіе сектанты заимствуютъ изъ Библіи; что же касается твореній святыхъ отцовъ и установленій вселенскихъ соборовъ, то они не считаютъ ихъ обязательными для христіанина. Въ доказательство этого они ссылаются на первые стихи 15-й главы Евангелія Матѳея; «старцы», о которыхъ упоминается во второмъ стихѣ этой главы, уподобляются сектантами святымъ отцамъ вселенскихъ соборовъ.

Однимъ изъ первыхъ проявленій отпаденія отъ церкви этихъ новыхъ отщепенцевъ было то, что они поснимали всѣ иконы, которыми еще такъ недавно старательно украшали свои избы, вынесли ихъ вонъ и уничтожили.

— Поклоняться иконамъ,—говорили они,—все равно, что поклоняться идоламъ. Прежде мы смотрѣли на икону какъ на Бога, а не какъ на изобра-

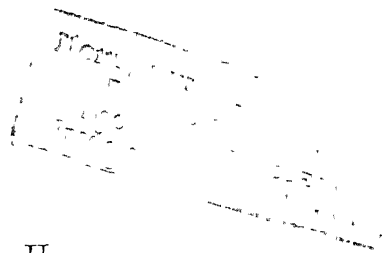
женіе Бога. Теперь изъ св. книгъ мы узнали истину и ужь больше не желаемъ поклоняться иконамъ.

На возраженіе, что разъ они пріобрѣли истинное представленіе о Богѣ, то могутъ поклоняться Ему, взирая на икону,—они отвѣчали: «нѣтъ, этого не можно,—смута въ умѣ бываетъ; для чего на икону взирать зря, коли узнали, что это не Богъ».

Далѣе они заявляли, что о почитаніи иконъ ничего не говорится въ Библіи, а по ихъ мнѣнію слѣдуетъ признавать лишь то, что прямо и ясно указано въ Библіи. Всѣ послѣдующія церковныя установленія сектанты отвергаютъ. О нерукотворномъ образѣ Спасителя сектанты говорятъ: «это вымышлено по человѣческому тщеславію». Въ оправданіе своихъ воззрѣній на инокопочитаніе, сектанты приводятъ множество цитатъ изъ Евангелія, Дѣяній апостоловъ, Посланій, изъ разныхъ псалмовъ, пророческихъ книгъ и проч. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ этихъ ссылокъ: Дѣян. Апост. глав. 17 ст. 29-й, Посланіе къ Римлян. гл. 1 ст. 23—25, первое Послан. къ Коринѳянамъ, гл. 8, ст. 5—6; Посланіе къ Галатамъ, гл. 4, ст. 8—9 и т. д.

Населеніе, оставшееся вѣрнымъ православной церкви, отнеслось крайне враждебно къ отрицанію иконъ со стороны этихъ отщепенцевъ. «Пока штундисты не снимали иконъ, сосѣди и всѣ вообще жители села, не соглашавшіеся съ новымъ ученіемъ, не обнаруживали ни малѣйшаго недоброжелательства противъ новаторовъ; но какъ только иконы были сняты, въ массѣ односельчанъ стали говорить о штундистахъ, какъ о богоотступникахъ, стали ихъ преслѣдовать на каждомъ шагу» *). Далѣе мы увидимъ, до какого ожесточенія доходили нерѣдко эти преслѣдованія.

*) *Южный Край* 1882 г. № 480-й.



II.

Ученіе и жизнь.

Въ Бога, Св. Троицу и Св. Духа сектанты вѣруютъ по писанію Изъ таинствъ они хотя и признаютъ: крещеніе, причащеніе, бракъ и елеосвященіе, но отнюдь не считаютъ ихъ безусловно необходимыми для человѣка. Если бы священникъ отказался по чему-нибудь окрестить младенца, то, по ихъ мнѣнію, можно оставить ребенка и некрещенымъ, безъ всякаго ущерба для его спасенія; также если бы священникъ не перевѣнчалъ брачущихся, то послѣдніе, не смотря на это, могли бы жить какъ мужъ и жена; для этого было бы вполнѣ достаточно прочитать имъ относящіяся къ браку мѣста Св. Писанія.

О таинствѣ покаянія сектанты говорятъ, что исповѣдываніе грѣховъ предъ Богомъ возможно и безъ всякаго посредства священника. Таинства муропомазанія и священства они отвергаютъ. Духовную власть отрицаютъ всякую, коль скоро она приневоливаетъ къ противному имъ.

Святыхъ, угодниковъ, пророковъ сектанты почитаютъ, но поклоненіе имъ отвергаютъ. О мощахъ

опредѣленно не высказываются, но полагаютъ, что все то, что тлѣнно, не можетъ не разрушиться Крестное знаменіе сектанты признаютъ.

На ангеловъ и дьявола сектанты смотрятъ духовно, разумѣя подъ ними доброе и злое направленія въ людяхъ. Объ антихристѣ сектанты также понимаютъ духовно, обозначая именемъ этимъ совокупность злыхъ дѣлъ на землѣ. «И теперь онъ есть въ мірѣ», говорятъ они, ссылаясь при этомъ на стихъ 3-й главы 4 й перваго посланія апостола Іоанна.

Постовъ сектанты не признаютъ, основываясь на извѣстномъ стихѣ Евангелія Матѳея, «не то, что входитъ въ уста оскверняетъ человѣка но то, что выходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка». (Глава 15-я, ст. 11-й).

Сектанты имѣютъ весьма неопредѣленное представленіе о загробной жизни, но тѣмъ не менѣе вѣруютъ въ воскресеніе всѣхъ людей съ плотію и въ страшный судъ. Что касается погребенія и похоронъ, то они находятъ возможнымъ совершать эти обряды безъ всякаго участія священника. Чтеніе Священнаго Писанія и молитвъ надъ мертвымъ считаютъ совершенно безполезнымъ и ненужнымъ. «Лучше живому человѣку читать Евангеліе», — говорятъ они. Точно также и поминки по усопшимъ они категорически отвергаютъ.

Къ видѣніямъ сектанты относятся весьма скептически, основываясь на главѣ 23-й ст. 25 — 28 книги пророка Іереміи

Православные храмы въ глазахъ сектантовъ не имѣютъ никакого обаянія. Прежде они посѣщали храмъ исключительно ради слушанія Св. Писанія, современемъ же совсѣмъ перестали ходить къ службѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе преслѣдованій

со стороны своихъ односельчанъ православныхъ, которые не могли простить имъ ихъ оскорбленій святыни (уничтоженіе иконъ и т. п.).

Какъ къ священникамъ, такъ и къ монахамъ, сектанты относятся съ недоброжелательствомъ. Недовольство это можно объяснить главнымъ образомъ двумя причинами: во-первыхъ, неумѣніемъ духовенства сколько-нибудь удовлетворительно разъяснить тѣ или другія мѣста Св Писанія, и во-вторыхъ, корыстолюбіемъ и поборами сельскаго духовенства.

— Пришелъ я разъ къ батюшкѣ,—разсказывалъ одинъ изъ сектантовъ, и спрашиваю: «растолкуйте мнѣ, молъ, батюшка, что это здѣсь про таланты пишется». А батюшка только посмѣивается, запустилъ руки въ карманы, побрякиваетъ денежками, да приговариваетъ: «вотъ они таланты... вотъ они!... Понимаешь теперь?...» Такъ вотъ онъ какой попъ, а мы его почитать должны, по писанію, какъ Іисуса Христа.

Въ другой разъ тотъ же батюшка, по всей вѣроятности, не будучи въ состояніи разрѣшить недоумѣній сектанта, бросилъ съ досадою Евангеліе на полъ, чѣмъ конечно страшно возбудилъ противъ себя всѣхъ сектантовъ.

Что касается поборовъ съ крестьянъ, то мѣстный пастырь не выдѣляется въ этомъ отношеніи особенною притязательностью; но сектанты, воспитавши въ себѣ духъ критики, подвергаютъ порицанію и незначительные поборы.

— У насъ,—жалуются они,—за молебенъ просто Николаю угоднику, если взять икону во дворъ, берутъ 20 коп., а за такой же молебенъ Николѣ явленному берутъ 30 коп.

Возмущаются сектанты и поведеніемъ монаховъ,

собирающихъ продукты (зерно, хлѣбъ и пр.) на Божію Матерь; особенно же ихъ возмущаетъ при этомъ обычный общеупотребительный возгласъ монаховъ при подобныхъ сборахъ: «прибавь на Божію Матерь!»

Подобные факты изъ области отношеній духовенства къ мірянамъ вызываютъ въ средѣ сектантовъ прямое и рѣзкое осужденіе православнаго духовенства. «Все зло отъ духовныхъ» — говорятъ сектанты о представителяхъ духовной власти.

Между сектантами все болѣе и болѣе упрочивается мысль, что прихожанамъ должно быть предоставлено право наблюдать за священникомъ и удалять его, если «онъ не будетъ поступать по Евангелію». Идеалъ же духовнаго пастыря, по мнѣнію сектантовъ, изложенъ въ первомъ посланіи апостола Павла къ Тимоѳею. «Епископъ долженъ быть непороченъ, одной жены мужъ, трезвъ, цѣломудренъ, благочиненъ, страннолюбивъ, учителенъ» и т. д. (Глава 3-я, стихи 2—12)

Свои воззрѣнія на духовенство сектанты подтверждаютъ слѣдующими мѣстами св. писанія: пр. Ісаіи гл. 56. ст 10—12, пр. Іезекіили главами 13 и 34, пр. Михея, гл. 3 и т. д.

Взаимныя отношенія сектантовъ весьма дружественныя. Помогать во всемъ другъ другу считается обязанностью въ ихъ кругу. Они не считаютъ предосудительнымъ пользоваться трудомъ наемныхъ рабочихъ но настаиваютъ на необходимости честно и вполнѣ добросовѣстно «разбираться съ батраками».

Отношенія членовъ семьи сектантской между собою вполнѣ мирныя, любовныя; главенство мужа въ семьѣ признается сектантами по писанію. Семейный разводъ допускается въ средѣ сектантовъ

только въ случаѣ прелюбодѣяніи одного изъ супруговъ.

Къ школамъ и ученью сектанты относятся сочувственно; никакого предубѣжденія противъ книгъ гражданской печати въ нихъ не замѣчается; также и разныя научныя занятія считаются полезнымъ дѣломъ.

Собственности сектанты не отвергаютъ. Къ преступленіямъ противъ права собственности относятся съ порицаніемъ. «Нужно не видѣть чужого, а жить своими трудами»,—говорятъ они Сословныя подраздѣленія, существующія въ современномъ обществѣ, сектантами признаются.

Верховную власть сектанты признаютъ: моленіе за Царя принимаютъ. Подати они уплачиваютъ, по возможности, исправно. Исполненіе воинской повинности не отвергаютъ.

«Присяга предъ Евангеліемъ должна быть искренняя»,—говорятъ сектанты Они не одобряютъ поступка одного изъ сектантовъ, который изъ опасенія новыхъ побоевъ со стороны своихъ односельчанъ, уступая требованію міра,—присягнулъ, что отступается отъ секты, оставаясь въ душѣ по-прежнему сторонникомъ новаго ученія. Но, беря во вниманіе, что поступокъ этотъ вызванъ былъ насиліемъ со стороны односельчанъ, сектанты извиняютъ его.

Пьянство и распутство считаются среди сектантовъ великимъ и тяжкимъ грѣхомъ и совершенно не замѣчаются у нихъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что ученіе сектантовъ далеко еще нельзя считать законченнымъ, отлившимся въ извѣстную форму; напротивъ, весьма многіе вопросы какъ религіозные, такъ и чисто житейскіе, жизненные, до сихъ поръ еще не выяснились для массы этихъ новыхъ отщепенцевъ. Тѣмъ

не менѣе броженіе растетъ, мысль усиленно работаетъ надъ рѣшеніемъ выдвинутыхъ жизнью вопросовъ: угадать въ настоящее время исходъ этого броженія довольно трудно, такъ какъ онъ въ значительной степени будетъ зависѣть, конечно, отъ тѣхъ вліяній, съ какими придется далѣе столкнуться этому теченію. Объ одномъ изъ такихъ вліяній, уже отразившемся на направленіи новой секты мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

III.

«Пашковскія брошюры» и духовные стихи.

Подъ именемъ такъ-называемыхъ «пашковскихъ брошюръ» въ публикѣ и въ народѣ были нѣкогда извѣстны различныя изданія «Общества поощренія духовно нравственнаго чтенія». Въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ въ газетахъ довольно часто встрѣчались извѣстія о появленіи и распространеніи этихъ брошюръ въ различныхъ мѣстахъ Россіи. Сообщалось также, что изданія эти чаще всего распространяются среди сектантскаго населенія,—среди штундистовъ, молоканъ, шалопутовъ и т. д.

Органы духовнаго вѣдомства отзываются критически объ этихъ брошюрахъ, усматривая въ нихъ пропаганду протестантскихъ идей и воззрѣній.

Идеи этихъ изданій отличаются крайне туманнымъ, заоблачнымъ мистицизмомъ, постояннымъ пареніемъ къ небу. Всѣ эти брошюры переполнены разсужденіями о суетѣ земной жизни и ея интересовъ, о великой радости, которая ожидаетъ людей за гробомъ, о необходимости всегда и непрестанно стремиться къ небу, прочь и дальше отъ этого грѣ-

ховнаго міра, утопающаго во злѣ и неправдѣ, и т. д., и т. д.

Изъ числа подобныхъ брошюръ къ трубчевскимъ штудистамъ попали слѣдующія: «Застигнутые въ расплохъ», «Радостная вѣсть», «Перекличка, или какъ-то будешь отвѣчать?», «Пшеница или солома», «Мытарь и фарисей», «Благодатное дитя», «Два богатства и истинная радость, или сила Божія въ дѣлѣ спасенія», «Маленькая Мэгъ и ея дѣти» и проч.

Нельзя однако сказать, чтобы всѣ эти книжки читались сектантами съ особенной охотой. Нѣсколько большій успѣхъ имѣютъ между ними сборники такъ-называемыхъ «духовныхъ стиховъ». Стихи эти они обыкновенно поютъ на своихъ собраніяхъ.

Общественное богослуженіе сектантовъ заключается въ томъ, что они, собравшись у кого-либо изъ своихъ и разсѣвшись по лавкамъ, читаютъ Священное писаніе и разныя книги религіознаго содержанія, а также поютъ хоромъ духовные стихи. Между ними распространены слѣдующіе сборники духовныхъ стиховъ:

1) «Любимые стихи», Спб., 1880 г., 2) «Радостныя вѣсти Сіона», Спб, 1882 г., и 3) «Голосъ вѣры, или собраніе духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ для пѣнія, для употребленія при общественномъ и домашнемъ богослуженіи христіанъ баптистскаго исповѣданія», изд. Н. И. Воронина, Тифлисъ, 1882 г.

Чтобы дать понятіе о содержаніи и общемъ характерѣ этихъ стиховъ, мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ и именно тѣ, которые чаще всего распѣваются сектантами на ихъ собраніяхъ. Вотъ напримѣръ одна изъ наиболѣе любимыхъ ими пѣсенъ.

Любитъ насъ Христосъ безмѣрно,
Какъ любитъ Онъ!
И всегда такъ нѣжно, вѣрно,
Какъ любитъ Онъ!
Счастье міра все ничтожно,
Разлюбить друзьямъ возможно,
Онъ же любитъ непреложно!
Какъ любитъ Онъ!

—

. . . . . .
Кто познать Христа желаетъ,
Какъ любитъ Онъ!
Миръ и радость тотъ узнаетъ.
Какъ любитъ Онъ!
Онъ врачуетъ всѣ страданья
И даруетъ оправданье,
Онъ намъ жизнь и упованье.
Какъ любитъ Онъ!

—

Всѣхъ къ себѣ Онъ призываетъ,
Какъ любитъ Онъ!
Въ свое царство принимаетъ,
Какъ любитъ Онъ!
Намъ блаженство обѣщая
И любовью окружая,
Онъ введетъ насъ въ двери рая!
Какъ любитъ Онъ!

Пѣніе всегда происходитъ хоромъ; всѣ напѣвы грустные, протяжные, часто трогательные.

Въ только-что приведенной пѣсни Христосъ рисуется врачемъ-исцѣлителемъ всѣхъ земныхъ страданій. Онъ призываетъ къ Себѣ *всѣхъ* людей, готовыхъ пойти за Нимъ, обѣщая имъ за это «блаженство», «любовь» и рай. Въ то же время проводится мысль о полной ничтожности всякаго счастія здѣсь, на землѣ. Вообще стремленіе къ небу и пренебрежительное, отрицательное отношеніе къ земнымъ интересамъ составляютъ обычные мотивы большей

части духовныхъ стиховъ. Иногда эти стихи излагаются въ формѣ діалоговъ.

„Ты куда идешь, скажи мнѣ,
Странникъ, съ посохомъ въ рукѣ?“
— „Дивной милостью Господней,
Къ лучшей я иду странѣ.
Черезъ горы и долины,
Черезъ степи и поля,
Чрезъ лѣса и чрезъ равнины
Я иду домой, друзья„.

—

„Странникъ, въ чемъ твоя надежда
Во странѣ твоей родной?“
— „Бѣлоснѣжная одежда
И вѣнецъ весь золотой.
Тамъ источники живые
И небесные цвѣты.
Я иду за Іисусомъ
Черезъ жгучіе пески“.

—

„Страхъ и ужасъ незнакомы
Развѣ на пути тебѣ?“
— „Ахъ, Господни легіоны
Охранятъ меня вездѣ!
Іисусъ Христосъ со мною,
Онъ направитъ Самъ меня,
Неуклонною тропою,
Прямо. прямо въ небеса“.
„Такъ возьми-жъ меня съ собою,
Гдѣ чудесная страна!“
— „Да, мой другъ, пойдемъ со мною,
Вотъ тебѣ моя рука.
Недалеко ужъ родная
И желанная страна;
*Вѣра чистая, живая
Насъ введетъ съ тобой туда*“.

Мысль о томъ, что «для спасенія», для достиженія «небесъ» прежде всего нужна вѣра, «вѣра чистая, живая», при чемъ о дѣлахъ, о жизни совре-

шенно умалчивается,—эта мысль неизмѣнно высказывается въ ученіяхъ всѣхъ піэтическихъ сектъ Хотя наши русскіе піэтисты и говорятъ, что они отнюдь не отрицаютъ дѣлъ и жизни и что «хорошія дѣла», «хорошая жизнь» неизбѣжно явятся прямымъ, естественнымъ результатомъ «вѣры чистой и живой», тѣмъ не менѣе во главѣ угла они все-таки ставятъ не жизнь, не дѣятельность человѣка, не его служеніе добру и справедливости, а его вѣру.

Знакомясь съ «духовными стихами», вы невольно убѣждаетесь, что авторами ихъ были мистики-піэтисты, для которыхъ совершенно чужды всякія идеи и представленія о необходимости активной, дѣятельной борьбы со зломъ, царящимъ въ мірѣ, здѣсь на землѣ. Ни въ одномъ изъ этихъ стиховъ вы не найдете сколько-нибудь прямаго, опредѣленнаго указанія на обязанность каждаго человѣка, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать успѣху великой борьбы съ неправдой, создавшей нищету, рабство, гнетъ и невѣжество массъ.

Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи можетъ съ перваго взгляда показаться слѣдующее стихотвореніе, часто распѣваемое сектантами.

О, товарищи, смотрите,
Съ неба данъ сигналъ;
Новые полки, глядите,
Намъ Господь послалъ.
„Крѣпость мою не сдавайте,
Скоро я прійду!“
Вы на небо отвѣчайте
„Не сдадимъ врагу.“
Вотъ идутъ полки чужіе,—
Сатана ведетъ;
Братья падаютъ родные,
Страхъ ужь всѣхъ беретъ.
Крѣпость мою не сдавайте
и т. д.

Знамя выше подымите,
Слушайте трубу,
Смѣло, дружно всѣ бѣгите
Въ божію войну!
Крѣпость мою и т. д.
Длится бой, полки рѣдѣютъ,
Помощь ужь близка
Не сдаются, не робѣютъ
Воины Христа.
Крѣпость мою и т д.
Вотъ идетъ Господь нашъ съ неба,
Легіоны съ Нимъ!
Съ Нимъ и радость и побѣда, —
Славу воздадимъ!
„Крѣпость мою не сдавайте,
Вотъ ужь Я иду!“
Вы на небо отвѣчайте.
„Не сдали врагу!“

Ясно, однако, что здѣсь и «войну», и призывы къ «бою» нужно понимать духовно: все это не болѣе какъ простая аллегорія въ основѣ которой лежитъ все та же идея туманнаго, безформеннаго мистицизма. Наиболѣе же яркимъ, характернымъ и типичнымъ изъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ сектантами, можетъ служить слѣдующій «любимый стихъ».

Поднимите меня выше
Надъ землей грѣха и тьмы,
Ко Христу несите ближе,
На Голгоѳы высоты!

—

Сонмы ангеловъ слетите
Отнести меня туда,
На Распятаго воззрите
Онъ меня спасъ навсегда.

—

Выше, выше поднимите,
Слышу вопль земныхъ скорбей,

Къ Нему ближе отнесите
Отъ мучительныхъ огней.

—

Сонмы ангеловъ слетите
На Ѳаворъ нести меня,
Его славу докажите·
Скорби всѣ забуду я

—

Еще выше поднимите
Надъ всей міра суетой;
На Сіонъ меня несите
Въ радость вѣчной славы той,

—

Сонмы ангеловъ слетите
Отнести меня въ покой;
Врата славы отворите
Ждетъ меня Спаситель мой!

Итакъ земля, это—царство «грѣха и тьмы», царство суеты, мучительныхъ скорбей и воплей. Отсюда—страстное стремленіе «подняться выше», на Ѳаворъ, на Сіонъ, словомъ подальше отъ міра, подальше отъ «земныхъ скорбей» и воплей, — туда, гдѣ ждетъ всѣхъ людей какое-то невѣдомое, таинственное счастіе, довольство и покой.

IV.

Судъ.

Въ одну изъ сессій орловскаго окружнаго суда, имѣвшаго засѣданія въ гор. Трубчевскѣ въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1883 года, разсматривались между прочимъ два дѣла о штундистахъ: первое—о крестьянинѣ Фескинѣ, второе—о крестьянахъ села Любецъ Григоріи и Лаврентіи Ероховыхъ *), обвинявшихся въ распространеніи вреднаго вѣроученія и иконоборствѣ.

Зала суда была переполнена слушателями, интересовавшимися сущностью ученія штундистовъ и съ большимъ вниманіемъ слѣдившими за ходомъ процесса.

Подсудимые—крестьяне среднихъ лѣтъ, неграмотные, но знающіе на память многія мѣста изъ Св. Писанія; во время процесса и въ разговорѣ съ частными лицами они часто приводятъ тексты изъ Евангелія, Пророчествъ и Псалтири; Библію и Евангеліе имѣютъ при себѣ и безошибочно открываютъ

*) Въ корреспонденціи изъ Трубчевска, помѣщенной въ № 25-мъ *Недѣли* за 1883 г.,—откуда мы и заимствуемъ нѣкоторыя подробности объ этомъ процессѣ,—Ероховы ошибочно названы Еропкиными.

ихъ на тѣхъ страницахъ, которыя цитируютъ. Держатъ себя на судѣ скромно, но съ достоинствомъ; отвѣчаютъ на вопросы охотно и съ убѣжденіемъ, не оправдываясь и не боясь наказанія

— Почитаете ли вы иконы?—спрашивалъ предсѣдатель подсудимыхъ.

— Нѣтъ, не почитаемъ,—отвѣчали подсудимые.

— Ходите ли вы въ церковь?

— Прежде ходили, а теперь нѣтъ

— Почему же вы перестали ходить?

— А чего же ходить туда? Духовенство за все деньги проситъ

— Креститесь ли вы?

— Какъ же, — отвѣчаютъ подсудимые и начинаютъ креститься.

— Говѣете ли? Ходите ли къ исповѣди и св. причастію?

— Нѣтъ, теперь не говѣемъ, къ причастію не ходимъ.

Подсудимые порывались было подробно изложить свое ученіе, но предсѣдатель счелъ почему-то нужнымъ отклонить это.

Одинъ изъ свидѣтелей, учитель народнаго училища, Звѣревъ, такъ разсказывалъ на судѣ о своемъ посѣщеніи дома штундиста Григорія Ерохова въ 1881 году: «Пріѣхавъ на праздникъ къ отцу въ село Любцы и узнавъ о появленіи тамъ какой-то новой вѣры, я въ первый день праздника Рождества Христова пошелъ въ домъ сектанта Ерохова. Хозяинъ сидѣлъ за столомъ; рядомъ съ нимъ мальчикъ лѣтъ 12 вслухъ читалъ нагорную проповѣдь; кругомъ сидѣли и стояли взрослые и малолѣтніе крестьяне, числомъ *до пятидесяти*, и всѣ внимательно слушали. Я поклонился хозяину, который въ отвѣтъ любезно пригласилъ меня сѣсть и послушать то, что́ они чи-

таютъ. Я спросилъ хозяина «скажите, отчего у васъ нѣтъ иконъ?» Тотъ отвѣчалъ: «иконъ мы не почитаемъ, потому что во 2-й заповѣди сказано: не сотвори себѣ кумира.. » «Кромѣ того Ероховъ дѣлалъ ссылки на пророчество Исаіи, 95 псаломъ Давида и другія мѣста Библіи».

Большая часть свидѣтелей, крестьянъ того же села, давала показанія не столько о подсудимыхъ, сколько о себѣ, заявляя, что они, свидѣтели, также *въ церковь не ходятъ и иконъ не почитаютъ*

Судъ призналъ Ероховыхъ и Фескина виновными въ распространеніи штунды и приговорилъ ихъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край. Приговоръ этотъ произвелъ на подсудимыхъ совершенно неожиданное впечатлѣніе: они искренно обрадовались. Больше всего они боялись, чтобы судъ не вынесъ имъ оправдательнаго вердикта и тѣмъ не лишилъ бы ихъ возможности переселиться на новыя земли.

По окончаніи процесса, нѣсколько крестьянскихъ семействъ обратились къ судьямъ съ заявленіемъ, что они также штундисты, и просили сослать ихъ на Кавказъ, «потому что *отъ безземелья и разныхъ притѣсненій имъ житья не стало*».

Такимъ образомъ ни судъ, ни суровое наказаніе, которому подверглись подсудимые, не только не достигли цѣли, во имя которой возбуждено было преслѣдованіе противъ сектантовъ, но совершенно напротивъ вызвали какъ разъ обратные результаты. Ссылка въ отдаленный, незнакомый край не только не пугаетъ сектантовъ, но является въ ихъ глазахъ желаннымъ исходомъ, избавленіемъ отъ тѣхъ тяжелыхъ условій, которыя окружаютъ ихъ на родинѣ.

Тяжесть этихъ условій, судя по заявленіямъ самихъ же сектантовъ, заключается съ одной стороны въ чисто экономическихъ, аграрныхъ причи-

нахъ, болѣе или менѣе общихъ для всего крестьянства, съ другой — въ тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя постоянно приходится испытывать имъ какъ отъ лицъ власть имущихъ, такъ и отъ своихъ же односельчанъ-православныхъ. Послѣ суда и вынесеннаго имъ обвинительнаго приговора положеніе сектантовъ еще болѣе ухудшилось.

«Житье наше тяжелое», — жалуются теперь сектанты: «нынѣ и сосѣдямъ заказано бывать у насъ». Мало этого: они лишены даже возможности переписываться со своими единовѣрцами, сосланными въ Закавказье, такъ какъ письма, адресуемыя къ нимъ, попадаютъ сначала къ мѣстному волостному старшинѣ, который *каждый разъ безпощадно уничтожаетъ ихъ* *).

До чего иногда доходитъ враждебное отношеніе православныхъ къ сектантамъ, показываетъ между прочимъ слѣдующій случай. Въ праздникъ св. Николая чудотворца, 6-го декабря, нѣсколько сектантовъ собрались въ гости къ одному изъ своихъ для духовной бесѣды. Односельцы ихъ, узнавъ объ этомъ собраніи, послали десятскаго взять ихъ въ холодную; сектанты были посажены въ арестантскую и здѣсь сильно избиты. Чтобъ избавиться отъ побоевъ и успокоить расходившихся буяновъ, одинъ изъ сектантовъ, Кондратій Андрейчиковъ, долженъ былъ поставить имъ ведро водки. Только послѣ того, какъ онъ вынулъ имъ деньги — 5 руб. 40 коп, — избіеніе было прекращено и сектантовъ отпустили по домамъ.

Какъ извѣстно, совершенно аналогичные факты имѣли мѣсто и въ другихъ пунктахъ распростране-

*) Нельзя не пожелать, чтобы мѣстныя власти положили конецъ столь наглому и возмутительному самодурству.

нія штунды. Читатели вѣроятно еще не забыли глубоко возмутительное дѣло, разбиравшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ елисаветградскомъ окружномъ судѣ,—дѣло объ истязаніи штундистовъ мѣщанами города Вознесенска и крестьянами изъ окрестныхъ мѣстъ. Какъ выяснилось на судѣ, истязаніе это произведено было по иниціативѣ сельскаго старосты

Газета *Заря* сообщала изъ Чигиринскаго уѣзда, что быстрое развитіе штундизма въ этомъ уѣздѣ также вызываетъ противодѣйствіе нѣкоторыхъ крестьянскихъ обществъ. Такъ, въ деревнѣ Мудровкѣ крестьяне составили словесный приговоръ о томъ, чтобы побить штундистовъ. Штундисты въ крайнемъ увлеченіи стали бить свои иконы, выбрасывать ихъ на улицу. И вотъ толпа православныхъ съ огромными пучками прутьевъ вламывается въ хату штундиста и послѣ вопросовъ объ иконахъ валитъ штундиста на землю и начинается порка. Озлобленные только прислушивались, дышетъ-ли истязуемый, и продолжали сѣчь до устали.

Кучка фанатиковъ обошла всѣхъ штундистовъ. Но ни одинъ изъ штундистовъ не издалъ даже стона подъ розгами, не говоря уже о крикахъ. Высѣченный, вставая изъ-подъ розогъ, спрашивалъ истязателей: «а що, вже кончили?» — «Вже» — «Ну, спасибі вамъ за честь»,—говорилъ штундистъ. Кончили порку и пошли прохлаждаться въ шинокъ. Истязаніе не прошло безъ послѣдствій: многіе изъ склонныхъ къ штундизму ускорили свой переходъ послѣ истязанія.

Такой же точно результатъ получался до сихъ поръ въ итогѣ и отъ разныхъ репрессивныхъ мѣръ, направлявшихся противъ штундизма со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей. Такъ, изъ Кіева два года назадъ сообщали: «Много потрачено было

бумаги на всевозможныя «отношенія», «приказы», «разслѣдованія» и пр., касавшіеся штундизма: много потрачено времени на монастырскія и консисторскія «увѣщанія»; немало штундистовъ было въ «холодныхъ» и въ тюрьмѣ, но все это ни къ чему не повело въ смыслѣ обращенія въ лоно православія. Въ 1874—75—76 годахъ наиболѣе энергично преслѣдовали штундистовъ, но въ этотъ же самый періодъ наиболѣе развился штундизмъ; онъ пустилъ глубокіе корни не только въ Таращанскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ, но также и въ уѣздахъ Сквирскомъ, Бердическомъ и Васильковскомъ»[1]).

Итакъ преслѣдованія, откуда бы они ни исходили, способствуютъ лишь усиленію штунды, но затѣмъ все таки остается вопросъ: въ чемъ же кроются главныя коренныя причины возникновенія и быстраго развитія штундизма? Въ 1880 г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П Побѣдоносцевъ, послѣ объѣзда имъ Волынской и Кіевской губерній и послѣ ближайшаго ознакомленія съ духовенствомъ, высказалъ представителямъ послѣдняго, что «возникновеніе въ краѣ штундизма имѣетъ связь съ характеромъ отношеній пастырей къ прихожанамъ» и что «ослабленіе штундизма можетъ быть достигнуто улучшеніемъ этихъ отношеній». Самыя же отношенія пастырей къ прихожанамъ г. оберъ-прокуроръ назвалъ «отношеніями прискорбнаго свойства».

Въ подтвержденіе мысли, высказанной г. Побѣдоносцевымъ, можно привести множество фактовъ и данныхъ. Такъ, напримѣръ, въ составленномъ полиціею протоколѣ о появленіи штундизма въ трехъ селеніяхъ Чигиринскаго уѣзда значилось, что штундизмъ развился «вслѣдствіе вымогательства церков-

---

[1]) *Порядокъ*, 1881 г., № 233.

наго причта». «Якъ намъ жить въ православіи, колы къ ему нема доступу. Все берутъ гроші»,—показывалъ при этомъ одинъ изъ штундистовъ.

По словамъ одного корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, штундисты откровенно сознавались ему, что они *сильны главнымъ образомъ своею внутреннею общинною организацією*, которая тѣмъ охотнѣе принимается, чѣмъ болѣе стараются ихъ преслѣдовать. «Достаточно общинѣ узнать, что въ такой-то деревнѣ появилось нѣсколько штундистовъ, какъ тотчасъ же посылается туда на общій счетъ проповѣдникъ, который, если сочтетъ необходимымъ, можетъ и поселиться въ томъ селеніи, гдѣ есть надежда на прозелитовъ. Заѣзжаго проповѣдника община содержитъ нѣсколько времени на свой счетъ; такимъ же образомъ встрѣчаетъ она заѣзжихъ обыкновенныхъ штундистовъ».

Далѣе, если нѣкоторые изъ членовъ общины не въ состояніи заплатить недоимки по тѣмъ или другимъ сборамъ, — община немедленно является къ нимъ на помощь и платитъ за нихъ. Бывали случаи, что такимъ путемъ нѣкоторые штундисты избавлялись и отъ частныхъ долговъ; поэтому штундистъ обыкновенно не долженъ ни казнѣ, ни владѣльцу за землю.

— «Самая трудная наша обязанность»,—откровенно заявлялъ одинъ полицейскій дѣятель,—«это взысканіе казенныхъ подушныхъ и поземельныхъ сборовъ; но штундисты платятъ исправно, и въ данномъ случаѣ желательно, чтобы всѣ были штундисты*).

Въ Херсонской губерніи, — по сообщенію газ. *Заря*, — существуютъ слѣдующіе виды помощи, ока-

---

*) *Недѣля*, 1877 г., № 3, перепеч. изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*.

зываемой со стороны штундистской общины отдѣльнымъ лицамъ, изъявившимъ желаніе поступить въ секту. Желающій поступать въ штундизмъ узнаетъ, гдѣ живетъ кассиръ общины. Затѣмъ является къ кассиру который и заноситъ его въ книгу. «Когда записывался разскащикъ, было уже записанныхъ около 10.000, года два назадъ. Если новичекъ — бѣднякъ или раззорившійся, то ему выдаютъ пособіе годичное, въ размѣрѣ 300 р., или по 25 р. въ мѣсяцъ, пока тотъ не обзаведется хозяйствомъ».

Опредѣлить точное число штундистовъ въ Трубчевскомъ уѣздѣ весьма трудно, такъ какъ многіе изъ нихъ скрываютъ свою принадлежность къ новому ученію. *Открытыхъ* приверженцевъ штунды въ селѣ Любцѣ считается до 25 душъ мужчинъ и женщинъ; число же ихъ въ селѣ Сагутьевѣ, по всей вѣроятности, значительно болѣе. Объ этомъ можно заключить по слѣдующему факту. Оба крестьянскія общества—и Любецкое, и Сагутьевское—составили мірскіе приговоры, въ которыхъ изложили ходатайство объ удаленіи изъ своей среды болѣе ревностныхъ послѣдователей новаго ученія, при чемъ въ Любецкомъ обществѣ таковыхъ оказалось *пять* домохозяевъ **), а въ Сагутьевскомъ *шестнадцать*. О числѣ штундистовъ въ селѣ Олишанкѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Что касается числа *тайныхъ* послѣдователей новаго ученія, то опредѣлить его даже приблизительно невозможно, главнымъ образомъ потому, что сектанты, изъ боязни насилій и преслѣдованій со стороны своихъ односельцевъ, стараются тщательно скрывать свои религіозныя воззрѣнія. Односельчане-же, страшно озлобленные противъ сектан-

**) Вотъ ихъ фамили. Кондратій Андрейчиковъ, Михаилъ Кусакинъ, Егоръ Пакухинъ, Иванъ Сивцевъ и Маргинъ Шевелевъ.

товъ за оскорбленіе святыни (выбрасываніе и уни чтоженіе иконъ) —какъ мы видѣли,—нерѣдко прибѣгаютъ къ грубымъ насиліямъ надъ штундистами

Бывали случаи, когда міряне призывали нѣкоторыхъ изъ штундистовъ на сходъ и сильно избивали ихъ, а у одного изъ сектантовъ, Михаила Кусакина (онъ-же Здоровцевъ), самовольно отняли обработанный имъ участокъ нивы, около $^3/_4$ десятины, и отдали его за водку кому хотѣли, по своему усмотрѣнію. Отсюда вполнѣ понятно, что многіе изъ штундистовъ, изъ боязни вызвать противъ себя озлобленіе міра, всячески скрываютъ свою принадлежность къ новой сектѣ.

Новое ученіе имѣетъ успѣхъ и среди зажиточныхъ, и среди бѣдныхъ людей; послѣдніе, впрочемъ, охотнѣе и въ большемъ количествѣ пристаютъ къ штундѣ. Для распространенія своего ученія сектанты первое время собирались около церкви послѣ службы, а также на дому Григорія Ерохова (теперь осужденнаго), гдѣ и происходили чтенія и разъясненія Священнаго Писанія.

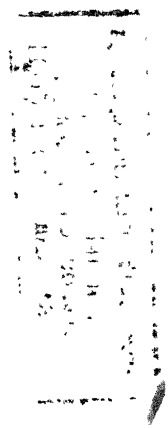
— «Не слѣдуетъ скрывать истину, — говорили сектанты по этому поводу: кто обращается за писаніемъ, каждому надо дать отвѣтъ». И оправданіе такому образу дѣйствій они также находили въ Священномъ Писаніи именно въ слѣдующихъ мѣстахъ Еванг. отъ Матѳея, гл. 25. ст. 14 – 30 (притча о талантахъ) и Еванг. Луки, гл. 19, ст. 12—26 (притча о минахъ).

Теперь же, послѣ суда, и цѣлаго ряда преслѣдованій со стороны мѣстныхъ, главнымъ образомъ духовныхъ властей и своихъ же односельчанъ православныхъ, сектанты стали болѣе осторожны, болѣе скрытны. Но въ то же время отношенія ихъ къ православной церкви приняли еще болѣе острый харак-

теръ. Для назиданія сектантовъ, вѣроятно по назначенію епархіальной власти, въ село Любецъ два раза пріѣзжалъ священникъ изъ другого села; но его увѣщанія не оказали никакого вліянія: избіенія и преслѣдованія ожесточили сектантовъ и окончательно утвердили ихъ въ убѣжденіи, что ихъ вѣра— «правая вѣра».

Москва.
15 февраля 1884 года.

Бѣлоризцы.



БѢЛОРИЗЦЫ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Первая встрѣча.

Шедшій «съ низу» Волги самолетскій пароходъ причалилъ къ пристани, подъ Симбирскомъ... Былъ десятый часъ утра.

Отъ пароходныхъ пристаней путь въ городъ Симбирскъ, расположенный на высокомъ берегу Волги, идетъ по Петропавловскому спуску, сравнительно довольно благоустроенному. Извозчикъ на хорошей, рослой полукровкѣ, но въ старой, донельзя обшарпанной пролеткѣ, повезъ меня въ городъ.

Со временъ Гончаровскаго «Обрыва», Симбирскъ и его окрестности считаются едва-ли не самой красивой мѣстностью по Волгѣ. Сады, состоящіе изъ яблонь, вишень и грушъ, почти сплошь покрываютъ скаты высокой, въ 70 саженъ горы, на вершинѣ которой среди зелени виднѣются городскія церкви и разныя зданія.

Я невольно любовался яркою зеленью садовъ, поэтическими обрывами и широкимъ видомъ на Волгу, который разстилался предо мной. Внизу, за песчаною косой, тамъ, гдѣ Волга дѣлаетъ крутой поворотъ, виднѣлась обширная пойма, по которой какъ куски разбитаго зеркала, были разбросаны маленькіе, сверкавшіе на солнцѣ озерки.

Мы уже проѣхали около половины «спуска», какъ вдругъ увидали группу женщинъ, шедшихъ намъ на встрѣчу,—группу, которая невольно обращала на себя вниманіе.

Всѣ женщины, бывшія въ этой группѣ, не смотря на разницу въ возрастѣ, были одѣты совершенно одинаково, а именно во все бѣлое. На нихъ были бѣлыя юбки, бѣлыя кофты, бѣлые платки на головахъ и, наконецъ, бѣлые передники или фартуки.

Сначала я подумалъ было, что это изъ какой-нибудь больницы или богадѣльни, но извозчикъ, обращаясь ко мнѣ и кивая на группу, сказалъ

— Смотрите, баринъ,—бѣлоризцы идутъ...

Тутъ только я вспомнилъ, что въ садахъ, идущихъ отъ Симбирска къ Волгѣ, живутъ, между прочимъ, послѣдователи секты, извѣстной подъ именемъ бѣлоризцевъ.

Замѣтивъ любопытство, съ которымъ я разсматривалъ проходившую мимо меня группу, извозчикъ пояснилъ мнѣ, что бѣлоризцы, какъ женщины, такъ и мужчины, всегда,—лѣтомъ и зимой одѣваются во все бѣлое и притомъ «во все самодѣльное».

— То есть какъ самодѣльное?—спрашиваю я.

— Стало быть ничего изъ платья они себѣ не покупаютъ: все у нихъ свое, собственное. Бабы ткутъ полотно, шьютъ рубахи, мужики приготовляютъ овчину, дубятъ, валенки дѣлаютъ... И все бѣ-

лое: бѣлый полушубокъ, бѣлые валенки, бѣлыя шапки—войлочныя али тамъ барашковыя...

Я спросилъ. много-ли здѣсь бѣлорызцевъ?

— Нѣтъ, немного,—отвѣчалъ извозчикъ,—домовъ съ десятокъ, пожалуй, наберется, не больше.

— Чѣмъ же они занимаются?

— Садами... Въ садахъ живутъ здѣсь по подгорью... сады у нихъ большіе . А по праздникамъ все книги читаютъ. Книгъ у нихъ—страсть много! Сложить всѣ ихъ книги въ одно мѣсто—въ эту избу не войдетъ,—говорилъ извозчикъ, указывая на избу въ три окна, мимо которой мы проѣзжали въ ту минуту.

— Да, все, значитъ, правильную вѣру выискиваютъ, — продолжалъ извозчикъ. — Которые побогаче, тѣ по разнымъ святымъ и другимъ прочимъ мѣстамъ ходили. Все, стало быть, пытали: какая, молъ, вѣра самая-то есть правильная?.. Другіе, можетъ весь вольный свѣтъ наскрозь прошли. Все искамши вѣры.

— Ну и что же они выискали? спросилъ я.

— А выискали они, что безъ церкви никакъ невозможно... Невозможно, стало быть, спастись безъ церкви. Должна быть церковь. . И вѣдь съ этихъ самыхъ поръ начали ходить въ нашу церковь.

— Всѣ?

— Ну, гдѣ всѣ .. такъ, небольшая часть. Ходятъ въ церковь, поютъ на клиросѣ, читаютъ апостола... Однимъ словомъ какъ слѣдуетъ быть православнымъ... Ну, а бѣлой одежи не бросаютъ: какъ и прежде, ходятъ во всемъ въ бѣломъ.

— А прежде они въ церковь не ходили?

— И въ церковь не ходили и поповъ къ себѣ не принимали.

— Ну, а какъ они живутъ: бѣдно или зажиточно? — спросилъ я.

— Хорошо живутъ, въ достаткѣ... Садами занимаются, ягоды продаютъ Самый богатый бѣлоризецъ, Писцовъ, много садовъ скупилъ и всѣхъ своихъ сыновей садами надѣлилъ.. Богатѣй!.. Онъ у нихъ главный...

— Недавно они,—помолчавъ, продолжалъ извозчикъ,—склонили въ свою вѣру одного нашего извозчика. Да, что-же бы вы думали, сдѣлался бѣлоризцемъ, одѣлся во все бѣлое. Но скоро одумался, бросилъ, потому всѣ начали смѣяться: извозчикъ и вдругъ бѣлоризецъ! Не идетъ это нашему брату... не пристало...

Пріѣхавъ въ Симбирскъ я продолжалъ интересоваться бѣлоризцами, разспрашивалъ о нихъ мѣстныхъ жителей, при чемъ почти всѣ отзывы были въ пользу этихъ «сектантовъ». «Бѣлоризцы—народъ весьма добросовѣстный,—говорили мнѣ съ разныхъ сторонъ,— при наймѣ на работу въ садахъ, напримѣръ, они работаютъ лучше всѣхъ другихъ. Вообще на нихъ можно положиться. «Всякое слово ихъ свято».—«Бѣлоризецъ никогда тебя не обманетъ» и т. д.

Затѣмъ я узналъ, что среди здѣшнихъ бѣлоризцевъ есть небольшая группа, которая отвергаетъ непремѣнное ношеніе бѣлой одежды, но въ то же время раздѣляетъ всѣ остальные взгляды этого ученія.

Желая поближе и обстоятельнѣе познакомиться съ бѣлоризцами, съ сущностью ихъ ученія и исторіей его возникновенія, я прежде всего обратился къ литературѣ по этому предмету. По справкамъ, вскорѣ, однако, выяснилось, что литература эта болѣе чѣмъ не богата.

II.

Донскіе и владимірскіе бѣлоризцы

О сектѣ бѣлоризцевъ мнѣ приходилось читать уже давно. Въ нашей печати объ этой сектѣ имѣется нѣсколько газетныхъ статей и замѣтокъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ на протяженіи послѣднихъ сорока лѣтъ. Изъ этихъ статей можно видѣть, что бѣлоризцы встрѣчаются какъ на югѣ Россіи—въ Донецкомъ округѣ, такъ и въ центрѣ ея, а именно въ Владимірской губерніи. Свѣдѣнія о донскихъ бѣлоризцахъ впервые появились въ печати въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ газетѣ «Наше Время» (1862 г. № 181).

Судя по этому сообщенію, секта бѣлоризцевъ возникла въ 1836 или 1837 году въ деревнѣ Садкахъ, Донецкаго округа. Основателемъ ея былъ маляръ Борисъ Маргуновъ. Послѣдователи новой секты называли себя бѣлоризцами, такъ какъ, «ходить во всемъ бѣломъ признавалось главнымъ основаніемъ новаго вѣрованія».

«Все черное,—говорили донскіе бѣлоризцы,—происходитъ отъ чернаго духа, отъ дьявола. Въ бѣлыхъ-же одеждахъ летаютъ ангелы божіи по под-

небесью, въ бѣлыхъ же ризахъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ положенъ во святой гробъ».

На этомъ основаніи они жгли или топили въ рѣкѣ черную одежду; затѣмъ, старались освободиться отъ вороныхъ лошадей, отъ чернаго рогатаго скота и овецъ, которыхъ они продавали за безцѣнокъ, а болѣе ревностные изъ нихъ — убивали.

Когда къ маляру присталъ мѣстный священникъ, то число послѣдователей новой секты начало быстро увеличиваться. Каждую ночь они собирались въ домѣ основателя секты, гдѣ совершалось особеннаго рода богослуженіе. Всѣ присутствующіе, мужчины и женщины, были въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, родъ рубахъ Обязанности священника исполнялъ Маргуновъ. Иконы, которымъ они молились, были безъ оправъ и украшеній, евангеліе — безъ переплета.

«Спаситель былъ распятъ на деревѣ, — говорили донскіе бѣлоризцы, — поэтому и икона должна быть проста, на доскѣ, безъ всякихъ украшеній. Это самое относится и къ евангелію, такъ какъ и ему молятся наравнѣ съ иконами».

Маргуновъ, какъ увѣряли, творилъ какія-то чудеса, о которыхъ автору замѣтки не удалось, однако, узнать ничего положительнаго.

Съ годъ бѣлоризцы жили тихо, и бдительное начальство ничего не подозрѣвало... Но жены бѣлоризцевъ, основываясь на ученіи Маргунова, стали ослушаться своихъ мужей, мужья стали ихъ бить. Пошли жалобы и такимъ путемъ начальство разузнало все. Началось дѣло.

Первымъ поплатился священникъ, который присталъ къ сектѣ; онъ былъ разжалованъ и сдѣланъ звонаремъ. Маляръ Маргуновъ былъ посаженъ въ тюрьму, но затѣмъ вскорѣ выпущенъ. Говорятъ,

что его призывалъ къ себѣ покойный донской архіерей А., надѣясь вразумить его, но не успѣлъ въ этомъ, такъ и отпустилъ съ миромъ.

По словамъ автора корреспонденціи, Маргуновъ много читалъ священныхъ книгъ и имѣлъ даръ убѣждать людей, вліять на нихъ. Въ доказательство этого приводится слѣдующій случай Маргуновъ полюбилъ жену одного казака, въ свою очередь и та его полюбила. Долго они хранили въ тайнѣ свою связь; наконецъ, открылись мужу, причемъ Маргуновъ сумѣлъ убѣдить казака, что женщина можетъ и должна принадлежать только тому, кого она любитъ и кто любитъ ее взаимно. Казакъ такъ увѣрился въ справедливость словъ маляра, что уступилъ ему свою жену, а самъ отправился жить въ шахты.

Въ 1858 году Борисъ Моргуновъ жилъ въ Новочеркасскѣ и писалъ иконы, на которыхъ всѣ святые, безъ различія, изображались съ русыми волосами и въ голубой или красной одеждѣ, потому-что голубой цвѣтъ—небесный цвѣтъ, а красный—происходитъ отъ крови Господней.

По сообщенію замѣтки, бѣлоризцы и въ 1862 году были на Дону; но они боятся ходить во всемъ бѣломъ, носятъ и черный цвѣтъ, но за то та часть одѣянія, которая прикасается непосредственно къ тѣлу, всегда или бѣлая, или же подшита бѣлымъ [1]).

Этими краткими, отрывочными данными и ограничиваются свѣдѣнія, проникшія въ печать относительно донскихъ бѣлоризцевъ [1]). По этимъ свѣдѣніямъ, невозможно, конечно, составить себѣ пред-

[1]) „Наше Время", 1862 г. № 181.

[2]) Приведенное нами сообщеніе „Нашего Времени" было перепечатано „Сѣверной Пчелой"—(1862 г. № 248) и "Одесскимъ Вѣстникомъ" (1862 г № 106), но при этомъ никакихъ новыхъ свѣдѣній о бѣлоризцахъ не было приведено.

ставленіе о сущности и характерѣ ученія донскихъ бѣлорпзцевъ.

Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ печати относительно владимірскихъ бѣлорпзцевъ. Въ газетѣ «Голосъ» (1868 г. № 122) была напечатана статья г Л-ва: «Секта бѣлоризцевъ», въ которой разсказывалось о появленіи этой секты въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ среди крестьянъ Судогодскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Матеріаломъ для статьи г. Л-ва, очевидно, послужило слѣдственное дѣло, возникшее по поводу появленія секты бѣлорпзцевъ въ названномъ уѣздѣ Пользуясь этой статьей, мы познакомимъ читателей съ владимірскими бѣлоризцами. По словамъ г. Л-ва, секта эта была обнаружена при слѣдующихъ условіяхъ.

Государственный крестьянинъ Судогодкаго уѣзда, деревни Петровой, Николай Лукинъ въ 1865 году устроилъ у себя въ домѣ моленную, въ которую начали сходиться нѣкоторые изъ его однодеревенцевъ для чтенія и толкованія книгъ св. писанія и рукописныхъ выписокъ Всѣ приходившіе на эти собранія были въ бѣлыхъ рубахахъ и бѣлыхъ льняныхъ поясахъ Одинъ изъ благочинныхъ донесъ объ этихъ собраніяхъ Владимірскому епархіальному архіерею, «который просилъ губернатора произвести формальное слѣдствіе о новой сектѣ и поступить съ Николаемъ Лукинымъ какъ съ основателемъ новой секты».

Вслѣдствіе распоряженія, сдѣланнаго губернаторомъ, судебный слѣдователь Судогодкаго уѣзда произвелъ обыскъ въ домѣ Лукина, при чемъ нашелъ у него: рукописную книгу въ кожанномъ переплетѣ, заключающую въ себѣ искаженныя выписки изъ многихъ книгъ, затѣмъ слово св. отца

Нифонта, выписки подъ названіемъ «Лусиндріонъ», молитву священномученика Кипріяна, книгу «Мясопустная Недѣля», псалтирь и нѣсколько церковныхъ вещей—мѣдные образа, поручни и лѣстовки.

На предложеніе слѣдователя подписаться подъ актомъ, составленномъ обо всемъ найденномъ при обыскѣ, Лукинъ отвѣчалъ, что подписываться не будетъ, такъ какъ это грѣхъ. На вопросъ слѣдователя: какой онъ вѣры?—Лукинъ отвѣчалъ, что «онъ вѣры истинной, на исповѣди и у св. причастія бываетъ во всѣ дни и часы, но не въ великороссійской церкви, которую не признаетъ церковью, потому-что имѣетъ у себя единаго архіерея и священника, пришедшаго съ небеси Іисуса Христа, сына Божія, котораго Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, посадилъ одесную себя на престолѣ, превыше всякаго начальства и власти и силы и господства и всякого имени, какимъ именуется не только въ семъ свѣтѣ, но и въ будущемъ, и коего поставилъ превыше всего главою церкви, которая есть тѣло Его (Ефес., I гл. 20—23). Въ то же время Лукинъ отказался сообщить, кто именно крестилъ младшую его дочь Прасковью, одного года заявивъ, что «объ этомъ церковь божія разумѣетъ».

На вопросъ: если благодарь въ мірѣ? Лукинъ отвѣчалъ, что не знаетъ Паспортовъ онъ не признаетъ. «Кресты мѣдные имѣетъ потому, что они спасутъ прочнѣе деревянныхъ». Жена Лукина Прасковья Егорова 30 лѣтъ, заявила на допросѣ, что самъ Господь научилъ насъ не ходить въ церковь внѣшнюю, тлѣнную. «Крестьянская дѣвка» Федосья Максимова, родная тетка Николая Лукина, показала слѣдователю, что она вѣруетъ лишь во Христа и на исповѣдь и ко святому причастію не ходитъ въ видимую церковь, потому-что церковь

и исповѣдь у нея въ домѣ, которыя и устроилъ для нея самъ Іисусъ Христосъ. Относительно найденныхъ при обыскѣ поручней и лѣстовокъ Максимова пояснила, что поручни подкладываютъ они при молитвѣ, а по лѣстовкамъ поклоны считаютъ.

Сосѣдъ Лукина, крестьянинъ Иванъ Трифоновъ показалъ на допросѣ, что «вся его вѣра заключается въ одномъ Іисусѣ Христѣ и что этой вѣрѣ научилъ его самъ Іисусъ Христосъ, и что за царя онъ не молится, потому-что онъ не знаетъ, какъ за него молиться». Жена его Елизавета Трофимова объяснила слѣдователю, что она вѣры Іисусовой, и на исповѣди и св. причастія не бываетъ потому, что ей это не надобно, такъ какъ она здорова, а когда будетъ больна, то Христосъ самъ причаститъ ее и исповѣдуетъ. . Такъ вѣровать научилъ ее самъ Іисусъ Христосъ».

Другой однодеревенецъ Николая Лукина крестьянинъ Трифонъ Родіоновъ отозвался о Лукинѣ какъ о грамотникѣ и большомъ начетчикѣ; по его словамъ, Лукинъ пріучилъ сына его Ивана ходить къ себѣ на собранія. «Крестьянская женка» Татьяна Григорьева показала, что мужъ ея Федоръ Федотовъ, подружившись съ Лукинымъ, пересталъ ходить въ церковь, пересталъ употреблять мясную пищу и напитки, не сталъ заниматься работою. Показаніе это Татьяна Григорьева отказалась, однако, подписать, говоря, что «это бездѣлица».

Со своей стороны Федоръ Федотовъ объяснилъ, что бѣлую рубаху, порты и поясъ онъ носитъ потому, что таковъ христіанскій обычай; что съ женой своею онъ живетъ, какъ братъ, а не какъ мужъ и супружескаго грѣха съ ней не имѣетъ; паспортовъ онъ не беретъ и не будетъ брать, потому что считаетъ это грѣхомъ, такъ какъ паспортъ есть печать

антихристова». Когда слѣдователь предложилъ Федотову подписать свое показаніе, то онъ отвѣтилъ: «нѣтъ, не подпишу, потому что здѣсь есть какое-то уловленіе секты, секта улавливается, а я этого не хочу»..

На повальномъ обыскѣ нѣсколько крестьянъ деревни Петровой, спрошенные подъ присягою, называли вѣру Лукина «новою вѣрой» и о немъ самомъ отзывались, что онъ поступилъ въ эту вѣру съ годъ назадъ, но откуда онъ ее заимствовалъ, никто объ этомъ положительныхъ свѣдѣній дать не могъ. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ подъ присягою показали, что въ прошедшій свѣтлый праздникъ у Лукина было большое собраніе крестьянъ въ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ, а крестьянокъ въ бѣлыхъ сарафанахъ; всѣ они, разсѣвшись въ избѣ вокругъ стѣнъ, бесѣдовали между собою.

Слѣдователь призналъ нужнымъ сдѣлать постановленіе о заключеніи Н. Лукина въ тюремный замокъ и предложилъ ему подписаться въ слышаніи этого постановленія. Но Лукинъ отказался дать такую подписку, говоря, что онъ «и такъ посидитъ».

При разсмотрѣніи владимірскою консисторіей мѣдныхъ образовъ, найденныхъ при обыскѣ въ молельнѣ Николая Лукина, оказалось, что мѣдное изображеніе Спасителя было вылито съ крыльями». Обстоятельство это, по мнѣнію автора статьи г. Л-ва, указываетъ на близость «новой вѣры» къ ученію хлыстовъ, среди которыхъ встрѣчаются подобныя изображенія Спасителя.

Слѣдствіемъ не было установлено число послѣдователей новой секты, такъ какъ «прозелиты позапирались въ своихъ признаніяхъ при первомъ же появленіи начальства».

Преосвященный владимірскій, на основаніи до-

знаніи мѣстнаго духовенства, даетъ слѣдующую характеристику новой секты: «секта бѣлоризцевъ, — писалъ онъ губернатору,—образовалась изъ разныхъ сектъ. Подобно перекрещенцамъ, бѣлоризцы бракъ нарицаютъ блудомъ, и живутъ, повидимому, цѣломудренно, какъ иноки; по наружности сектанты эти тощіе, истомленные; о здравіи царя не молятся; подобно нѣтовцамъ говорятъ, что ни въ чемъ нѣтъ благодати; о іерархіи выражаются, что всякъ самъ себѣ архіереи и священникъ на основаніи св. писанія; церквей видимыхъ не признаютъ, таинствъ тоже; о властяхъ отзываются, что всякъ самъ себѣ царь... и всѣ люди равны предъ Богомъ, одинъ глава надъ всѣми Іисусъ Христосъ; денегъ въ руки не берутъ и паспортовъ не принимаютъ; всѣ ереси и толки раскольничьи охуждаютъ, считая себя однихъ истинными и духовными христіанами. Подобно западнымъ иллюминатамъ, считая себя просвященными свыше, они твердятъ слѣдующую самую употребительную между ними молитву: Отче Господи небесе и земли! Ты утаилъ еси сія вся отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси сія младенцамъ простымъ» (т. е. бѣлоризцамъ).

Приведя эту характеристику, авторъ цитируемой статьи г. Л-въ болѣе детально развиваетъ высказанную владимірскимъ преосвященнымъ мысль о томъ, что владимірскіе бѣлоризцы заимствовали свое ученіе отъ разныхъ русскихъ сектъ, а именно «изъ раскола они взяли лѣстовки, подручники, мѣдные образа, отъ молоканства, —ученіе о таинствахъ церкви и церковной іерархіи, отъ скопчества—житіе мужа съ женой, какъ братъ съ сестрой, отъ бѣгуновъ—отрицаніе паспортовъ, отъ хлыстовъ—бѣлыя одежды, какъ символъ духовной чистоты, отъ духоборцевъ—непосредственное ученіе вѣрѣ са-

мимъ Іисусомъ Христомъ, отъ безпоповцевъ и молоканъ—немоленіе за царя», но уже по инымъ молитвамъ, чѣмъ у названныхъ сектантовъ: у бѣлоризцевъ потому нѣтъ моленія за царя, что ихъ никто не научилъ молиться за него». «Это уже не то, что крайнее ученіе»... замѣчаетъ по этому поводу г Л-въ.

Выясняя вопросъ о томъ, при какихъ именно условіяхъ, на какой почвѣ возникла во Владимірской губерніи секта бѣлоризцевъ, г. Л-въ сообщаетъ, что губернія эта «наполнена всевозможными сектантами», среди которыхъ встрѣчаются какъ представители обрядности, старообрядцы разныхъ сектъ и толковъ, такъ и послѣдователи раціонализма въ родѣ молоканъ и духоборцевъ. Сектанты и старообрядцы постоянно сталкиваются между собою въ мнѣніяхъ и изъ этихъ столкновеній вырабатываются и нарождаются новыя секты, новыя ученія и толки. Такимъ образомъ среди послѣдователей сектъ во Владимірской губерніи происходитъ «постоянное броженіе. Это броженіе сказывается въ измѣненіи сектъ, въ перерожденіи ихъ, въ поглощеніи одной другою и т. д. Явленія эти несомнѣнно представляютъ крупный интересъ не только для изслѣдователей духовной жизни русскаго народа, но и для правительства, могущаго по этимъ фазисамъ опредѣлять направленіе въ сектантской массѣ идей церковныхъ и правительственныхъ» [1]).

Познакомившись, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, съ донскими и владимірскими бѣлоризцами, перейдемъ теперь къ симбирскимъ бѣлоризцамъ, относительно которыхъ мы располагаемъ болѣе подробными свѣдѣніями.

---

[1]) „Голосъ". 1868 г. № 122. Статья Л-ва „Секта бѣлоризцевъ" съ небольшими измѣненіями была перепечатана „Домашней Бесѣдой" — (1868 г. № 24), а затѣмъ „Церковнымъ Вѣстникомъ" (1868 г. № 18).

III.

Опрощеніе.

Основатель ученія симбирскихъ бѣлоризцевъ Василій Ивановичъ Писцовъ происходитъ изъ крестьянъ села Никольскаго, Ставропольскаго уѣзда. Самарской губерніи. Онъ былъ крѣпостнымъ графа В. А. Соллогуба, автора извѣстнаго «Тарантаса». У Соллогуба было въ то время огромное, богатое имѣніе при селѣ Никольскомъ на Черемшанѣ Ставропольскаго уѣзда

Прежде чѣмъ разсказать о своемъ личномъ знакомствѣ съ Писцовымъ, о своихъ встрѣчахъ съ нимъ и бесѣдахъ, я нахожу необходимымъ привести здѣсь сначала тѣ свѣдѣнія, которыя были сообщены о немъ въ печати. Такъ, въ миссіонерскомъ отчетѣ за 1896—97 г., напечатанномъ въ «Симбирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», сообщалось, что бѣлоризцы въ Симбирскомъ уѣздѣ являются двухъ видовъ: одни старообрядческаго направленія, во главѣ которыхъ стоитъ симбирскій житель, 70-лѣтній старикъ Василій Ивановъ Писцовъ, немногочисленные послѣдователи котораго (кромѣ Симбирска), находятся въ селѣ Норовкѣ и Крестовниковѣ [1]).

---

[1]) „Симбирскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1899 г № 5.

У этой первой группы бѣлоризцевъ, по словамъ отчета, «особенно характерно стремленіе къ простотѣ, естественности въ жизни, отчужденіе отъ роскоши, ношеніе бѣлой одежды, какъ символа чистоты души. Молятся они двуперстно, имѣютъ старо-печатныя книги, въ церковь православную не ходятъ. Они, повидимому, подходятъ подъ типъ нѣтовцевъ—бѣлоризцевъ, недовольныхъ нѣкоторыми порядками въ православной церкви и особенно недостатками, замѣчаемыми среди православнаго духовенства».

Инымъ характеромъ отличается группа бѣлоризцевъ, во главѣ которой стоитъ симбирскій мѣщанинъ Алексѣй Тимофѣевъ Клюжевъ, который не сходится съ Писцовымъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ, вслѣдствіе чего они и не имѣютъ религіознаго общенія другъ съ другомъ. «Клюжевъ считаетъ себя православнымъ, и наружно не отдѣлялся отъ православной церкви». Однако миссіонеры, имѣвшіе случай бесѣдовать съ нимъ, находятъ что убѣжденія Клюжева имѣютъ сходство съ хлыстовскими, «хотя самъ онъ на бесѣдахъ и насмѣхается надъ ученіемъ хлыстовъ, но едва-ли искренно» [2]).

Гораздо болѣе полныя и основательныя свѣдѣнія о симбирскихъ бѣлоризцахъ вообще и въ частности о Писцовѣ находимъ въ сообщеніяхъ г. Н. Н. въ «Самарской Газетѣ» (1894 г. №№ 119 и 120) и г. Обывателя въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» (1895 г. № 19) [3]). На нихъ мы считаемъ необходимымъ остановиться подольше, такъ какъ, появившись въ провинціальныхъ изданіяхъ и будучи изложены нѣсколько тяжело и несовсѣмъ умѣло, сообщенія эти прошли совершенно безслѣдно, не вызвавъ инте-

---

[2]) Тамъ же, стр. 23—24.

[3]) Сравнивая эти два сообщенія, можно придти къ заключенію, что оба они писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ.

реса и вниманія не только со стороны общества и печати, но даже и со стороны лицъ, спеціально слѣдящихъ за религіозно-бытовыми движеніями русскаго народа.

Писцовъ, по словамъ г. Н. Н. «еще въ дѣтствѣ лишился родителей и очутился въ крайней бѣдности. Вскорѣ, однако, благодаря исключительно своей практической сметкѣ, ему удалось выбиться: онъ научился грамотѣ и пріобрѣлъ довольно значительныя средства торговлею. Графъ Соллогубъ въ бытность свою въ Никольскомъ не могъ не обратить на него вниманія и поручилъ ему даже управлять всѣмъ своимъ громаднымъ имѣніемъ. Писцову удалось поставить имѣніе на надлежащую ногу, хотя, можетъ быть, и не всегда удачными средствами, такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя среди крестьянъ доброй памяти: на родинѣ, какъ и здѣсь, въ Симбирскѣ, его положительно не выносятъ. Отъ Соллогуба у Писцова имѣется благодарность за его службу, хотя онъ и былъ управляющимъ очень недолго. По выходѣ на волю, Писцовъ занялся торговлею и повелъ дѣло довольно широко. Но заботы, по его словамъ, надорвали его здоровье, и вотъ онъ, по совѣту одного врача, задумалъ оставить всѣ свои занятія» [1]).

Рѣшивъ, что «все въ жизни суета-суетъ и что за страстями не угоняешься», онъ задумалъ все бросить и начать новую жизнь. Онъ захотѣлъ „*жить просто и свободно*“ прежде всего затѣмъ, чтобы возстановить и сохранить свое здоровье, которое торговыми хлопотами и заботами было значительно подорвано, а потомъ чтобы на свободѣ и досугѣ подумать о душѣ.

---

[1]) „Самарская Газета“, 1894 г. № 119

Необходимо признать, что при этомъ онъ проявилъ необыкновенную силу воли. Слово и дѣло у Писцова не расходилось и свое рѣшеніе онъ немедленно-же приводитъ въ исполненіе. при чемъ поступаетъ крайне радикально. Во первыхъ, онъ бросаетъ торговлю, которая шла у него въ смыслѣ доходности, какъ нельзя лучше, а затѣмъ въ одинъ прекрасный день призываетъ къ себѣ торговца и разомъ спускаетъ ему положительно все, что находилъ лишнимъ: дорогія шубы, шелковыя платья, мебель, экипажи, посуду и т. д. [2]). Изъ всего имущества Писцовъ оставилъ только необходимое и самое «простое».

Бросивъ торговлю, Писцовъ вмѣстѣ съ семьей переѣхалъ въ Симбирскъ, записался въ симбирскіе мѣщане, купилъ здѣсь садъ на берегу Волги, въ которомъ и поселился. Съ этихъ поръ онъ становится ярымъ врагомъ всякихъ излишествъ, всякой роскоши. Опрощеніе началось съ костюма: Писцовъ надѣлъ самъ и одѣлъ всю семью въ грубое изъ самодѣльнаго бѣлаго холста платье, обулъ въ лапти или же грубые сапоги, бѣлыя простыя крестьянскія шляпы, а женщинъ въ платья и платки изъ того же грубаго самодѣльнаго холста. «Въ бѣлое онъ одѣлся не для того, чтобы выдѣляться изъ среды другихъ православныхъ, а потому, что это натуральный цвѣтъ льняной матеріи поэтому онъ ничего не имѣетъ противъ черной шляпы, сдѣланной изъ черной шерсти или противъ черныхъ сапогъ» [3]). Въ этомъ отношеніи Писцовъ, какъ видитъ читатель, весьма рѣзко расходится съ донскими бѣлоризцами, взгляды которыхъ на «бѣлое» и «черное» проникнуты были чисто-сектантскимъ характеромъ.

---

[2]) „Волжскій Вѣстникъ“, 1895 г № 19.
[3]) „Самарская Газета“ 1894 г № 119.

Еще болѣе крайній ригоризмъ сказался въ установленіи продовольственнаго или пищеваго режима: Писцовъ совершенно оставилъ не только мясо, рыбу, чай, яйца, но даже молоко и всѣ молочные продукты, а также лукъ и хрѣнъ. Онъ началъ питаться съ своею семьей исключительно растительною пищей: хлѣбомъ, овощами, отчасти фруктами. Табакъ онъ не курилъ и ранѣе.

Но опрощеніе не ограничилось платьемъ и пищей, а пошло гораздо дальше. Все, что требовалось для Писцова и его семьи и что только было возможно, онъ дѣлалъ самъ и училъ тому же своихъ семейныхъ. И вотъ мужчины строили, пилили лѣсъ, клали печи, ковали въ кузницѣ, ухаживали за садомъ, сѣяли хлѣбъ, ленъ, садили овощи и т д. Женщины-же кромѣ обычной домашней крестьянской работы, обрабатывали ленъ, пряли, ткали, шили и мыли, какъ на себя, такъ и на мужчинъ.

Конечно, всѣ эти нововведенія принимались и усваивались домашними Писцова далеко не съ одинаковою охотой и готовностью. На первыхъ порахъ въ семьѣ Писцова нерѣдко слышались протесты противъ крайняго ригоризма главы дома.

Жена Писцова долгое время терпѣла, но, наконецъ, соскучилась по мясѣ и начала убѣдительно просить мужа зарѣзать ей курицу, при чемъ старалась опровергнуть его положеніе, что скотинѣ больно, а доказывала, напротивъ, что скотина радуется, когда ее рѣжутъ. Старикъ молчалъ, но баба была «не изъ такихъ» и отставать не хотѣла, и до того ему надоѣла, что онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Хорошо, зарѣжемъ». Писцовъ взялъ топоръ, изловилъ крицу и сказалъ женѣ: «Держи». Старуха взяла. Тогда онъ отыскалъ полѣно, положилъ на него голову курицы и занесъ топоръ, но курица до того

напугалась, что вырвалась изъ рукъ жены, убѣжала подъ амбаръ и не показывалась оттуда трое сутокъ... Съ того времени баба унялась и уже не говорила, что скотина или птица радуется, когда ее передѣлываютъ на мясо. А старикъ Писцовъ этого случая безъ смѣха вспомнить не можетъ и до настоящаго времени [1]).

Вообще какъ самому Писцову, такъ и его послѣдователямъ, не мало достается отъ бабъ, особенно отъ своихъ женъ. Затѣмъ новшества Писцова возбудили противъ него и многихъ изъ сосѣдей. Когда одѣтый во все бѣлое, онъ показывался на улицѣ. то обыкновенно онъ не могъ сдѣлать шагу по городу безъ того, чтобы надъ нимъ не смѣялись въ глаза, не издѣвались надъ нимъ.

— Покойникъ! Покойникъ идетъ!—обыкновенно кричали ему вслѣдъ, гдѣ бы онъ не появился.

Вегетаріанство Писцова также возбуждало противъ него многихъ.

— Пропадете вы всѣ, если не будите ѣсть мяса,— говорили ему и его семейнымъ всѣ, съ кѣмъ имъ приходилось встрѣчаться «Врачи-же по просту гоняли ихъ отъ себя, говоря, что не стоитъ ихъ и лечить, если они не хотятъ ѣсть мяса,—дескать все равно не вылечишь. Писцовъ говоритъ, что подъ вліяніемъ такихъ толковъ онъ позволилъ своему младшему больному сыну, у котораго на ногѣ была какая-то рана, ѣсть мясо. Лѣчился онъ у врача три года, ѣлъ мясо, а рана не заживала. Тогда старикъ разсердился, мясо ѣсть не позволилъ, лѣченіе прекратилъ и тогда нога зажила» [1]).

Объясняя этотъ случай, г. Н. Н. говоритъ: «Фактъ здѣсь тотъ, что сынъ дѣйствительно былъ

---

[1]) „Самарская Газета“, 1894 г. № 119

боленъ очень долго, а теперь здоровъ и недавно женился. Мяса онъ, конечно, не ѣстъ, но на здоровье, какъ и всѣ его семейные, пожаловаться не можетъ. Если же и есть между сыновьями Писцова слабые, то слабость ихъ происходитъ по другимъ причинамъ: одинъ сынъ теперь часто болѣетъ потому лишь, что онъ разъ надорвался, поднимая что-то тяжелое» [1]).

«Не смотря на то, что дѣтей своихъ Писцовъ держитъ въ черномъ тѣлѣ, нельзя сказать, чтобъ они были недовольны имъ; напротивъ, они благодарятъ отца за то, что онъ ихъ не балуетъ. Они смотрятъ на него отчасти со страхомъ, отчасти съ уваженіемъ, хотя у нихъ уже свои дѣти. Вообще, видимо, идеалъ семейной жизни Писцова, какъ и его «домостроительства» слишкомъ рѣзко напоминаютъ «Домострой», съ его идеалами, хотя Писцовъ объ этой книгѣ свѣдѣній не имѣетъ».

---

[1]) „Самарская Газета", 1894 г. № 119.

V.

Основатель ученія симбирскихъ бѣлоризцевъ.

По свидѣтельству г. Обывателя, Писцовъ личность—далеко незаурядная. По его словамъ, «Писцовъ вовсе даже не сектантъ, а такой же православный, какъ и всѣ мы, а, можетъ быть, даже и больше. Какъ онъ самъ, такъ и всѣ его семейные и вообще всѣ бѣлоризцы крещены и вѣнчаны въ церкви, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ даже поютъ и читаютъ во время богослуженія. Если же самъ Писцовъ и бываетъ рѣдко въ церкви, то лишь скорѣе изъ-за личныхъ счетовъ съ нѣкоторыми лицами: онъ не хочетъ вводить въ грѣхъ, въ злобу тѣхъ лицъ, которыя его ненавидятъ. Противурелигіознаго, противуправославнаго тутъ нѣтъ ни крупицы» [3]) Благодаря «природному уму и необыкновенному характеру», Писцовъ невольно обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ лицъ, которыя съ нимъ сталкиваются.

Но «при всемъ своемъ громадномъ практическомъ умѣ Писцовъ, однако, оказался не въ силахъ изба-

---

[3]) „Волжскій Вѣстникъ“, 1895 г № 19.

вившсяотъ тѣхъ сторонъ своего характера, которыя выработались въ немъ, благодаря окружающей его средѣ и общественнымъ условіямъ: слишкомъ крѣпко засѣлъ въ немъ прежній хозяйственный мужикъ, домостроитель и кулакъ. Писцовъ все еще любитъ нажить, съэкономить, сберечь, любитъ дешево купить и дорого продать, хотя все это ограничено у него рѣзкими рамками: онъ «экономитъ», но ничуть не плутуетъ, онъ вполнѣ вѣритъ въ то, что поступаетъ въ такихъ случаяхъ добросовѣстно, честно и даже на пользу другимъ».

Напримѣръ, «сидитъ человѣкъ безъ работы голодомъ,—онъ даетъ ему работу и платитъ дешево; очутился кто-либо въ долгу, продаютъ у него за безцѣнокъ домъ или садъ, Писцовъ покупаетъ за сходную цѣну. За барышами онъ не бѣгаетъ, а придутъ къ нему, попросятъ, онъ поможетъ и всегда даже въ мелочахъ не упуститъ случая дать знать, что онъ это дѣлаетъ не изъ пользы для себя, а изъ милости, изъ желанія дѣлать добро: чувствуй, молъ».

Вообще Писцовъ «не прочь указать на себя, какъ на образецъ добродѣтели, и слишкомъ просто и прямо судитъ другихъ, за что, кажется, его больше всего и ненавидятъ. Благодаря же этой общей къ нему непріязни, о немъ быстро распространяются всякія сплетни объ его будто-бы мошенническихъ продѣлкахъ при закупкахъ.

«Скоро всѣхъ богатыхъ старухъ оберетъ»,— «скоро все подгорье скупитъ», говорятъ про него всѣ чуть не со скрежетомъ зубовнымъ. Но достаточно въ такихъ случаяхъ маленькой наблюдательности, чтобы замѣтить, что тотъ больше всѣхъ и ругаетъ Писцова, кто чуетъ за собою больше грѣха, все это явные плуты, пьяницы, лѣнтяи и т. п. народъ».

По словамъ Обывателя, «хотя у Писцова всегда

имѣются деньги, но онъ никогда не кладетъ ихъ въ банкъ и не беретъ никакихъ процентовъ, если придется кому-либо дать. Дѣлаетъ это онъ потому, что брать ростъ, по его мнѣнію, грѣшно. Когда же у него собирается излишекъ, то онъ старается пустить его въ дѣло. Онъ любитъ покупать сады, дома и просто мѣста; сады онъ обдѣлываетъ своей семьей и нанимаетъ рабочихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Сады держатся образцово, на сколько, конечно, это позволяютъ знанія по садоводству его и его семейныхъ Однако зря сады и дома онъ не покупаетъ и вообще зря платить, тратить деньги онъ не любитъ. Придетъ кому-либо необходимость продать домъ или садъ, онъ конечно, предлагаетъ всѣмъ и каждому, а потомъ и Писцову. Писцовъ не любитъ рядиться и даетъ, если можно дать то, что просятъ. Это и сбиваетъ многихъ съ толку: глядя на его образъ жизни всѣ думаютъ, что онъ «несусвѣтный» скряга, а получивши за домъ или садъ даже больше, чѣмъ давали другіе, да еще и безъ всякой ряды, многіе уже жалѣютъ, что дешево запросили и потому еще пуще ругаютъ Писцова скрягой и выжигой» [1]).

«Деньги старикъ держитъ при себѣ, а домашнимъ выдаетъ по надобности, хотя и скупо Всѣ его семейные живутъ при немъ и, кажется, уже привыкли къ своему образу жизни». «Въ долгъ Писцовъ даетъ туго, почти совсѣмъ не даетъ,—не балуетъ и себя и другихъ. При явныхъ-же безвыходныхъ обстоятельствахъ другого — помочь ему не прочь, хотя. быть можетъ, и не безъ выгоды для себя. Милостыни не подаетъ и нищихъ не любитъ, говоритъ, что надо помогать этому народу не день-

[1]) „Волжскій Вѣстникъ“, 1895 г. № 19.

гами, а прежде ихъ научить, а то они на милостыни только пьянствуютъ да шалберничаютъ и отъ доброй жизни отвыкаютъ».

«Понятно, что такое ученіе вызываетъ негодованіе среди православнаго люда, особенно среди плутоватыхъ богачей, которые въ милостыни видятъ главное средство для собственнаго спасенія, главное средство загладить свой плутни».

Вонъ, – говорятъ они,—Писцовъ учитъ, что коли ты бѣденъ, то и будь бѣденъ; значитъ тебя Богъ создалъ такимъ, а меня богатымъ; если, значитъ, я тебѣ помогать буду, то пойду противъ Бога».

«Когда такія рѣчи передаются Писцову, онъ мало обращаетъ на нихъ вниманія, хотя тутъ же и постарается выяснить, откуда это они вывели такой вздоръ. Дѣло, конечно, принимаетъ совершенно иную окраску». На вопросъ «почему вы не даете милостыни?» — Писцовъ отвѣчаетъ: «малъ бѣхъ и состарихся и не видалъ праведника, просяща милостыню у грѣшника».

«Писцовъ «экономитъ» и не только не стыдится этого, а, напротивъ, считаетъ такую черту однимъ изъ главныхъ признаковъ добродѣтельной жизни. Онъ часто и сильно упираетъ теперь на то, что вотъ въ голодный годъ всѣ разорились, онъ же уцѣлѣлъ, а отсюда выводитъ, что значитъ, его «вѣра» хороша, что если такъ будутъ жить и другіе, то «всѣ будутъ бѣленькіе», и Писцовъ этому вполнѣ вѣритъ. У него даже года на счету, когда все это сбудется. Въ доказательство же приводитъ слова Апокалипсиса».

Писцовъ,—говоритъ г. Н. Н ,—«отличный начетчикъ, при чемъ начитанность его весьма рѣзко отличается отъ начитанности русскихъ сектантовъ: это не фанатикъ, готовый за «аза» положить голову. Такого уменья просто и прямо понимать свя-

щенное писаніе, умѣнія придавать всякой фразѣ практически здравый смыслъ, стремленья провести прочитанное въ дѣйствительную жизнь мнѣ ранѣе встрѣчать не приходилось».

Какъ начетчикъ, Писцовъ имѣетъ очень много старинныхъ и дорогихъ книгъ, такъ что вся его библіотека обошлась ему, вѣроятно, болѣе тысяти рублей. Въ большомъ почетѣ у него Іоаннъ Златоустъ, Апокалипсисъ съ толкованіями, а далѣе библія, псалтырь, часословъ и т. д. Но кромѣ книгъ церковныхъ, у Писцова имѣется довольно значительная библіотека свѣтскаго характера.

Такъ, изъ свѣтскихъ книгъ у Писцова имѣются: «Исторія Россіи» Полеваго, «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», Ушинскаго, «Жизнь Европейскихъ народовъ» Водовозовой, «Потерянный рай» Мильтона, Баронія, учебники по астрономіи, физикѣ, естественной исторіи, географіи и исторіи, разные лечебники и т. д. «Подборъ книгъ поражаетъ своею случайностью, но въ этомъ не вина хозяина и его семейства: всѣ они съ жадностью накидываются на всякую новую книгу, отъ которой видятъ для себя какой-нибудь прокъ. Они отличаются замѣчательною любознательностью и стремленіемъ провести полученныя знанія въ жизнь. Боязни новаго, боязни науки у нихъ не только нѣтъ, а, напротивъ, они всѣми силами стремятся къ знанію и къ свѣту. Изъ имѣющихся у нихъ книгъ ни одна не лежитъ даромъ, а изъ всѣхъ они заимствуютъ то, что имъ доступно. Писцовъ, какъ и всѣ бѣлоризцы, не прочь учить дѣтей своихъ и въ школѣ, хотя и не особенно довѣряетъ «ученымъ людямъ» за образъ жизни людей образованныхъ» [1]).

---

[1]) „Самарская газета“, 1894 г. № 119.

Говоря о ненависти, которую очень многіе изъ мѣстныхъ жителей питаютъ къ Писцову, г. Обыватель слѣдующимъ образомъ объясняетъ ея происхожденіе. «Главная причина этой ненависти, какъ мнѣ пришлось убѣдиться по фактамъ, вовсе не ученіе бѣлоризцевъ, а во-первыхъ, то, что бѣлоризцы для всѣхъ живой укоръ, а во вторыхъ, что сами бѣлоризцы, въ особенности же самъ Писцовъ всегда и вездѣ не прочь указать всякому его проступки, онъ не постыдится всякаго пьяницу назвать въ глаза пьяницей, плута—плутомъ и т. д. Онъ не говоритъ, а учитъ,—а наука его далеко не всѣмъ по сердцу. Можетъ быть, его и не такъ ненавидѣли бы, если бы онъ только говорилъ, но онъ еще и дѣлаетъ самъ такъ, какъ говоритъ,—а дѣлаетъ онъ то, что не подходитъ ни подъ какія мѣрки спившагося, исплутовавшагося, измодничавшагося большинства».

«Конечно, Писцовъ не безъ недостатковъ; онъ, напримѣръ, хотя и проповѣдуетъ трудъ, но вообще самъ дѣлаетъ мало, кромѣ того онъ большой самодуръ и вообще не прочь вездѣ и всюду ставить себя образцомъ для другихъ». Все это объясняется, конечно, главнымъ образомъ, «вліяніемъ той среды, изъ которой онъ вышелъ: какъ бы ни былъ Писцовъ уменъ и какимъ бы сильнымъ характеромъ онъ ни обладалъ, все-таки онъ былъ и есть русскій мужикъ» [1]).

По временамъ непріязнь къ Писцову со стороны православнаго населенія выражается въ очень рѣзской формѣ. Вотъ, напримѣръ одинъ случай, о которомъ разсказываетъ г. Обыватель. Однажды, въ 1895 году, въ деревнѣ Погребахъ, въ 10 верстахъ отъ Симбирска, Писцовъ едва не былъ убитъ пья-

---

[1]) „Волжскій Вѣстникъ“, 1895 г. № 19.

ною разгулявшеюся толпой мѣстныхъ крестьянъ. Поводомъ къ нападенію былъ до нельзя раздутый у пьяной толпы религіозный фанатизмъ. Писцовъ ѣхалъ изъ деревни Елизаветино домой и остановился ночевать у одной знакомой ему женщины. Кромѣ этой ж нщины и самого Писцова въ избѣ были его дочь и еще одна дѣвушка,—всѣ бѣлоризцы. Ночью часовъ въ 12, къ воротамъ подошла толпа пьяныхъ крестьянъ; кто-то постучалъ, и когда на стукъ вышла хозяйка дома, то ей въ щель подали записку, «будто бы отъ священника, съ требованіемъ выгнать Писцова изъ деревни немедленно». «Отъ хозяйки стали требовать, чтобы она отперла, но та отказала. Тогда пьяная толпа съ криками и ругательствами ломилась въ ворота, хотѣла выломать дверь или перелѣзть на дворъ. Продолжалось это долго. Толпа ходила и къ старостѣ, а когда тотъ отказался помогать имъ, буяны выдали одного изъ толпы за урядника и стали кричать хозяйкѣ, что съ ними урядникъ. Когда и это не помогло, толпа снова стала буйствовать. Въ избѣ, конечно, всѣ были страшно перепуганы, а такъ какъ запоры въ воротахъ и калиткѣ поминутно трещали, то въ избѣ вооружились кто топорами, а кто чѣмъ могъ. Къ утру толпа разошлась, но двери все-таки не отпирали. Только пріѣздъ другого бѣлоризца нѣсколько ободрилъ напуганныхъ гостей и хозяйку, и Писцовы поскорѣе двинулись въ городъ, страшно напуганные и поминутно погоняя лошадь Всю дорогу они боялись, какъ бы не было на нихъ нападенія въ полѣ, гдѣ заступиться за нихъ уже никто не могъ».

«Такъ встрѣчаютъ у насъ піонеровъ въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ пьянствомъ, распущенностью и необузданностью» [1]),—замѣчаетъ по этому поводу

[1]) „Волжскій Вѣстникъ“, 1895 г № 19.

г. Обыватель. Дальше намъ придется еще разъ коснуться этого происшествія и тогда мы постараемся выяснить тѣ ближайшія вліянія, которыя его вызвали.

Несмотря, однако, на подобныя столкновенія и непріятности, Писцовъ отнюдь не унимается и всегда пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы заявить о своихъ взглядахъ, чтобы высказать людямъ, что «жить такъ, какъ теперь живутъ всѣ, нельзя, что рано или поздно, а этому будетъ конецъ, что нынѣшній Вавилонъ погибнетъ, что жить надобно такъ, какъ издревле жили и учили жить святые отцы» [1]) и т. д.

---

[1]) „Самарская Газета", 1894 г. № 119.

V.

Послѣдователи Писцова.

Симбирскіе бѣлоризцы, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Н. Н., «собственно говоря даже и не секта и не вѣра, такъ какъ (религіозное) ученіе ихъ почти ничѣмъ не отличается отъ ученія православной церкви, и бѣлоризцы считаютъ себя такими же православными, какъ и всякій русскій человѣкъ». Ученіе симбирскихъ бѣлоризцевъ скорѣе нравственно-экономическое ученіе, «которое хотя и не представляетъ изъ себя чего-либо особенно новаго въ теоріи, но за то на практикѣ имѣетъ много своего оригинальнаго, выработаннаго послѣдователями этого ученія вполнѣ самостоятельно».

Основою этого ученія является мысль, что *„всѣ люди живутъ не такъ, какъ надо жить*, и не такъ, какъ жили и учили святые отцы. Жить надо по правдѣ, жить надо просто, разумно, не давать воли страстямъ А нужно это для того, чтобы жилось легко и свободно. Такая жизнь, какою живутъ многіе, продолжаться долго не можетъ, а скоро придетъ время и этотъ Вавилонъ погибнетъ. А тогда.. —тогда всѣ

будутъ «бѣленькіе», какъ мы, [1]),—говорятъ бѣлоризцы.

Слѣдуя своему идеалу, бѣлоризцы прежде всего стараются жить какъ можно скромнѣе и проще, тщательно избѣгая всякаго рода излишествъ. Никто изъ нихъ и никогда не пьетъ ни вина, ни водки, ни пива. Никто не куритъ Затѣмъ они не пьютъ чая не ѣдятъ мяса, молока и яицъ; а прежде не ѣли даже рыбы, луку и хрѣну. Пьютъ они только воду, а ѣдятъ, кромѣ рыбы, все растительное.

Одѣваются симбирскіе бѣлоризцы во все «самодѣльное» и по возможности во все бѣлое. Отъ шапки до сапогъ или лаптей и отъ кафтана до мѣдной застежки на бѣлоризцѣ все своей собственной работы. Они сѣютъ ленъ, обдѣлываютъ его, жены ихъ ткутъ холстъ и шьютъ одежду. Но они носятъ бѣлую одежду не потому, чтобы этого непремѣнно требовала ихъ вѣра (какъ у донскихъ бѣлоризцевъ), а потому, что это естественный цвѣтъ холста, а всякую окраску его они считаютъ совершенно излишнею, такъ какъ она сопряжена съ лишнимъ расходомъ. «На всякій излишекъ въ одеждѣ, на всякую окраску, «фасонъ», вышивку бѣлоризецъ смотритъ съ усмѣшкой и при случаѣ не прочь сказать, что «дурачекъ красненькое любитъ». Къ покупкѣ бѣлоризцы прибѣгаютъ лишь въ случаѣ крайней необходимости, когда они или не въ состояніи сами сдѣлать что-нибудь или же это окажется слишкомъ невыгодно.

Поступая такимъ образомъ «бѣлоризецъ дѣлаетъ это отнюдь не изъ скряжничества: многое ему обходится дороже купленнаго, но онъ старается все дѣлать самъ затѣмъ, чтобы работать и притомъ работать у себя, а не быть въ зависимости отъ какого-либо хозяина»...

---

[1]) „Волжскій Вѣстникъ", 1895 г № 19.

Всѣ симбирскіе бѣлоризцы «работаютъ очень много, очень усердно, толково и аккуратно. Работаютъ они больше для себя, около дома, а наниматься не любятъ, но разъ наймутся, дѣлаютъ такъ, какъ сдѣлаетъ рѣдкій не бѣлоризецъ. Работаютъ около дома они все, что придется: пашутъ, сѣютъ, ухаживаютъ за садами и огородами, плотничаютъ, кладутъ печи, пилятъ лѣсъ, кузнечатъ, сапожничаютъ и т. д » Однако, въ работѣ бѣлоризцы не видятъ главной задачи жизни, и работаютъ хотя и много, но за то довольно и отдыхаютъ: даже самые незначительные праздники они соблюдаютъ довольно строго.

«Намъ немного надо, – говорятъ бѣлоризцы,—а потому мы можемъ и отдохнуть и подумать о душѣ».

Праздники бѣлоризцы проводятъ въ собесѣдованіяхъ и чтеніи книгъ преимущественно священнаго писанія и твореній святыхъ отцевъ, между которыми Іоаннъ Златоустъ въ наибольшемъ употребленіи.

Бѣлоризцы читаютъ не только духовныя, но и свѣтскія, «гражданскія» книги; «вообще грамота и наука у нихъ въ большомъ почетѣ». Если же Писцовъ и не училъ своихъ дѣтей въ школахъ, то лишь потому, что не особенно довѣрялъ образованнымъ людямъ, которые, по его мнѣнію, ведутъ образъ жизни, не согласный съ нравственными идеалами простоты и скромности. «Книгъ какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ у бѣлоризцевъ довольно много, хотя выборъ ихъ совершенно случайный. Книги не лежатъ у нихъ только для вида, а все, что имѣется, читается, и читается со смысломъ, при чемъ все что возможно, примѣняется къ жизни, на практикѣ. Писцовъ и его бѣлоризцы хотя и простые начет-

чики, но они рѣзко выдѣляются изъ среды нашихъ начетчиковъ тѣмъ, что каждой фразѣ они придаютъ непремѣнно смыслъ и какое-либо практическое значеніе. Книга для нихъ есть то, чѣмъ она должна быть для всякаго» [1]).

«Новшествъ бѣлоризцы не только не боятся, но скоро и толково вводятъ у себя все, что находятъ нужнымъ и полезнымъ, и при томъ ищутъ это новое. Они не прочь заимствовать это новое отъ кого бы то ни было».

По увѣренію автора цитируемой статьи, бѣлоризцы «вездѣ стараются провести въ жизнь практически здравый смыслъ». Поэтому «они не любятъ никакихъ обрядовъ, ничего такого, что поддерживается рутиной и здраваго смысла за собою не имѣетъ. Даже свадьбы у нихъ происходятъ безъ рюмки водки, безъ всякихъ «вечеровъ», безъ всего, что сопряжено съ выпивкой или безтолковой тратой денегъ, времени и здоровья» [2]).

Въ церковь бѣлоризцы не ходятъ, хотя крестятъ и вѣнчаютъ въ церкви. «На свадьбахъ ни пьянства ни глупыхъ обрядовъ у нихъ не бываетъ: соберутся въ церковь, обвѣнчаются, потомъ скромно пообѣдаютъ, почитаютъ—церковную или гражданскую книгу—все равно, и разойдутся. Одна свадьба, напримѣръ, закончилась у нихъ чтеніемъ «Праздника просвѣщенія» графа Л. Н. Толстаго».

По мнѣнію г. Н. Н. «отъ бѣлоризцевъ до вегетаріанцевъ съ одной стороны и толстовцевъ съ другой—рукой подать». По его словамъ, какъ «самъ Писцовъ, такъ и его семейные въ восторгѣ отъ послѣднихъ изданій «Посредника» по вопросу о расте-

---

[1]) „Волжскій Вѣстникъ", 1895 г. № 19.
[2]) „Самарская Газета", 1894 г. № 120

таріанствѣ (Кингсфордъ, Хатарда, Бекетова и друг.»). Книги эти пріобрѣтены Писцовымъ и онѣ въ большомъ ходу между бѣлоризцами.

— Шутка ли,—говорятъ бѣлоризцы,—мы двадцать пять лѣтъ не ѣли мяса, двадцать пять лѣтъ намъ говорили, что мы пропадемъ, а теперь вотъ и ученые люди стали говорить то же, что и мы».

Вегетаріанство бѣлоризцевъ основывалось исключительно на священномъ писаніи и на примѣрѣ святыхъ отцевъ

«Что же касается сходства бѣлоризцевъ съ толстовцами,—говоритъ г. Н. Н —то сходство здѣсь лишь чисто-внѣшнее. Правда, Писцову очень нравятся послѣднія произведенія Толстаго, и онъ считаетъ его чуть-ли даже не «своимъ» и собирается въ скоромъ времени его посѣтить, но въ дѣйствительности между ними существенная разница: насколько ученіе Толстаго преисполнено альтруизмомъ, настолько же Писцовъ эгоистъ. До ученія о несопротивленіи злу Писцову такъ же далеко, какъ далеко кулику до Петрова дня. Для него это «мѣдь звенящая или металлъ бряцающій». Сходство здѣсь лишь внѣшнее: это образъ жизни, который у нихъ почти одинаковъ; несмотря на противоположныя дороги, по которымъ они шли, они остановились почти на одномъ и томъ же мѣстѣ».

«Въ личности Писцова много отрицательныхъ сторонъ, которыя отзываются и на его ученіи, но вѣдь и у Толстаго ихъ, можетъ быть, не мало: для насъ онѣ не такъ замѣтны, такъ какъ личность Толстаго, какъ человѣка культурнаго, къ намъ ближе. Какъ бы то ни было, а двадцать пять лѣтъ тому назадъ простой русскій мужикъ оказалъ ничуть не меньше силы воли, чѣмъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ русскій баринъ. Попробуйте только сопоста-

вить тѣ причины, которыя заставили ихъ «опроститься», и тѣ условія, при которыхъ совершилось это «опрощеніе», тогда сравненіе это не только не будетъ казаться страннымъ, но и заставитъ надъ собой призадуматься» [1].

Въ 1894—95 году въ Симбирскѣ, по словамъ г. Н. Н, бѣлоризцевъ было всего лишь нѣсколько семействъ, но ихъ «много раскидано по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, какъ, напримѣръ, въ Крестовыхъ Городищахъ, въ Кайбалѣ (Ставропольскаго уѣзда. Самарской губерніи), въ Крестовниковѣ, Погребахъ, Елизаветинѣ (Симбирскаго уѣзда) и друг.». Но нельзя думать, чтобы всѣ бѣлоризцы одинаково вѣрно понимали Писцова; хотя въ жизни они и стараются подражать ему, но нѣкоторые, менѣе развитые изъ нихъ, «стали придавать себѣ характеръ обыкновенныхъ сектантовъ-раскольниковъ, а иные просто думаютъ, что, молъ, надѣнешь все бѣлое, такъ и будешь самъ святъ».

Приведенными въ этой статьѣ свѣдѣніями исчерпывается, — сколько намъ извѣстно,—вся литература по вопросу о бѣлоризцахъ. Если же, «паче чаянія», нами что-нибудь упущено изъ виду, то мы очень бы просили знающихъ людей указать намъ эти пробѣлы. Въ то же время нельзя не пожелать чтобы лица имѣющія возможность наблюдать послѣдователей этой секты въ разныхъ другихъ губерніяхъ, подѣлились бы въ печати своими свѣдѣніями.

Что же касается до нашихъ личныхъ наблюденій надъ симбирскими бѣлоризцами, то о нихъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) „Самарская Газета , 1894 г. № 120.

VI.

Мое знакомство съ Писцовымъ.

Часть лѣта и осень 1901 года мнѣ пришлось прожить въ г. Симбирскѣ. я рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы лично познакомиться съ бѣлоризцами и прежде всего съ Писцовымъ и его семьей. Но долгое время то одно, то другое мѣшало мнѣ привести въ исполненіе это намѣреніе. Наконецъ, случай помогъ мнѣ. Какъ-то осенью, въ праздникъ, приходитъ ко мнѣ одинъ мой симбирскій знакомый, садовладѣлецъ г. Б—овъ, и говоритъ:

— Я ѣду сейчасъ къ Писцову покупать у него торнъ для сада. Не желаете-ли вы отправиться къ нему вмѣстѣ со мной?

Я охотно согласится на это и мы поѣхали.

Домъ Писцова находился въ саду, въ полгорѣ, надъ Волгой, какъ разъ позади полицейской части. Къ нему ведетъ, узкій, грязный переулокъ, круто поднимающійся въ гору. Какъ только извозчикъ нашъ остановился подъ окнами дома Писцова, на крыльцо вышелъ старикъ, средняго роста, съ благообразнымъ лицомъ, лѣтъ подъ семьдесятъ, но еще живой и подвижной. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлую рубаху и порты

изъ грубаго домашняго холста, сѣрыя валенки и поддевку желтой байки. Это былъ Василій Ивановичъ Писцовъ Вмѣстѣ съ нимъ вышель его сынъ рослый, здоровый мужикъ лѣтъ сорока, съ черною бородой, одѣтый въ бѣлую рубаху. такіе-же порты и валенки.

Писцовы поздоровались съ Б-овымъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ и радушно пригласили насъ войти въ домъ. Г. Б-овъ представилъ имъ меня какъ своего пріятеля, заслуживающаго полнаго довѣрія.

Мы вошли въ довольно большую, свѣтлую и высокую комнату, съ тесовыми стѣнами и съ лавками вдоль стѣнъ. Въ переднемъ углу виситъ большая икона, а по бокамъ ея двѣ маленькія, всѣ въ ризахъ, въ кіотахъ и за стекломъ. Въ простѣнкахъ между окнами стоятъ два стола, самые простые, что называется топорной работы. На одномъ изъ нихъ лежитъ нѣсколько большихъ книгъ въ кожанныхъ старинныхъ переплетахъ. Одна изъ книгъ раскрыта; склонившись надъ нею, сидѣлъ молодой парень, лѣтъ 20, съ больными глазами Это былъ работникъ Писцовыхъ, чувашинъ,страдавшій,какъ почти всѣ чуваши, трахомой. Предъ нашимъ приходомъ онъ вслухъ читалъ книгу, а Писцовы сидѣли и слушали. Такъ обыкновенно проводили они праздники. Съ нашимъ приходомъ чтеніе прекратилось.

Насъ усадили въ переднемъ углу. Молодой Писцевъ сѣлъ на лавкѣ, противъ оконъ, а старикъ помѣстился въ плетеномъ креслѣ, посреди комнаты. Разговоръ шелъ первое время о садахъ, о посадкахъ, о червѣ, причинявшемъ въ теченіи лѣта большой вредъ садамъ и т. д.

— Что это у васъ за книги?—воспользовавшись первою паузой, спросилъ я, указывая на столъ, за которымъ сидѣлъ чувашинъ.

Старикъ сейчасъ-же оживился.

— Тутъ разныя книги,—сказалъ онъ, вставая и подходя къ столу.—Вотъ евангеліе, которому больше 200 лѣтъ... Почитайте-ка намъ его.

Съ этими словами онъ передалъ мнѣ большое, старинное, напечатанное по славянски евангеліе. Судя по датѣ, выставленной на первой страницѣ, евангеліе это издано въ первой половинѣ XVII столѣтія.

— Дозвольте, я найду евангеліе на сегодняшній день,—сказалъ Писцовъ и началъ перелистывать книгу. Ему попалось слово «Іисусъ».

— Вотъ теперь у насъ идетъ споръ, какъ слѣдуетъ писать: Іисусъ или Исусъ? Сколько народу билось надъ этимъ, а все рѣшить никакъ не могутъ.

Такъ какъ онъ желалъ знать мое мнѣніе, то я высказалъ, что по моему убѣжденію подобное разногласіе не такъ уже важно, не такъ существенно, чтобы надъ разрѣшеніемъ его стоило тратить особенно много времени и труда.

— Стало быть, по вашему выходитъ такъ, что все равно, что Исусъ, что Іисусъ?—спросилъ Писцовъ.

— Да, согласился я,—по моему это не такъ существенно. Гораздо важнѣе разрѣшить сомнѣнія, имѣющія болѣе жизненное значеніе.

— Хорошо,—сказалъ старикъ, какъ бы согласившись со мной.—А дозвольте узнать, какъ ваше имя-отчество?.

— Александръ Степановичъ,—отвѣтилъ я, ничего не подозрѣвая.

— Хорошо, *Алексѣй* Степановичъ,—началъ Писцовъ.

— *Александръ*,—поправилъ я.

— А-а?—удивленно спросилъ Писцовъ,—стало

быть не всѣ равно?... И онъ побѣдоносно посмотрѣлъ на меня.

Это былъ такой ловкій, почти блестящій діалектическій подвохъ, что мы не могли не разсмѣяться.

— Ну, такъ какъ-же? — спрашивалъ мой собесѣдникъ

— Теперь вы перемѣнили все имя, а тамъ рѣчь идетъ только объ одной буквѣ, это большая разница, - сказалъ я.

— Такъ по вашему одна буква не имѣетъ важности?—спросилъ Писцовъ.

— Конечно, нужно всегда брать самую суть дѣла, главную, основную мысль, а не гоняться за отдѣльными словами или отдѣльными буквами.

— Хорошо, — согласился Писцовъ, — но вотъ въ писаніи сказано: аще кто прибавитъ или убавитъ къ къ слову Божію, анафема да будетъ. Стало быть выходитъ, что нельзя измѣнять ни одной буквы, ни одного знака?

Я стараюсь, по возможности, разъяснить недоразумѣніе. Писцовъ внимательно слушаетъ меня и затѣмъ спрашиваетъ:

— Палочка да три ноля сколько будетъ?.. Тысяча? Вѣрно?.. Хорошо. А если откинемъ одинъ значекъ, одинъ только ноликъ, — сколько останется? Всего сто!... Вотъ какая разница выходитъ отъ одного знака!

Вообще отвѣты Писцова несомнѣнно показывали, что мысль его работала, что онъ много думалъ надъ разрѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ, занимавшихъ извѣстные слои народа. Такъ какъ въ его словахъ по поводу «Іисуса» мнѣ показалось, что онъ, подобно старообрядцамъ, слишкомъ слѣпо держится буквы, то поэтому, желая выяснить его от-

ношеніе къ книгамъ не только церковной, но и гражданской печати, я спросилъ:

— Вы только старинныя и духовныя книги признаете, а новыхъ не уважаете?

— Нѣтъ, у насъ этого нѣтъ, — отвѣчалъ Василій Ивановичъ. — Мы всякія книги признаемъ, и старыя и новыя, лишь бы только они до дѣла доводили, до истины значитъ... Еще Пилатъ спрашивалъ: что есть истина? А люди и по сейчасъ не знаютъ: что такое истина.

— Какія же у васъ есть книги изъ новыхъ?

— Разныя, — отвѣчалъ молодой Писцовъ. — Исторія Россіи Полеваго... сочиненіе Ушинскаго... разсказы графа Толстого, о разныхъ народахъ Водовозовой... изданія «Посредника».

— Толстой насъ немного пріободрилъ, — сказалъ старикъ Писцовъ. — Онъ подкрѣпилъ насъ по нѣкоторымъ статьямъ... Но чтобы не противиться злу — на это мы не согласны. Со временемъ это дѣйствительно будетъ, но теперь время для того еще не настало... Надо противиться злу!..

Писцовъ очень желалъ бы лично посѣтить Л. Н. Толстого, побесѣдовать съ нимъ по вопросамъ о вѣрѣ. Но онъ не рѣшается ѣхать къ нему, боясь, что ему не удастся добиться свиданія съ графомъ, особенно въ виду его болѣзни.

Разговоръ перешелъ на бѣлую одежду, по которой Писцовъ и его послѣдователи получили названіе «бѣлоризцевъ».

— Мы носимъ бѣлую одежду, — сказалъ Писцовъ, — потому, что красить холстъ или сукно, по нашему мнѣнію, не нужно. Не нужно пестрить и красить ничего, потому, что все это народу лишній трудъ, лишній расходъ и лишняя забота... Да опять и то надо вспомнить, что крестимся мы въ бѣлой

одеждѣ, умираемъ—въ бѣлой одеждѣ, стало быть нужно и жить въ бѣлой одеждѣ... Бѣлая риза, бѣлая одежда знаменуетъ чистоту душевную и тѣлесную, а также простоту жизни... она отымаетъ отъ насъ заботу, просвѣщаетъ разумъ, даетъ свободу...

Свою мысль Писцовъ старается подкрѣпить примѣрами, взятыми изъ священнаго писанія и исторіи.

— Іоаннъ Креститель,—говоритъ онъ,—носилъ за плечами бѣлую одежду, а когда крестился, то одѣлся во все бѣлое... Царь Константинъ давалъ всѣмъ, кто хотѣлъ креститься, бѣлыя одежды... Въ прежнія времена старцы всегда въ бѣлой одеждѣ ходили.

— Въ прежнія-то времена, — началъ молодой Писцовъ,—всѣ люди жили просто. Ужъ на что князья—и тѣ вели жизнь самую что ни на есть простую... Вонъ въ «Исторіи» Полевого описано, какъ жилъ великій князь Святославъ. Ѣдетъ на лодкѣ, самъ гребетъ али рулемъ правитъ. Работы, стало быть, не чурался... Греки его встрѣчаютъ съ пышностью, а онъ вышелъ на берегъ, положилъ себѣ весло на плечо - и маршъ!.. И ходилъ завсегда въ бѣлой рубахѣ. Ночевалъ гдѣ придется: въ полѣ, такъ въ полѣ, въ лѣсу, такъ въ лѣсу. Положитъ сѣделко подъ голову, завернется въ войлокъ и—готово!.. почиваетъ себѣ за милую душу... А теперь-то какъ живутъ князья?.. Да что князья, теперь и мужики-то изъ послѣдняго тянутся, чтобы поддевку тамъ али пиджакъ себѣ завѣсти, часы серебрянны съ цѣпочкой...

Разговоръ незамѣтно перешелъ на условія и порядки русской современной дѣйствительности.

— Нонѣ нигдѣ порядка нѣтъ,—заговорилъ старикъ Писцовъ, ни въ церковныхъ дѣлахъ, ни въ гражданскихъ, ни въ мірскихъ... нигдѣ нѣтъ.

— Да почему же?—спрашиваю я.

— А потому, что теперь грѣха не стало.

— Какъ такъ? Что это значитъ?—недоумѣваю я.

— Да такъ. Прежде табакъ курить было грѣхъ. водку пить — грѣхъ, чай пить — грѣхъ. А теперь грѣха не стало: всѣ водку пьютъ, всѣ табакъ курятъ, всѣ чай пьютъ... Прежде въ деревняхъ стариковъ слушали, а теперь старикъ не смѣй и слова сказать, а коли сказалъ, то того и гляди, что побьютъ али сожгутъ... Молодые ребята цѣлыя ночи гуляютъ. Страсть... Прежде страхъ былъ: сотскаго, десятника опасались. Теперь никого не слушаютъ, никого не боятся. Въ Никольскомъ [1]) самого земскаго побили...

— Какъ такъ?

— Да такъ, онъ тоже пошелъ было ночью доглядывать .. Ну, набѣжали, трахъ по головѣ! Такъ что и картузъ съ краснымъ околышемъ слетѣлъ на землю... И едва-едва утекъ .. А какая свара изъ за земли идетъ! Одни хотятъ дѣлить землю по новымъ душамъ, а другіе, кои владѣютъ землей, не хотятъ, потому что у нихъ и безъ того мало ее... Вотъ у нихъ, къ примѣру (Писцовъ указалъ на работника — чувашина) три брата и у всѣхъ троихъ всего три десятины. А у каждаго семья: жена, дѣти. Коли подѣлить по новымъ душамъ—что у нихъ останется? По четверти десятины? Развѣ на это проживешь? . Энтимъ плохо, а кои совсѣмъ-то безъ земли, тѣмъ еще хуже. А вѣдь такихъ-то теперь половина села. Что-же имъ дѣлать теперь? Чѣмъ жить, чѣмъ кормиться?.. Вѣдь мужикъ безъ земли—что? Онъ ужъ не житель... Нужно-же объ этомъ подумать!.. Теперь всѣ люди безземельные, ждутъ 8-го года.

[1]) Село Никольское на Черемшанѣ, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи

— Какого восьмаго года? — спрашиваю я.

— Стало быть окончанія выкупа съ 60 года... Должны-же энтихъ людей чѣмъ нибудь наградить.. Нельзя-же имъ безо всего остаться... Вотъ народъ и ждемъ теперь: что-то будетъ?..

Во время разговора съ Писцовымъ, я назвалъ его основателемъ ученія бѣлоризцевъ. Онъ остановилъ меня.

— Нѣтъ, вѣрнѣе будетъ сказать не основатель, а изыскатель, — возразилъ онъ. — Я изыскиваю истину... все равно, какъ иные разыскиваютъ золото... Оно разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ, нужно только потрудиться, чтобы его найти. Такъ и истина. Она тоже разсѣяна по разнымъ книгамъ, по разнымъ ученіямъ и толкамъ. Вотъ мнѣ и хочется потрудиться розыскать ее по частямъ и соединить во едино... Да, я изыскатель. Можетъ, что и найду и открою... Мало ли было такихъ людей, которые открывали. Вонъ Колумба людямъ Америку открылъ. Сколько вѣковъ люди жили и ничего не знали, что есть такая агромадная земля. Сколько вѣковъ земля эта была незнама — и вдругъ ее открылъ Колумба .. Отъ этого большая польза всѣмъ людямъ произошла. Можетъ и мнѣ Богъ поможетъ открыть истину...

Я высказалъ мысль, что современная жизнь крайне осложнилась множествомъ разнообразныхъ вліяній поэтому, чтобы разобраться въ явленіяхъ этой жизни, необходимо много знать, много изучать и наблюдать, кромѣ того необходима извѣстная научная подготовка, знакомство съ разными отраслями наукъ и что вообще одного знанія священнаго писанія, безъ научнаго образованія, слишкомъ недостаточно чтобы уяснить себѣ смыслъ современной жизни и опредѣлить причины, вызывающія тѣ или иныя печальныя явленія.

Выслушавъ меня, Писцовъ задумался, а затѣмъ проговорилъ:

— Образованность, говоришь ты, это точно... образованность дѣло хорошее. Но горе то, что образованность-то у насъ только въ умѣ, а въ житьѣ— нѣтъ ее совсѣмъ.

— Изъ чего ты это заключаешь?—спросилъ я.

— Жизнь показываетъ... Больно пышно живутъ ученые-то. Имъ бы примѣръ показать, какъ то есть правильно жить слѣдуетъ людямъ, а они за мѣсто того всякую роскошь заводятъ... Вотъ поэтому-то самому я и боюсь за ними идти...

Я спросилъ Писцовыхъ: заботятся-ли они о распространеніи своихъ идей и находятъ-ли послѣдователей своему ученію?

— Мы стараемся увеличить обчество свое, только это дѣло трудное,— отвѣчалъ Василій Ивановичъ. — Сначала возьмутся крѣпко, а потомъ какъ станутъ богатѣть, и—рѣшаются.. Начнутъ слабѣть, слабѣть. Смотришь, и совсѣмъ потемнѣло.

Въ то же время Писцовъ категорически заявляетъ, что онъ и его послѣдователи никакой секты не составляютъ.

— У насъ не секта,— обыкновенно говоритъ онъ,—а у насъ воздержная жизнь... И опять понятіе хочется найти...

VII.

Любимыя темы.

Мы начали довольно часто видаться другъ съ другомъ то я заходилъ къ Писцову, то онъ— ко мнѣ, при чемъ каждый разъ унасъ затѣвались долгія, живыя бесѣды на всевозможныя темы У Писцова было нѣсколько излюбленныхъ темъ, которыя особенно одушевляли его. Такъ, напримѣръ, онъ всегда особенно охотно говорилъ на тему о необходимости опрощенія, при чемъ стольже охотно передавалъ подробности своего собственнаго опрощенія.

— Прежде, я тоже ходилъ въ енотовыхъ шубахъ, ѣздилъ въ пролеткахъ —разсказывалъ онъ мнѣ одноднажды.— Жена въ шелковыхъ платьяхъ наряжалась. Однимъ словомъ—форсу задавали... Проживали мы тогда полторы тысячи рублей въ годъ, и намъ все не хватало, все было мало, во всемъ недостача. А теперь семья наша стала больше, а проживаемъ мы всего на все пятьсотъ рублей, стало быть супротивъ прежняго третью часть. И намъ довольно, хватаетъ за глаза. Мы горя не знаемъ! И намъ теперь легко!... Слободно!... Ну, а если бы мы теперьто по старому полторы тысячи проживали,—гдѣ

бы намъ теперь такія деньги достать? По нынѣшнему-то времени, когда и отъ садовъ, и отъ хозяйства, и отъ земли доходу все меньше да меньше? Чтобы намъ дѣлать? Вѣдь намъ чистое горе было бы. Не иначе, мы бы въ упадокъ пришли, въ разореніе .. Ну, а теперь намъ легко! Хорошо! Главное дѣло — слободно!...

Въ другой разъ, вспоминая свою прежнюю жизнь въ качествѣ управляющаго графа Соллогуба и торговца, Писцовъ разсказывалъ

— Я хоть и мужикъ, а прежде тоже на дворянской ногѣ стоялъ. Туда же за купцами да за господами лѣзъ! Изъ послѣднихъ силъ выбивался! .. И началось это съ маленькаго: съ шапки началось...

— Какъ—съ шапки?—спросилъ я.

— Когда я былъ молодымъ парнемъ, была у меня охота смертная завести себѣ бобровую шапку. Тогда носили бобровыя шапки съ шелковой кистью. Мода такая была... Страсть хотѣлось мнѣ такую шапку и чтобы безпремѣнно кисть моталась Любо мнѣ это было тогда. Ну, хорошо, накопилъ я десять рублей—купилъ бобровую шапку. Радъ былъ до смерти .. А кафтанишка-то былъ плохенькій, сапоги большущіе... И вотъ люди стали смѣяться надо мной: одѣлъ, дескать, сѣдло на корову. Началъ я добиваться хорошаго кафтана. Село наше было богатое и большое, а тонкаго кафтана ни одного не было... Ну, со временемъ, справилъ я себѣ и кафтанъ, и сапоги, и брюки — всю одежу себѣ справилъ По одежѣ я познакомился съ графомъ, онъ призвалъ меня къ себѣ и препоручилъ мнѣ перестроить базаръ. Съ этого я и пошелъ... Себя одѣлъ,— теперь надо было домъ оправлять, горницы устраивать, мебель покупать. Домъ оправилъ — надо сбрую заводить, выѣздъ оправлять—у меня двѣ ло-

шадки были. Оправилъ выѣздъ, надо посуду въ домѣ заводить, серебро покупать, чтобы гостей можно было принять, чтобы графа угостить было не стыдно, богатыхъ купцовъ, которые наѣзжали ко мнѣ Знакомство у меня завелось и съ Духиновыми, и съ Блиновыми, и съ Марковыми. Все богачи, милліонеры.. Купилъ дюжину серебра: ложекъ, ножей, вилокъ... Вижу, становлюсь я на дворянскую ногу, а расходу все прибываетъ и прибываетъ. То одно, то другое! И нѣтъ ему, расходу, конца — края!... Вижу, что влѣзъ я на гору высокую, и увидѣлъ я тутъ, что если я съ этой горы упаду, то тутъ и будетъ моя погибель... Тогда я задумалъ про себя: лучше мнѣ будетъ, если я самъ сойду съ горы. Вотъ это самое и заставило меня спуститься... Тамъ, на горѣ—одна тягость .. И графъ не вынесъ и палъ, и я бы съ нимъ безпремѣнно палъ, если бы не спустился съ этой высоты. . И опять же я увидѣлъ, что торговля—дѣло не чистое. Безъ камня, говорятъ, кола не вобьешь, безъ лжи и грѣха торговлю не заведешь. А люди-то всѣ въ наживу да въ торговлю ударились .. Раздумалъ я объ этомъ, бросилъ все, переѣхалъ сюда, все распродалъ и сталъ самъ работать, заниматься садами . Дѣти у меня всякую работу дѣлаютъ и кузнечное дѣло знаютъ и столярное и по плотнической части могутъ...

И вотъ мы зажили своими трудами кровными... безо всякой пышности и безо всякой обиды... И намъ хорошо, легко!

— Слободно,—вотъ главное! — вставилъ молодой Писцовъ убѣжденнымъ тономъ.

VIII.

«Крѣпкіе» и «слабые» люди

Въ современной жизни вниманіе Писцова всего болѣе привлекаютъ два явленія: съ одной стороны быстрое обѣднѣніе народа и «господъ», т. е. помѣщиковъ, а съ другой — все возрастающая роскошь, стремленіе «къ пышности», которыя онъ подмѣчаетъ не только среди общества, но и среди крестьянства.

— Роскошь увеличивается все больше и дѣлаетъ уничтоженіе жизни, — философствуетъ Писцовъ. — Особливо высокихъ людей мучитъ роскошь. Да и черный народъ туда-же тянетъ ..

Я протестую противъ послѣдняго утвержденія. Можно ли говорить о роскоши «чернаго народа», живущаго при самыхъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, страдающаго отъ неисходной нужды, отъ хроническихъ недородовъ и голодовокъ?

Но Писцовъ стоитъ на своемъ. Онъ соглашается, что «годъ отъ году нужда все прибавляется», но при этомъ онъ тотчасъ же спѣшитъ прибавить: «ну, и роскошь прибавляется»... Въ прежнее время народъ и понятія не имѣлъ, что такое чай. Всѣ, изволите видѣть, довольствовались сбитнемъ. Народъ

«началъ вникать въ чай лѣтъ 50 назадъ» и теперь во всякой избѣ можно найти самоваръ, чайникъ, посуду, сахаръ. Прежде народъ водку да брагу пилъ, а теперь еще и пиво пошло, и въ пиво все больше хмѣлю кладутъ... «Деревенскіе парни покупаютъ теперь калоши въ три рубля, дорогіе брюки, часы съ цѣпочками, зонтики .. И ѣдутъ въ поле, на работы. Дѣвки изъ послѣдняго тянутся, чтобы себѣ обновы да наряды разные справить Начали шить платья по городскому, по модному, кофты разныя, «дипломаты», «бедуины» и невѣсть что такое. . А приходы отъ земли стали плохи. Сады у насъ падаютъ. Нѣтъ людей, кои бы черную работу дѣлали .. Всѣ землю возненавидѣли»...

По мнѣнію Писцова, роскошь или «пышность», какъ онъ выражается, всегда ведетъ съ одной стороны – къ разоренію, а съ другой — къ разврату.

— Роскошь до добра не доводитъ. Роскошь Римъ обнизила, Вавилонъ отъ роскоши разорился.. Теперь у насъ Парижъ остался и онъ падаетъ. А у насъ всѣ послѣдуютъ Парижу . Новобрачные первымъ дѣломъ ѣдутъ туда Мужъ не успѣетъ повѣнчаться и уже везетъ поскорѣе молодую жену въ Парижъ... Зачѣмъ они туда ѣдутъ?—спрашивалъ я графа (Соллогуба), а онъ и говоритъ: затѣмъ, чтобы молодой женѣ развратъ показать...

— Мы не любимъ пышности,— говорилъ Писцовъ въ другой разъ,—не любимъ и слабой жизни. Поэтому самому мы уважаемъ крѣпкихъ людей, а слабыхъ не любимъ. Да, мы любимъ крѣпость... Раскольники живутъ крѣпко, но они слѣпы, темны, мало видятъ..

Подъ словомъ «крѣпость» Писцовъ разумѣетъ духовную мощь, непреклонную силу воли, твердый характеръ—эти свойства въ человѣкѣ Писцовъ ста-

витъ выше всего. Люди противоположнаго закала, люди «слабой жизни», не умѣющіе бороться со своими страстями, не устойчивые въ жизненной борьбѣ и въ отстаиваніи тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которые онъ считаетъ наиболѣе важными,—возбуждаютъ въ немъ чувство, близкое къ презрѣнію. Этимъ объясняется и его отвращеніе къ нищимъ, голытьбѣ, и босякамъ, словомъ ко всѣмъ «падшимъ» ко всѣмъ «бывшимъ людямъ».

Къ людямъ этого типа Писцовъ относится, видимо, безъ всякаго сочувствія, холодно, съ предубѣжденіемъ. По его мнѣнію, помощь нищимъ и другой голытьбѣ должна оказываться «не подаяніемъ, а поученіемъ». Необходимо вызвать, возбудить въ человѣкѣ твердое желаніе и стремленіе встать на ноги, справиться. Денежными-же подачками нельзя исправить человѣка, нельзя ему помочь кореннымъ образомъ. «Бѣдный отъ нерадѣнія,—говоритъ онъ, нищій по охотѣ». Сколько ни давай «слабому человѣку» денегъ—онъ ихъ не удержитъ у себя... Онѣ опять уйдутъ отъ него къ «крѣпкимъ людямъ».

— Не останется вода на бугрѣ.—иллюстрируетъ Писцовъ свою мысль,—она безпремѣнно стечетъ снова въ рѣку. Сколько ни лей воды на бугоръ—она не останется тамъ. Такъ и деньги, такъ и милостыня.

Писцовъ хорошо сознаетъ, что одной милостыни, одной случайной денежной помощи слишкомъ мало для того, чтобы спасти голытьбу, избавить ее отъ нищеты, нужды и бѣдности. Онъ смутно сознаетъ, что для этого нужно что-то гораздо болѣе значительное, что-то большое и крупное. Но что именно онъ, конечно, не знаетъ.

— Есть притча такая, - говорилъ однажды Писцовъ,—два старика сидятъ, промежъ себя разгова-

ривают. Приходитъ человѣкъ, проситъ милостыню. Одинъ старикъ отказалъ, другой – далъ три рубля. Тогда первый старикъ и говоритъ второму: «ты погубилъ этого человѣка»... Вотъ вѣдь какое слово сказалъ: *погубилъ* говоритъ... И Златоустъ въ своемъ писаніи и хвалитъ нищихъ и осуждаетъ ихъ Онъ называетъ ихъ Христокупцами, которые Христомъ торгуютъ... Въ послѣднее время не будетъ милостыни. Отъ этого портится жизнь. Нужно, чтобы всякъ свою должность правилъ и чтобы всякъ свой достатокъ имѣлъ... Нужно понять въ чемъ народъ нуждается? Какое въ людяхъ требованіе?.. Это главнѣе всего. Когда у всѣхъ будетъ достатокъ, тогда и любовь будетъ. А то вишь, что дѣлается.. Да кабы мы всѣ не брали, тогда и другимъ бы доставало. Сребролюбіе людями обуяло. А сребролюбіе Господь осуждаетъ. Господь не хочетъ расходовъ, не хочетъ роскоши и пышности.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, Писцовъ продолжалъ:—вотъ въ газетахъ написали, что Толстой все дѣлаетъ для людей, а Писцовъ только для себя. По ученому это называется... эго... эго-истъ,—съ трудомъ проговорилъ Писцовъ.—Но только это ошибка. Я тоже радъ помогать людямъ, радъ помочь своими книгами, на которыя много потратился, радъ совѣтъ полезный подать. Но денегъ я зря не раздаю, это вѣрно.. Раздать деньги не долго, но только пользы отъ этого я нѣ предвижу ни людямъ, ни себѣ. Вотъ я тебѣ примѣръ представлю. Есть здѣсь, въ Симбирскѣ, купецъ Михайло Захаровъ, по Спасову согласію. Человѣкъ онъ кроткій, смирный, наслушался людей, что грѣхъ имѣть капиталъ, грѣхъ торговлей заниматься, взялъ да и роздалъ все свое имѣніе. Домъ у него былъ исправный, лавка съ товаромъ, всего тысячъ на десять было. И вотъ все

это онъ роздалъ нищимъ и убогимъ, до чиста роздалъ, и самъ остался ни съ чѣмъ. Былъ онъ сначала дѣвственникъ, брака стало быть не признавалъ жилъ холостымъ, но видно не осилилъ, не могъ совладать съ плотью,—взялъ жену, помощницу себѣ и живетъ теперь не вѣнчанный. Ну, это Богъ съ нимъ, не наше дѣло. . Но только пошли дѣти, надо ихъ кормить, поить, одѣвать, а достатка-то нѣтъ вовсе никакого... И терпитъ нужду, сердешный, большую, такую нужду, что и со стороны глядѣть жалко... Что-же вышло? Нищіе и убогіе, коимъ онъ роздалъ свое имѣніе, не стали богатыми, да и самъ онъ разорился и дѣтей своихъ почитай нищими по міру пустилъ...

— Но вѣдь Господь-то будетъ спрашивать насъ на томъ свѣтѣ: накормилъ-ли ты? напоилъ-ли ты? — замѣтилъ Писцову присутствовавшій при этомъ разговорѣ мой знакомый г. Х.

— Да развѣ я говорю, что не нужно накормить голоднаго али напоить жаждущаго?—съ удивленіемъ возразилъ Писцовъ, очевидно недовольный, что его мысль осталась непонятой.—Я говорю только насчетъ денегъ.

Вообще, по моему, врядъ-ли справедливо обвинять Писцова въ черезчуръ узкомъ и черствомъ эгоизмѣ. Какъ умный мужикъ, прекрасно знакомый съ океаномъ народной нужды, онъ ясно видитъ, разумѣется, какъ безплодна и безсильна частная личная благотворительность въ дѣлѣ борьбы съ бѣдностью и пролетаріатомъ. Но сознавая это, Писцовъ въ то же время постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, указываетъ на необходимость такихъ мѣръ, которыя бы помогли бѣднымъ встать на ноги.

Если въ его отношеніи къ нищимъ, попрошайкамъ, босякамъ, пропойцамъ и тому подобному

люду сквозитъ слишкомъ жесткое чувство и предубѣжденіе, то къ крестьянской бѣднотѣ, къ рабочему обездоленному люду, ко всѣмъ трудящимся онъ постоянно высказываетъ глубокое сочувствіе, постоянно заявляетъ о необходимости помочь имъ, вознаградить ихъ за всѣ лишенія, которыя они испытываютъ въ настоящее время. Наконецъ, отрицая пользу и цѣлесообразность денежной милостыни, денежной помощи нищимъ и босякамъ, Писцовъ въ то же время стоитъ на томъ, чтобы и имъ непремѣнно была оказана помощь, но только другими, по его мнѣнію, болѣе дѣйствительными средствами Въ то же время онъ рѣзко осуждаетъ тѣхъ, кто игнорируетъ этотъ людъ.

Вотъ примѣръ.

Какъ-то разъ зашла рѣчь объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ; я спросилъ Писцова: что онъ думаетъ объ этомъ человѣкѣ?

— Пріѣзжалъ онъ сюда въ Симбирскъ, — началъ Писцовъ;—и обидѣлъ онъ здѣсь бѣдноту.

— Какъ обидѣлъ?—удивился я.

— Да такъ. Ждали его нищіе и убогіе. А онъ остановился у самаго богатѣющаго купца... Пріѣхалъ въ каретѣ... прошуршалъ шелковыми рясами... и начались обѣды, да пироги, да угощенія. И кромѣ богатыхъ никого къ нему не допускали. Полицейскіе стояли у воротъ, бѣдный народъ отгоняли... Такъ и уѣхалъ.

Впрочемъ, иногда бывшій крѣпостной сказывается въ Писцовѣ и теперь, особенно въ его разсужденіяхъ относительно настроенія современной крестьянской молодежи. Выше мы уже приводили его рацеи на эту тему. Главная вина молодежи, по мнѣнію Писцова, заключается въ томъ, что она не слушаетъ стариковъ, не подчиняется ихъ авторите-

ту, озорничаетъ. Однако, несмотря на филиппики противъ современной молодежи, онъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ мысли идеализировать крѣпостные порядки, которые ему пришлось испытать на собственной шкурѣ, несмотря на то, что его баринъ, графъ Соллогубъ, судя по отзывамъ Писцова, отличался благодушіемъ.

— Теперь безстрашіе пошло, безначаліе.—говорилъ однажды Писцовъ,—никто никого не боится... А прежде не то было. Разъ я былъ съ графомъ въ Нижнемъ. Поѣхалъ онъ къ Блинову.—слыхали можетъ—милліонеръ такой есть? И меня съ собой взялъ... Сѣли они, разговариваютъ, а я все стою... Стою и стою у притолки. Блиновъ и говоритъ графу: «Ваше сіятельство, дозвольте, говоритъ, Писцову, сѣсть». А графъ говоритъ: «да я завсегда ему говорю, чтобы онъ сидѣлъ, а онъ все не слушаетъ, все стоитъ. Я, говоритъ, право не знаю почему»... Блиновъ усмѣхнулся.—«А я, говоритъ, знаю, почему онъ не садится».—Почему-же?—спрашиваетъ графъ.—«А вотъ почему.—говоритъ Блиновъ... Вы, ваше сіятельство, знаете, что я теперь человѣкъ не бѣдный, имѣю достатокъ немалый и капиталъ у меня, слава Богу, не изъ послѣднихъ... А мой баринъ, у котораго я то есть крѣпостнымъ былъ, въ упадокъ пришелъ... въ большой-большой упадокъ... можно сказать, въ бѣдность впалъ въ такую, что и не приведи Богъ никому .. Однако, говоритъ, когда онъ, случается, ко мнѣ зайдетъ, я при немъ не могу плотно сѣсть... То есть ни-ни! никакъ не могу! Сѣсть—сяду, но только плотно никогда не сажусь а такъ—мало-мало... Вотъ отъ этого самаго и Писцовъ при тебѣ не можетъ сидѣть»!

IX.

Отчего разбился нашъ корабль?

Въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Писцовъ совершенно чуждъ всякой нетерпимости, столь свойственной сектантамъ. Напротивъ, въ его отношеніи къ вопросамъ религіознаго характера иногда можно подмѣтить почти философскій объективизмъ, спокойный и вдумчивый тонъ изслѣдователя, старающагося всесторонне выяснить спорный вопросъ. Онъ всегда готовъ внимательно, до конца выслушать своего противника, готовъ взвѣсить и обсудить всякій новый аргументъ. Въ пылу споровъ, когда всѣ участники, въ томъ числѣ и Писцовъ, конечно, разгорячаются, вы никогда не почувствуете въ немъ буквоѣда, сухого схоластика, цѣпляющагося за мертвые тексты,—нѣтъ, въ его словахъ всегда звучитъ нота страстнаго исканія истины, горячаго желанія установить правильный взглядъ на тотъ или иной вопросъ, обосновать и подкрѣпить этотъ взглядъ автористомъ священнаго писанія и ссылками на условія, факты и явленія современной дѣйствительности.

Тѣ, которые причисляютъ Писцова къ старовѣ-

рамъ, также не правы, какъ и тѣ, которые считаютъ его сектантомъ-раціоналистомъ. Онъ одинаково далекъ отъ обѣихъ группъ нашего раскола-сектантства Писцовъ не долюбливаетъ старообрядцевъ больше всего за ихъ темноту и косность, за ихъ слѣпую приверженность къ буквѣ. Относительно же ученія русскихъ раціоналистовъ, такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ-молоканъ, духоборовъ и т. п., Писцовъ отзывается такъ:

— Духовные христіане отвергаютъ всю внѣшность, всю видимость и признаютъ и почитаютъ одно только духовное. По моему, это несправедливо, такъ какъ пока мы живемъ во плоти, нельзя понимать все въ духовномъ смыслѣ. Это будетъ потомъ, когда духъ отдѣлится отъ плоти. А теперь нужно не одно духовное, но и плотское, тѣлесное.

Вообще Писцовъ отнюдь не раздѣляетъ слишкомъ отрицательнаго и пренебрежительнаго отношенія духовныхъ христіанъ ко всякому обряду, ко всякимъ внѣшнимъ формамъ религіи. Извѣстные обряды, извѣстныя религіозныя формы, по его мнѣнію, имѣютъ свой raison d'efre, иначе люди не дорожили бы такъ своими обрядами.Свою мысль въ этомъ случаѣ онъ аргументируетъ примѣромъ изъ послѣдней китайской войны.

— Наѣхали въ Китай войска,—говоритъ онъ,—наѣхали миссіонеры отъ семи императоровъ. Другъ дружкѣ не вѣрятъ. Вѣра у всѣхъ одна: христіанская вѣра. А между прочимъ всѣ врозь. Всѣ волками смотрятъ другъ на дружку... Почему такъ? А потому, что всѣ стоятъ за свой обрядъ, обряды у всѣхъ разные. И выходитъ, стало быть, что обрядъто дѣло не пустое, а важное.

Въ тоже время соперничество христіанскихъ мис-

сіонеровъ, ихъ взаимная упорная вражда крайне огорчаютъ Писцова.

— Во всѣхъ земляхъ расколъ,—съ грустью говоритъ онъ.—Нигдѣ нѣтъ согласія Въ Китай наѣхало миссіонеровъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ тащитъ китайку въ свою вѣру, другой—въ свою, третій—въ свою. Всякъ—въ свою! Китайка, говорятъ, баба глупая. Кого ей слушать? Не знай. У кого правая вѣра? Не знай Вотъ китайка и говоритъ миссіонерамъ: вы, дескать, спервоначала договоритесь промежъ себя, порѣшите: чья, значитъ, вѣра правѣе, согласитесь промежду себя, тогда, молъ, и я приму эту вѣру, а то теперь я не знаю, кого мнѣ изъ васъ слушать..

Однажды мнѣ пришлось присутствовать при разговорѣ Писцова съ однимъ изъ строгихъ приверженцевъ церкви, г. Х. который желалъ уяснить себѣ отношеніе бѣлоризцовъ къ религіи и таинствамъ.

— Благодать въ православной церкви вы признаете ?—спрашивалъ г. Х.

— Признаемъ,—отвѣчалъ Писцовъ.

— А между тѣмъ въ церковь не ходите?

— Мало ходимъ,—сознавался Василій Ивановичъ.

— Почему-же?

— Бесѣды въ церкви нѣтъ, а у насъ на дому и бесѣды и толкованія. Мы собираемся и всѣ вмѣстѣ читаемъ апостолъ, евангеліе, апокалипсисъ и тутъ же толкуемъ ихъ сообща. Одинъ чего не поймётъ, другой растолкуетъ. Не даромъ пословица говоритъ: умъ хорошо, а два—еще лучше.

— А гдѣ вы крестите и вѣнчаете?—спрашивалъ г. Х.

— Въ церкви... Гдѣ же больше?

— А причастіе признаете?

— Причащаемся мы рѣдко, такъ какъ и въ писаніи сказано: «аще кто не достоенъ причастія причастится — въ судъ и въ осужденіе себѣ ѣстъ и піястъ».

— Но, вѣдь, это сказано о недостойныхъ?

— А чтобы быть достойнымъ, нужно быть святымъ. Ну, а святыми мы боимся назваться...

— Но откуда вы взяли, что для причастія нужно непремѣнно быть святымъ?

— А какъ же! зачѣмъ же, когда выносятъ чашу изъ алтаря, говорятъ: «святая—святымъ!» Вѣдь, не зря же говорятся эти слова.

— Все это вы глупости придумываете!— говоритъ г. Х.—Вы не должны чуждаться церкви, отнюдь не должны отдѣляться отъ нея. Нужно соединятся всѣмъ вмѣстѣ, а не разъединяться. Необходимо единеніе, а единеніе возможно только въ церкви. Поэтому вы должны ежеминутно прибѣгать къ церкви.

— А мы, признаться, побаиваемся церкви-то— сказалъ Писцовъ.

— Какъ? Почему?—удивился г. Х.

— Да по-нашему, больно хила она стала, какъ бы совсѣмъ не придавила. Вѣдь не даромъ-же Златоустъ пишетъ: чѣмъ вамъ въ старой храминѣ сидѣть и всегда опасаться, какъ бы она васъ не придавила, не лучше ли вамъ новенькую сдѣлать, всѣмъ собраться и въ безопасности быть?... Да и въ Апокалипсисѣ говорится, что необходимо все нужно будетъ дѣлать *новое*, что современемъ и земля будетъ новая и небо будетъ новое... Такое, стало быть, ужъ время пришло. Весь народъ желаетъ новаго...

Эта проповѣдь обновленія, очевидно, не понравилась приверженцу церкви, который усмотрѣлъ

въ ней явную ересь и потому съ нескрываемымъ раздраженіемъ замѣтилъ Писцову:

— Не грѣши, старикъ, и оставь лучше Апокалипсисъ въ покоѣ. это не твоего ума дѣло. Читай евангеліе, читай святыхъ отцовъ, это много понятнѣе и доступнѣе для васъ.

На это Писцовъ возразилъ:

— Апокалипсисъ и Дѣянія апостоловъ —это двѣ книги, которыя, непремѣнно должны быть вмѣстѣ, все равно какъ два крыла у птицы: ихъ раздѣлять нельзя.

Горячо отстаивая свои религіозные взгляды, Писцовъ однако далекъ отъ мысли считать ихъ непреложными. Онъ часто и охотно подчеркиваетъ мысль о необходимости подробнаго и всесторонняго обсужденія и разрѣшенія всѣхъ тѣхъ сомнѣній, которыя возникаютъ у каждаго религіозно настроеннаго человѣка подъ вліяніемъ съ одной стороны чтенія священнаго писанія, а съ другой-подъ давленіемъ разныхъ неустройствъ современной жизни:

— Время смущенія пришло, — говоритъ Писцовъ,—и богатые и бѣдные, всѣ смущаются... Много дорогъ въ полѣ, много вѣръ у людей... Много толковъ разныхъ развелось.. Надо спросить: куда дорога ведетъ? а не, то, вѣдь, можно, пожалуй, совсѣмъ зря зайти. У насъ въ Никольскомъ прежде одна только вѣра была—Спасово согласіе (кромѣ церковныхъ), а теперь стало ужъ четыре вѣры: перекрещенцы, самокрещенцы, австрійское согласіе, Спасово...

Далѣе онъ продолжалъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.

— Надо собраться всѣмъ толкамъ, надо обдумать все... всѣмъ, кромѣ мірской церкви. Мірская церковь идетъ по широкой дорогѣ, но широкая до-

рога ведетъ къ погибели. Кто не видѣлъ тѣсноты, тотъ не попадетъ и въ красоту—пишетъ Ездра. Хотя третью книгу Ездры не принимаютъ, но ее никто не минуетъ... Да, надо собраться всѣмъ, какъ прежде собирались мудрые люди, и не на день и не на два, а на годъ, на два... Собраться и разобрать: отчего у насъ раскололась посуда [1])?... Отчего разбился нашъ корабль? Отчего погибаемъ?

Желая, чтобы онъ высказался болѣе опредѣленно, я спросилъ его: въ чемъ собственно усматриваетъ онъ нашу гибель?

— А какъ же.—сказалъ Писцовъ,—развѣ не сбывается пророчество: «Трудившійся сытъ не будетъ»! Голоднаго народу все прибываетъ .. Народъ изъ силъ вышелъ! Все дѣло стало... Богатый мужикъ землю снимаетъ—опять бѣда. Сельчане снять не въ силахъ: денегъ нѣтъ. Сами не могутъ снять и другихъ не подпускаютъ, чуть что—грозятъ сжечь Марковъ теперь купилъ землю въ Никольскомъ и идетъ у него свара съ народомъ. И зачѣмъ ему путаться въ это дѣло: мало-ли у него земли и имѣній разныхъ... У Суслина крестьяне землю разобрали, а денегъ не платятъ. Пахать пашутъ, а денегъ не платятъ. Судятся. Все село описали, а ничего подѣлать не могутъ... Вездѣ нужда: и въ господахъ и въ народѣ. Жить нельзя стало!...

Развивая далѣе свою мысль, Писцовъ говорилъ:—Отъ господъ прижимка: земля стоитъ 12 рублей аренды, а въ другихъ мѣстахъ и того дороже... Теперь ты подумай: сколько получитъ крестьянинъ съ десятины? Въ нашемъ мѣстѣ десятина даетъ 50 пудовъ, считай по полтинѣ за пудъ—25 рублей.

---

[1]) „Посудой“ въ Поволожьѣ называется всякое рѣчное и морское судно, отъ лодки до парохода включительно.

Двѣнадцать рублей аренда, обработка стоитъ тоже двѣнадцать рублей, на сѣмяна остается одинъ рубль... Стало быть за труды-то крестьянину ничего и не придется получить... При чемъ тутъ жить— скажите на милость? Какъ тутъ питаться?

Такимъ образомъ разговоръ, начатый на религіозную тему, постепенно перешелъ на чисто реальныя явленія современной народной жизни, главнымъ образомъ на тяжелыя экономическія условія крестьянскаго населенія. И подобные, весьма, конечно, характерные переходы, какъ нельзя болѣе часты и обычны у Писцова. Все это, безъ сомнѣнія, указываетъ на то, что религіозные взгляды Писцова, чужды отвлеченной схоластики, узкаго сектантства и что въ основѣ ихъ лежатъ чисто жизненные мотивы и стремленія.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вообще у насъ слишкомъ привыкли злоупотреблять словами «сектантъ», «секта» и т. п., особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается религіозныхъ разногласій и разномыслій, возникающихъ въ народной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ изъ привиллегированной среды, изъ интеллигентнаго общества въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, переживъ извѣстный душевный процессъ, измѣняетъ свои религіозные взгляды и убѣжденія по тѣмъ или другимъ вопросамъ вѣры, если онъ охладѣваетъ къ внѣшней сторонѣ религіи, если онъ становится религіознымъ индеферентистомъ или даже совсѣмъ порываетъ всякую связь съ церковью—его называютъ вольнодумцемъ, либераломъ, философомъ, но никто не называетъ сектантомъ.

Но разъ что нибудь подобное случится съ крестьяниномъ или рабочимъ—сейчасъ же такой человѣкъ получаетъ страшную кличку, страшный ярлыкъ

«сектанта», хотя у него и въ мысляхъ не было примыкать къ какой нибудь сектѣ и еще менѣе—основывать свою собственную секту. Вся его «вина», все его преступленіе состояло лишь въ томъ, что онъ измѣнилъ свой взглядъ на тѣ или другіе религіозные вопросы, сталъ, напримѣръ, иначе смотрѣть на поклоненіе иконамъ, сталъ иначе относиться къ духовной іерархіи и т. п. И хотя бы при этомъ онъ былъ совершенно чуждъ всякаго фанатизма, всякой сектантской узости—все равно, для него нѣтъ другого названія, какъ сектантъ.

Эта разница въ опредѣленіи и оцѣнкѣ одного и того же явленія, наблюдаемаго лишь въ разныхъ слояхъ общества и народа, по истинѣ поразительна. Можно подумать, что за крестьяниномъ и рабочимъ не признается права измѣнять тѣ или другіе религіозные взгляды и убѣжденія. Какъ отцы и дѣды вѣрили, такъ и ты изволь вѣрить, а если мысль твоя работаетъ, если ты не находишь нравственнаго удовлетворенія въ толкованіяхъ и проповѣдяхъ своего батюшки, хотя бы онъ и былъ умудренъ семинарской премудростью, если ты дерзаешь «смѣть свое сужденіе имѣть», если ты хочешь вѣрить и молиться такъ, какъ подсказываетъ тебѣ твое внутреннее чувство—то значитъ ты никто иной, какъ сектантъ, т. е. вредный, опасный, подозрительный человѣкъ, отъ котораго необходимо сторониться и за которымъ нужно слѣдить и подсматривать въ оба.

Послѣдствія такого положенія вещей получаются самыя печальныя, и при томъ не только для людей, которыхъ зачисляютъ въ «сектанты», но и для самой господствующей церкви. Первымъ буквально отравляется вся жизнь: за ними подглядываютъ, ихъ выслѣживаютъ, донимаютъ доносами, таскаютъ на увѣщанія, преслѣдуетъ подозрѣніями, подвергаютъ

обыскамъ и т. д. Это одна сторона дѣла; но есть и другая, не менѣе печальная. Когда извѣстную группу людей начинаютъ систематически травить со всѣхъ сторонъ, то вполнѣ естественно, что люди, составляющіе эту группу, волей-неволей начинаютъ таиться, скрываться и въ тоже время — сплачиваться, объединяться въ тѣсномъ, замкнутомъ кругу. Мало-по-малу они совсѣмъ обособляются отъ окружающей ихъ среды, порываютъ всякія связи съ церковью и духовною іерархіей и такимъ образомъ въ результатѣ дѣйствительно создается новая секта... Какъ видите, результатъ настолько же неожиданный, насколько нежелательный.

О томъ, какъ относится къ Писцову окрестное населеніе, мы уже приводили свѣдѣнія лицъ, писавшихъ объ этомъ въ мѣстныхъ газетахъ. Необходимо признать, что извѣстная часть населенія дѣйствительно относится къ Писцову непріязненно. Эта непріязнь, однако, въ значительной степени подогрѣвается извнѣ. Приведенный выше случай въ деревнѣ Погребахъ, когда полупьяная толпа чуть было не избила Писцова,—является исключительнымъ или, вѣрнѣе, единственнымъ въ своемъ родѣ. Объ обстоятельствахъ, непосредственно предшествовавшихъ этому случаю, Писцовъ намъ разсказывалъ такъ:

— Только что я пріѣхалъ въ эту деревню, немного погодя приходитъ въ избу священникъ со своею свитой. Проситъ меня пожертвовать что-нибудь на церковь. Я ему на это говорю, что молъ я свою хочу дѣлать церковь?—«Кто тебѣ позволитъ это сдѣлать»?—говоритъ онъ. А я ему говорю: «Да кто же мнѣ можетъ запретить устроить церковь?

Вѣдь, церковь то, молъ, не въ бревнахъ, а въ ребрахъ. Въ душѣ, молъ, церковь-то должна быть, а надъ душой одно начальство — Богъ... Слово за слово — поспорили Священникъ ушелъ... Проходитъ нѣкоторое время, смерклось... Вдругъ толпа ребятъ валитъ къ избѣ, — хмѣльные, съ цигарками. Стучатъ, ломятся въ ворота, кричатъ, чтобы отперли, грозятъ ворота выломать; священникъ, молъ, записку прислалъ хозяйкѣ, чтобы меня, значитъ, сейчасъ же выслать вонъ изъ деревни...

Далѣе Писцовъ передалъ намъ тотъ самый разсказъ, который былъ уже приведенъ нами выше со словъ автора корреспонденціи въ «Волжскомъ Вѣстникѣ».

Большинство, какъ всегда и вездѣ, судитъ главнымъ образомъ по внѣшности, не давая себѣ труда вникнуть въ тѣ внутреннія мотивы, которыми руководствовался Писцовъ, перестраивая на новыхъ началахъ какъ свою собственную жизнь, такъ и жизнь близкихъ ему людей. Поэтому чаще всего вы можете услышать здѣсь такіе, напримѣръ, отзывы о Писцовѣ:

— Писцовъ хочетъ за бѣлою ризою укрыться.. Вишь, что придумалъ! Бѣлую душу надо имѣть, а не бѣлую ризу. Онъ думаетъ: одѣлъ бѣлый кафтанъ, такъ и правъ... Нѣтъ, братъ, шалишь. Бѣлый кафтанъ — дѣло маленькое... и т. д.

Но люди болѣе вдумчивые внимательно прислушиваются къ рѣчамъ Писцова и еще болѣе внимательно присматриваются къ его жизни и жизни его послѣдователей, чуждой всякой роскоши, всякихъ стремленій къ наживѣ и проникнутой горячимъ стремленіемъ къ простотѣ, естественности, къ духовной, нравственной свободѣ и независимости. Если эти люди не становятся послѣдователями Писцова, то это

происходитъ, главнымъ образомъ, потому, что ихъ смущаетъ и отпугиваетъ отъ него тотъ крайній и суровый ригоризмъ, которымъ проникнута вся жизнь бѣлоризцевъ и который сказывается въ ихъ пищѣ, одеждѣ, во всемъ ихъ житейскомъ обиходѣ.

С.-Петербургъ
Декабрь 1902 года

Интеллигентная секта.

ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ СЕКТА.

Къ вопросу о привиллегированномъ сектантствѣ.

Какъ прежде, такъ и въ настоящее время сектантское движеніе въ Россіи не ограничивается одною народною средою, но оно проникаетъ также и въ другіе слои населенія, въ общество, въ болѣе или менѣе интеллигентную и привиллегированную среду. Къ числу такихъ сектъ относится, между прочимъ, ученіе «Деснаго братства», возникшее въ пятидесятыхъ годахъ на Уралѣ, въ средѣ лицъ, служившихъ въ уральскомъ горномъ правленіи.

Хотя со времени возникновенія этого ученія прошло уже около 30-ти лѣтъ, тѣмъ не менѣе русское общество до сихъ поръ очень мало знакомо съ сущностью этой секты. Въ виду этого, смѣемъ думать, будетъ не безъинтересно привести здѣсь нѣсколько строго фактическихъ данныхъ о первыхъ руководителяхъ «Деснаго братства», объ ихъ ученіи и, наконецъ, о ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

I.

Артиллерійскій капитанъ—основатель секты.

Основателемъ «секты десныхъ» былъ капитанъ артиллеріи Николай Сазоновичъ Ильинъ, а первыми и наиболѣе активными послѣдователями его были: подпоручикъ корпуса лѣсничихъ Лалетинъ, его жена Александра Ивановна Лалетина, полицеймейстеръ николаевскаго оружейнаго завода, титулярный совѣтникъ Протопоповъ, контролеръ уральскаго горнаго правленія, коллежскій ассесоръ Будринъ, его жена, купеческій сынъ Шептаевъ и другъ.

О существованіи секты «десныхъ» мѣстнымъ властямъ сдѣлалось извѣстно въ 1858 году. Тогда же по этому поводу было назначено строгое слѣдствіе, при участіи особой комиссіи изъ Петербурга. Всѣ сколько-нибудь видные члены секты, поплатившись болѣе или менѣе тяжело за свое сектантство, были удалены съ Урала и разсѣяны по разнымъ мѣстамъ.

Главный руководитель секты, капитанъ Ильинъ, былъ заключенъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ провелъ цѣлые четырнадцать лѣтъ. Извѣстный ан-

глійскій путешественникъ Диксонъ, посѣтившій Соловецкій монастырь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, имѣлъ случай видѣться съ основателемъ «Деснаго братства» въ монастырской тюрьмѣ, въ которой тотъ содержался подъ строгимъ карауломъ. Впослѣдствіи Диксонъ подробно описалъ свое свиданіе съ «интереснымъ узникомъ» и при этомъ изложилъ, хотя и въ общихъ чертахъ, ученіе, созданное Ильинымъ.

Разгромивши сектантскую общину, начальство полагало, что зло вырвано съ корнемъ и что съ сектой покончено навсегда. Однако, жизнь весьма скоро и безжалостно разбила этотъ оптимизмъ.

Въ 1864 году благочинный Верхотурскаго уѣзда, Кушвинскаго завода, протоіерей Матвѣй Суворовъ донесъ по начальству, что основанная капитаномъ Ильинымъ секта «десныхъ» по настоящее время не искоренилась» По сообщенію благочиннаго, послѣдователи этой секты слывутъ у нихъ подъ именемъ субботниковъ и распространены, главнымъ образомъ, на заводахъ: Кушвинскомъ и Баранчинскомъ. Въ первомъ изъ этихъ заводовъ «секту эту открыто содержитъ отставной солдатъ Вахрушевъ, который и ревнуетъ объ ея распространеніи». Кромѣ того, послѣдователи секты «десныхъ» встрѣчаются въ Нижнетуринскомъ и Нижнетагильскомъ заводахъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ *десные*, по свѣдѣніямъ мѣстнаго духовнаго начальства, показывались въ тѣхъ-же самыхъ заводахъ, т. е. въ Баранчинскомъ, Кушвинскомъ и Нежнетагильскомъ. Затѣмъ, по свѣдѣніямъ Вассіана, епископа Екатеринбургскаго, послѣдователи секты «десныхъ» появились также и въ Шадринскомъ уѣздѣ.

Къ сожалѣнію, «по чрезвычайной скрытности послѣдователей этой секты число ихъ не было опре-

дѣлено даже приблизительно». Было извѣстно лишь, что секта «десныхъ» гнѣздится главнымъ образомъ среди горнозаводскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ. ученіе «Деснаго братства» изъ интеллигентнаго кружка мало-по-малу перешло въ народную среду и упрочилось въ ней.

Въ чемъ же состояла сущность этого ученія?

Въ 1868 году, вслѣдствіе министерскаго запроса, Антоній, епископъ Пермскій и Верхотурскій слѣдующимъ образомъ описывалъ ученіе «Деснаго братства».

«Десные» признаютъ изъ всѣхъ книгъ священнаго писанія лишь одну библію; они «не считаютъ для себя обязательнымъ ни правилъ апостоловъ, ни ученія церкви, ни постановленій вселенскихъ соборовъ,—все это они считаютъ изобрѣтеніемъ духа злобы съ цѣлью затмить истину ученія Божія». Они проповѣдуютъ, что «почитать нужно только одного Бога, святымъ-же не нужно молиться; Божія матерь родила Христа естественнымъ образомъ, а потому и не слѣдуетъ считать ее Богородицею».

«Святыя таинства церкви, по ихъ ученію—не таинства, а простые обряды, затемняющіе только истину; а потому ихъ нужно бросить. Въ церкви Божіей, говорятъ они, не должно быть никакихъ таинъ. Истинный Мессія скоро придетъ въ Іерусалимъ и воцарится тамъ съ десными на тысячу лѣтъ, послѣ чего будетъ уже страшный судъ. Послѣ страшнаго суда всѣ ошуйные (т.-е. не принадлежащіе къ сектѣ «десныхъ») будутъ мучатся въ адѣ, но не вѣчно. «Десные» же, какой-бы націи они не были, войдутъ въ царство Мессіи. Настоящее время—время скораго пришествія Мессіи».

Все ученіе «десныхъ», по свидѣтельству епископа Антонія, основано на «законѣ любви»; ученіе

о любви по преимуществу заимствовано изъ посланій апостоловъ Іоанна и Павла. Въ практической жизни законъ о любви «десные» думаютъ осуществить слѣдующимъ образомъ: всѣ «десные» должны составить братство; въ это братство могутъ поступать люди всѣхъ сословій и націй, причемъ могутъ сохранить за собою занимаемыя ими въ мірѣ должности и званіе, если только не будетъ особеннаго повелѣнія Божія оставить то и другое. Исключеніе въ этомъ случаѣ сдѣлано только для однихъ священно-церковно-служителей, которые не могутъ поступать въ братство, не отказавшись предварительно отъ своего званія и отъ своей должности.

Въ «братствѣ десныхъ» всѣ должны быть равны между собою, сильные-же міра сего должны считать себя въ братствѣ меньшими. Въ братствѣ есть особый блюститель, которому должны безъ всякаго прекословія повиноваться во всемъ всѣ члены братства. Высшій судъ въ братствѣ принадлежитъ всѣмъ членамъ его, и всѣ «десные» ни подъ какимъ видомъ не должны разбирать свои дѣла на судѣ у ошуйныхъ.

Члены братства во всѣхъ своихъ дѣлахъ должны руководиться любовью другъ къ другу; любовь особенно должна обнаруживаться въ готовности отказаться отъ своего имущества въ пользу братства. «Вообще,—замѣчаетъ по этому поводу преосвященный Антоній,—идеаломъ этой братской общины служитъ полный коммунизмъ имущества».

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что «сначала деснымъ заповѣдуется жертвовать въ пользу братства только какъ можно больше, но не все, а членамъ-купцамъ дозволяется даже имѣть въ личномъ владѣніи оборотный капиталъ, съ котораго только проценты должны поступать въ пользу братства Но

эта заповѣдь временная и годная только для несовершенныхъ въ любви, кто-же достигъ совершенной любви, у того не должно быть ничего своего и для себя, а все для братства богочеловѣческаго.

Всѣмъ членамъ братства заповѣдуется воздерживаться отъ брачнаго сожительства, впрочемъ, не безусловно. Женатые могутъ продолжать брачныя отношенія и холостые могутъ вступать въ бракъ съ «десными», если только не будетъ особеннаго повеленія тому или другому члену братства оставить брачную жизнь.

Вообще «деснымъ» заповѣдуется строгій, ригористическій образъ жизни: они не должны ходить ни на какія зрѣлища (въ родѣ театровъ, цирковъ и т. п.), ни на какіе праздничные вечера; они не должны упиваться, не должны пѣть пѣсенъ, не должны ни плясать, ни курить табакъ. Они должны носить скромную одежду, не по модѣ; не должны читать никакихъ «ошуйныхъ» книгъ или газетъ.

Каждый членъ братства долженъ дѣятельно заботиться о привлеченіи въ свою секту новыхъ членовъ. Особенно-же члены братства должны заботиться о распространеніи «Сіонской Вѣсти». Такъ называется составленная Ильинымъ рукопись, въ которой подробно излагается ученіе «Деснаго братства», его заповѣди, описывается организація общинъ, входящихъ въ составъ «братства» и т. д.

«Десные» должны списывать «Сіонскую Вѣсть», переводить ее на другіе языки и давать всѣмъ грамотнымъ и благомыслящимъ людямъ, «такъ, *чтобы въ семь дней узнали про это семь тысячъ людей*». Отъ неблагомыслящихъ-же «ошуйныхъ» нужно всѣми силами таиться и защищать другъ друга до положенія живота.

По замѣчанію епископа Антонія, «вся Сіонская

Вѣсть», кромѣ положительныхъ правилъ, опредѣляющихъ вѣрованія и жизнь десныхъ, наполнена страшными хулами на церковь (православную), таинства, иконы, на святыхъ церкви и на духовенство»

За измѣну братству, кромѣ отлученія и проклятія, угрожается еще «страшною болѣзнью или внезапною смертью и ужъ по крайней-мѣрѣ сумасшествіемъ».

Нашъ государственный строй жизни прямо не не порицается, но приводятся только пророчества съ своеобразнымъ толкованіемъ о скорой погибели всего государственнаго строя жизни, какъ учрежденія не божескаго. Погибель эта совершится черезъ истребленіе Богомъ россовъ на горѣ Ар...ѣ (не разобрано слово) Въ такомъ видѣ представляется ученіе «Деснаго братства», по описанію епископа Антонія *)

Г. Врупевичъ, авторъ весьма интересной статьи «Расколъ въ Пермской губерніи» («Отечественныя Записки» 1883 г. № 6 й) перечисляя разныя секты, распростаненныя на Уралѣ, упоминаетъ также о «церкви десныхъ, субботниковъ или немолякъ» **). По его словамъ, объ этой любопытной сектѣ миссіонеръ Верхотурскаго округа, священникъ Флавіановъ сообщилъ въ мѣстную духовную консисторію нѣсколько интересныхъ данныхъ.

Артиллерійскій капитанъ Ильинъ, — писалъ отецъ Флавіановъ, — «начитавшись западныхъ мистиковъ и въ особенности, «Побѣдной Исповѣди»

*) Всѣ эти данныя заимствованы нами изъ подлинныхъ дѣлъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ архивовъ, въ которыхъ намъ пришлось заниматься въ 1882 году.

**) Что „десные“ иногда называются субботниками – это не подлежитъ сомнѣнію, но едва-ли справедливо, что они называются гдѣ-нибудь немоляками. Слѣдуетъ замѣтить, что секта немоляковъ существуетъ въ народѣ совершенно независимо отъ „Деснаго братства“ и потому не должно смѣшивать между собою эти двѣ вполнѣ самостоятельныя секты.

Юнга Штиллинга, увлекся духомъ протестанскаго свободомыслія и мистицизма, отвергъ преданія св. церкви, ея таинства и обряды, посты и вообще все внѣшнее церковное богослуженіе и составилъ въ Барановскомъ заводѣ особое религіозное общество, которое назвалъ «церковью десныхъ» и которое у православныхъ извѣстно подъ именемъ субботниковъ.

Ученіе свое Ильинъ изложилъ въ рукописи «Сіонская Вѣсть». Въ дополненіе и разъясненіе «Сіонской Вѣсти», онъ въ послѣднее время составилъ и старается чрезъ своихъ приверженцевъ распространить новую рукопись «Лучъ Свѣта». По отзыву миссіонера Флавіанова, обѣ эти рукописи, по содержанію своему, «сходны и крайне вредны, но послѣдняя, по отзыву о ней казанскаго епархіальнаго начальства, еще вреднѣе».

А вотъ и самый отзывъ: «кощунство и грубая брань отличаютъ тѣ мѣста, въ коихъ говорится о таинствахъ христіанской вѣры, о христіанскихъ святыхъ и иконахъ, о православномъ духовенствѣ и гражданскихъ властяхъ. Положительное христіанское ученіе сводится къ одной любви. Ученіе о св. Троицѣ почитается ложнымъ и подъ выраженіемъ «Духъ Святой» разумѣется эфиръ или электрическій свѣтъ. Христосъ Спаситель называется не Богочеловѣкомъ, а человѣко-Богомъ.

«При этомъ проповѣдуется всеобщее равенство между людьми не по религіи только, но по ихъ соціальному положенію Въ концѣ рукописи изложены вымышленные чины вечерни и обѣдни въ стихахъ. Замѣчательно, праздновать предписывается субботу, а не воскресенье и притомъ чисто въ духѣ еврейскомъ» *).

---

*) Расколъ въ Пермской губ, *Отечествен. Записки* 1883 г. № 6-й

II

Члены «Десного Братства.»

Пользуясь докладомъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о «десномъ братствѣ»,—мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о личномъ составѣ братства за первое время его существованія.

Однимъ изъ первыхъ послѣдователей Ильина является подпоручикъ корпуса лѣсничихъ Александръ Степановичъ Лалетинъ, который занималъ мѣсто лѣсничаго въ Нижнетуринскомъ заводѣ. Живя въ Баранчѣ, Ильинъ познакомился и вскорѣ близко сошелся съ Лалетинымъ и его семьей. Имѣющіяся у насъ въ данную минуту свѣдѣнія, недостаточны, къ сожалѣнію, чтобы сколько-нибудь полно обрисовать нравственную личность этого человѣка. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что Лалетинъ обладалъ весьма энергичнымъ и рѣшительнымъ характеромъ. «Усиленная дѣятельность Ильина, какъ пропагандиста, на горныхъ заводахъ и охлажденіе къ церкви начались именно со времени знакомства его съ Лалетинымъ» *). Оба они неустанно и энергически занимались дѣлами распространенія «Сіонской Вѣсти» среди своихъ знакомыхъ, а также и между горнозаводскими крестьянами и мастеровыми.

---

*) „Сіонская Вѣсть“. статья г. Вишнякова въ „Православномъ Обозрѣніи“

Вслѣдъ за Лалетинымъ, дѣятельнѣйшимъ членомъ «Деснаго братства» является титулярный совѣтникъ Капитонъ Александровичъ Протопоповъ, занимавшій мѣсто полиціимейстера въ Николаевскомъ оружейномъ заводѣ

Протопоповъ — сынъ священника, уроженецъ Пермской губерніи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ далматовскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ перешелъ въ пермскую семинарію, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью студента. Службу свою Протопоповъ началъ учителемъ латинскаго языка въ пермскомъ духовномъ училищѣ, потомъ переведенъ былъ инспекторомъ екатеринбургскаго духовнаго училища и, наконецъ, секретаремъ строительнаго комитета по перестройкѣ училищнаго дома

Въ 1849 году Протопоповъ уволился изъ духовнаго званія и поступилъ въ штатъ уральскаго горнаго правленія. Спустя годъ послѣ этого, онъ былъ командированъ правленіемъ въ комитетъ, учрежденный при Невьянскомъ заводѣ для постройки единовѣрческой церкви, а затѣмъ онъ былъ зачисленъ полиціимейстеромъ на Николаевскомъ оружейномъ заводѣ.

Слѣдственная коммиссія слѣдующимъ образомъ характеризуетъ личность Протопопова: «За исключеніемъ капитана Ильина, изъ всѣхъ членовъ «Деснаго братства» одинъ Протопоповъ, по развитію умственныхъ способностей, соединенному... съ дерзостью и изворотливостію, представляется не безопаснымъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Не имѣя рѣшительно никакихъ (?) религіозныхъ убѣжденій, Протопоповъ присталъ къ сектѣ Ильина въ видахъ извлеченія практической пользы изъ его фанатизма и съ цѣлью посредствомъ совокупленія денежныхъ средствъ и имущества братій—достиг-

нуть при оборотливости своего ума, большихъ матеріальныхъ выгодъ. Къ этому присоединилось и ненасытное болѣзненное честолюбіе, столь свойственное лицамъ его сословія (?!) и составляющее въ особенности слабую струну Протопопова, который во что-бы то ни стало хочетъ пріобрѣсть извѣстность»

При всемъ этомъ Протопоповъ отличался замѣчательной діалектикой. Увѣренность его въ своихъ діалектическихъ способностяхъ была такъ велика, что въ теченіе двухъ засѣданій онъ приносилъ библію и не терялъ надежды силою своихъ убѣжденій склонить членовъ коммиссіи къ своимъ идеямъ и сдѣлать изъ нихъ послѣдователей «Деснаго братства».

Протопоповъ вполнѣ сознавался въ томъ, что онъ принималъ участіе въ сектѣ «десныхъ» христіанъ, но при этомъ, онъ всевозможными способами старался запутать дѣло передъ коммиссіей и замаскировать свое участіе въ дѣлѣ распространенія «Сіонской Вѣсти» и совращенія православныхъ въ «Десное братство». И это удалось ему: не было доказано, чтобы онъ кого нибудь совратилъ въ эту секту и, благодаря этому, онъ избавился отъ той суровой кары, которая постигла Ильина и Лалетина *).

Далѣе, въ числѣ членовъ «Деснаго братства» находился вильманстрандскій купеческій сынъ Василій Шептаевъ **). Это былъ молодой человѣкъ, 21-го года, проживавшій на Нижне-тагильскомъ заводѣ наслѣдниковъ Демидовыхъ и получившій образованіе въ слободскомъ уѣздномъ училищѣ.

---

*) Лалетинъ былъ сосланъ въ Свіяжскій монастырь Казанской губерніи, гдѣ онъ безъвыѣздно прожилъ около 10-ти лѣтъ. Если не ошибаемся, Лалетинъ умеръ въ 1869 году.

**) Умеръ въ Саратовѣ въ 1882 году.

«Будучи единственнымъ сыномъ богатаго купца, оставившаго ему довольно значительный капиталъ, — говоритъ докладъ коммиссіи, — Шептаевъ обратилъ на себя вниманіе Ильина, который познакомился съ нимъ въ домѣ первыхъ своихъ адептовъ, В – ныхъ, въ 1856 году, привлекъ его въ «братство» и женилъ на своей старшей дочери Натальи». Во время производства слѣдствія, когда Ильинъ и Протопоповъ, равно какъ и другіе члены «братства» находились подъ арестомъ, Шептаевъ долженъ былъ на свой счетъ содержать семейства Ильина и Протопопова.

Жена Шептаева, старшая дочь Ильина, Наталья Николаевна, во время производства слѣдствія имѣла двадцать два года. Она выросла и была воспитана отцемъ въ началахъ «Сіонской Вѣсти» и, по мнѣнію нижнетагильскаго единовѣрческаго священника Петра Успенскаго, близко знавшаго семейство Ильина, по воспріимчивости своей натуры живѣе другихъ дѣтей раздѣляла убѣжденія отца.

Выше мы уже упоминали, что Ильинъ и Лалетинъ старались распространить свое ученіе среди горнозаводскихъ крестьянъ. Особенныя надежды они возлагали въ этомъ случаѣ на мѣстныхъ сектантовъ и «раскольниковъ». И, дѣйствительно, эти надежды не обманули ихъ. Первыми по времени послѣдователями Ильина явились «раскольники» братья В—ны.

В—ны были нижнетагильскими крестьянами господъ Демидовыхъ и занимались торговлею. Хотя они и значились оффиціально «единовѣрцами», но у исповѣди и св. причастія никогда не бывали. Ильинъ первоначально познакомился съ В—ными въ 1847 году, посѣщая острогъ, гдѣ В—ны содер-

жались за бѣгство въ скиты «по раскольническому изувѣрству».

Постепенно подготовивъ В—ныхъ къ воспріятію идей «Деснаго братства», Ильинъ, въ 1853 году, открылъ имъ «Сіонскую Вѣсть»; съ этихъ поръ В—ны становятся ревностными поборниками его ученія. Слѣдомъ за ними не замедлили вступить въ братство и ихъ жены, которыя до тѣхъ поръ также, какъ и ихъ мужья, состояли въ расколѣ.

Члены «Деснаго братства», по увѣренію коммиссіи, прикрывали свое сектаторство лицемѣрнымъ благочестіемъ и исполненіемъ тѣхъ самыхъ уставовъ православной церкви, къ которымъ высказано въ «Сіонской Вѣсти» полное пренебреженіе. Всѣ они при первомъ-же допросѣ въ этомъ сознались, но ни одинъ изъ нихъ не изъявилъ при этомъ нималѣйшаго раскаянія, — напротивъ, всѣ они выражали глубокое и твердое убѣжденіе въ непреложности истинъ и правилъ «Сіонской Вѣсти».

Между прочимъ, коммиссія констатировала фактъ огромнаго «можно сказать магнетическаго вліянія, какое оказывалъ фанатизмъ Ильина на его послѣдователей». Разительнымъ фактомъ, подтверждающимъ силу этого вліянія, является, по словамъ коммиссіи, совращеніе зятя Ильина, коллежскаго ассессора Ив. Ив. Будрина. По общимъ отзывамъ, Будринъ принадлежалъ къ примѣрнымъ христіанамъ по своему благочестію; онъ жилъ постоянно при Екатеринбургскомъ дѣвичьемъ Новотихвинскомъ монастырѣ, занимался дѣлопроизводствомъ этого монастыря и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ игуменьи.

Это былъ больной, чахоточный субъектъ. Ильинъ вмѣстѣ съ школьнымъ товарищемъ и другомъ Будрина, Протопоповымъ, успѣлъ поколебать его вѣру

и мало по малу склонилъ его къ вступленію въ «Десное братство». Мало этого, Будринъ сдѣлался горячимъ и страстнымъ поклонникомъ идей «Сіонской Вѣсти». Когда на «братство» налетѣла гроза и многіе изъ его членовъ подверглись аресту, Будринъ смѣло и открыто выступилъ на ихъ защиту. Только смерть избавила его отъ той кары, которая, по всей вѣроятности, не замедлила-бы разразиться надъ его головой.

Затѣмъ, въ числѣ лицъ заподозрѣнныхъ коммиссіею въ принадлежности къ «Десному братству» находились также два священника: Аркадій Казанкій и Іоаннъ Снигиревъ. Священникъ Новотихвинскаго монастыря Аркадій Казанскій при отпѣваніи тѣла Будрина *), безъ предварительной цензуры старшаго протоіерея, произнесъ надгробное слово, которое «по единогласному показанію присутствовавшихъ при этомъ чиновниковъ и священниковъ, поразило всѣхъ намеками на преслѣдованіе начальствомъ невинно страждущаго Протопопова».

Приглашенный въ коммиссію для разъясненій нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣла, священникъ Казанскій обнаружилъ «крайнюю строптивость, заносчивость и неповиновеніе» и на отрѣзъ отказался давать слѣдователямъ какіе-либо отвѣты. Такую-же точно строптивость и неповиновеніе выказалъ онъ и относительно викарнаго епископа и пермскаго архіепископа, за что и былъ переведенъ въ Осинскій уѣздъ.

Нижнетагильскій священникъ Іоаннъ Снигиревъ былъ заподозрѣнъ коммиссіею единственно на томъ основаніи, что этотъ священникъ находился «въ

*) Будринъ, какъ и Протопоповъ, были товарищами священника Казанскаго по духовной семинаріи.

близкихъ и дружескихъ сношеніяхъ съ капитаномъ Ильинымъ и его семействомъ». «Сближеніе Снигирева съ Ильинымъ, возникшее первоначально изъ знакомства жены его съ дочерью Ильина Натальей, скрѣпленное затѣмъ троекратнымъ кумовствомъ, обратилось впослѣдствіи въ тѣсную дружбу, при существованіи которой и извѣстной страсти Ильина къ пропагандѣ и богословскимъ преніямъ, *едва-ли* (!) онъ могъ оставаться въ невѣдѣніи о «Сіонской Вѣсти», тѣмъ болѣе, что Снигиревъ водилъ знакомство съ В—ными и Шептаевыми».

Пермскій архіепископъ, «усматривая, что эта связь подаетъ поводъ къ соблазнительнымъ толкамъ и желая устранить поводы къ нимъ, призналъ необходимымъ удалить Снигирева изъ-за Уральскаго въ Пермскій уѣздъ, подъ строгое наблюденіе [illegible]гочиннаго, о чемъ тогда-же было донесено свя[illegible]йшему синоду».

Изъ женщинъ, принимавшихъ участіе въ «Десномъ братствѣ», болѣе другихъ поплатилась вдова Александра Николаевна Будрина (дочь Ильина): она была заключена въ Новгородскій Свято-Духовъ женскій монастырь. Впрочемъ она пробыла здѣсь не долго, такъ-какъ «вскорѣ перемѣнила свой образъ мыслей и [illegible]обою подпискою обязалась слѣдовать впредь [illegible]о всемъ неуклонно ученію православной церкви и ни къ какимъ раскольническимъ сектамъ не принадлежать ни явно, ни тайно». Вслѣдствіе [illegible]его Будрина была освобождена изъ монастыря, [illegible]днако и послѣ этого она долгое время находилась подъ строгимъ надзоромъ полиціи.

Коммиссія, задавшись цѣлью во что бы то ни стало «вырвать зло съ корнемъ», весьма сурово расправилась со всѣми, на кого только падала хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія въ прикосновенности къ

«Десному братству». Почти всѣ такія лица были немедленно высланы или-же переведены на службу въ разныя болѣе или менѣе отдаленныя мѣста; независимо отъ этого за ними учрежденъ былъ строгій надзоръ полиціи. Ильинъ и Лалетинъ, какъ мы уже замѣтили выше, были заключены въ монастыри *).

Нужно-ли говорить, что эти суровыя мѣры не помогли дѣлу, во имя котораго онѣ были предприняты? И, дѣйствительно, на практикѣ эти мѣры привели къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которые отъ нихъ ожидались. Едва прошло пять-шесть лѣтъ послѣ погрома, имѣвшаго цѣлью положить конецъ распространенію «Деснаго братства»,—какъ вдругъ послѣдователи этого ученія обнаруживаются на нѣсколькихъ заводахъ. Мало-по-малу «ученіе Десныхъ» переходитъ изъ Ве[illegible] турскаго уѣзда, гдѣ оно первоначально возникло въ другіе уѣзды, и тамъ пріобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе послѣдователей. Есть указанія, что въ настоящее время ученіе это распространяется среди населенія Кунгурскаго, Шадринскаго и Камышловскаго уѣздовъ. Ясно, стало быть, что противъ подобнаго движенія нужны совсѣмъ *иныя* мѣры, *иные* способы борьбы съ нимъ.

С. Добрынское, Владимірской губ
25-го августа, 1883 г.

Центральная [illegible]
Библіотека-Читальня
Московскаго [illegible]
Профессіональныхъ [illegible]

*) Нѣкоторыя подробности объ этомъ читатель можетъ найти въ нашей статьѣ „Соловецкіе узники".—*Русская Мысль*, 1[illegible] годъ № 11 й.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ